

МАРИЯ ЧИНИКИНА

ЧЕРНОЕ ОБЛАКО

"Черное облако", используя слабости человека, пытается удержать стену между людьми, сделать жизнь еще более нетерпимой и погрузить мир в хаос. Но молодая наследница, дочь верховного правителя — Эмма, неожиданно получает силу белого камня и становится хозяйкой загадочного сада. Что выберет Эмма: нелегкую судьбу правительницы или полную опасностей участь спасительницы мира? Жизнь, полную придворных интриг и сладких речей менестрелей или битвы, приключения, мир магии и фривольные песни бродячих трубадуров?

Косые ветки садовых лиственниц укутал призрачный туман. Молодая женщина в платье с голубой оборкой брела по вымощенной серым булыжником дорожке. Она шла мимо живых изгородей, мимо притаившихся в темноте кустов сирени, мимо цветущих даже в такую тихую безоблачную ночь клумб. Серебристые плащи гвардейцев мелькали то рядом, то вдалеке и звон их тяжелых шагов доносился каждые три минуты. И женщина без конца оглядывалась, прислушиваясь к голосам, к легкому шороху сухих листьев, и только когда становилось совсем тихо, продолжала свой путь. Резкий взмах рукой на полянке у белого камня и яркое свечение сначала поглотило ее, а чуть позже вытолкнуло на живописном берегу реки. Ленточная дорога упиралась в невысокие холмики, покрытые жухлой травой и колючим кустарником. И ясное небо казалось озябшим, окоченевшим, а густой свет заливал едва видимые крыши построек из серого камня.

Женщина торопилась. Она скорее перебежала навесной мости остановилась у одноэтажного дома. Избушку окружал утопающий в ночи сад. Гирлянда из синих и розовых бутонов на тоненьких стебельках ползла по железной ограде. Листики цеплялись за прутья, а лепестки переплетались с ноготками дуба и ясеня. Их темные стволы притаились у западной стены. Соломенная крыша слегка «просела», а в трех окошках не наблюдалось ни света, ни огонька и ступеньки ужасно закрипели, стоило подняться по ним и замереть у глухо запертой двери.

Женщина пару раз хлопнула и вошла в темное помещение. Взглядом зажгла толстую свечу на подоконнике. Дрова в железной печке также вспыхнули огнем от одной ее мысли. И все предметы в этой небольшой комнате как будто «ожили». По бревенчатым стенам поползли яркими красками кружки, пятна, лучики, огоньки... Коснулись навесных полок, осветили огарок, затухший фитилек, склянку с жидкостью мутноватого цвета, чугунный котелок в самом углу и ложку из него торчащую. Деревянная ручка метлы притаилась за боковой дверцей, а огромный паук с глазами-усиками медленно перебирал мохнатыми лапками по выбеленной стене чана с холодной водой.

Половицы под ногами женщины скрипнули. Она села на скамейку и задумалась о чем-то своем. На полу плясали лунные тени. Свечное пламя дрожало. Было очень тихо. И думалось спокойно. Вернее женщина выжидала. Время. Потом крик... Женщина бросилась к окну, распахнула створку, но все исчезло, пропало. Только легкий ветерок колыхал занавеску. Она вздохнула и взяла книгу с полки. Выпавшую из самой середины колоду карт не заметила — она стала читать... Внимательно. Водить ногтем по строчкам, поднимать глаза, в нужный момент закрывать их. И в темном сумраке она видела мерцающие символы, но распознать их никак не удавалось. Тусклая пелена не позволяла сделать этого...

Вдруг желтые страницы зашелестели. Книга закрылась сама собой. И единственный живой огонек на подоконнике едва не погас. Из черного воздуха материализовался старик. Конусообразная шляпа прикрывала поседевшие виски. А глаза... Его глаза, походившие на две угольные точки, яростно блеснули.

— Ты! — зашипела женщина.

Седой старик хлопнул в ладоши. Книга отъехала в сторону.

— Я предупреждал...

— Как же! Помню каждое твое слово, когда ты проклинал меня. Я использовала чужую силу, чтобы приворожить его, но ты все равно наказал меня. Но как только Эмма прочтет послание, я верну все, что утратила!

— Замочи! Немедленно. Опомнись. Прошу! Твоя мать сгинула благодаря их мерзким ручонкам! А она только и хотела наделить души жалких существ красотой, любовью, миром и согласием, помочь избавиться от собственного величия. Но они беспощадно «убили» в ней то, что она хотела им подарить, силы иссушили ее...

— К чему ты опять поднимаешь эту тему? — женщина приподняла брови. Густые. А так у нее было довольно милостивое лицо. Круглое, и золотистые волосы она почти всегда зачесывала назад, на левый пробор. А сегодня, голубая лента в тон оборке ее платья, была вплетена в достаточно толстую косу.

Седой снял плащ, скинул с головы конусообразную шляпу. Женщина притихла на своем стуле и без конца поглядывала на свою книгу. Но так, чтобы не замечал ее открытого интереса старик. Он был довольно худощав, всегда ходил в одном и том же дорожном костюме и не отличался внешностью от обедневшего дворянина. Седой много лет жил с этой мыслью, с этой легендой. Правду не знали даже его камердинер и миссис Мопсли, кухарка. Он мог бы заполучить состояние, мог бы потребовать у правителя титул посольское и многое другое, но предпочитал праведно жить на то, что давала земная жизнь — на скромный учительский заработок.

— Знаешь, я довольно часто бываю в спальне Эммы и люблюсь тем, как она спит, — сказал старик и огонек свечи заколыхался на подоконнике. Такой не высокий, но обжигающий. Мерцающий, с рваными краями. Если бы только была возможность поднести руку. Согреться... Седой моргнул...

— Не все так просто, — заметила женщина.

— Да, не все. Если Эмма не впитает силу Белого Камня, мы навсегда потеряем ее, такова цена сделки. Припоминаешь?

Лицо женщины побледнело, а седой склонился над ней. Волосы его серебрились в лунном свете. Ухмылка появилась на черных губах, он смеялся и выдавал ужасные нечеловеческие звуки. Женщина стукнула кулаком, старик выпрямился. Плащ и перчатки прыгнули ему в руку.

— Я должен был предупредить, и миссию свою выполнил! — конусообразная шляпа взлетела на его седую голову.

— Спасибо за заботу! — женщина закрыла глаза и с помощью заклинания пробралась в сон к Эмме.

— Благодарить будешь потом! — седой шагнул в открывшийся по его желанию портал и исчез. А спящая в своей комнате с овальным окном Эмма с легкостью и не подозревая ни о чем разрушила защиту старика. Женщина ликовала. Тусклая пелена упала. Она в два раза быстрее зачитала древние наречия и перестала слышать крики седого, застрывшего в портале, но он уже не мог выбраться оттуда, как и помешать ей.

Эмма вдруг поняла, что не спит. Невиданная сила несла ее к залитой солнечным светом поляне. Ей казалось, что хрупкое тело не подчиняется ее воле, она с трудом шевелила руками и ногами. А потом вдруг ощутила твердость земли. У Белого Камня, вросшего в сырой, наполненный влагой песок. Кто-то силой приложил теплую ладонь к отпечатку руки. Перед глазами замаячили буквами огненные символы и губы девочки стали нашептывать их. Где-то в небе скользила фигура человека в белом плаще и падала с его седой головы

конусообразная шляпа, взлетала и снова падала... На минуту Эмма почти ухватила похожий на щупальце палец, но женщина успела обрубить связь. Она радостно вешала кому-то, что была права, ее подопечная оказалась способной и смогла сделать то, что не удавалось многим — у нее получилось впитать в себя силу Белого Камня. Хотя бы малую ее часть!

Странное путешествие окончилось в один миг. Эмма очнулась в постели. Все тело покрывал ужасный липкий пот. Пижама насквозь промокла. Круглое лицо исказил ужас, васильковые глаза слезились и покраснели. На резкий крик прибежала служанка Эшли и подала стакан воды. Эмма с жадностью глотала холодную жидкость. Затем пожаловалась, что ей приснился кошмар, повелительным тоном потребовала зажечь свечи. Эшли заметалась по спальне, но лучшим решением все же нашла сбегать за мадам Эдмон.

Женщина в избушке открыла глаза. Свечка на подоконнике угасла, книга закрылась. Она покинула домик и неторопливо перешла сначала навесной мост, потом прогулялась по песчаному берегу и вышла в укутанный серебристой дымкой лес. Открывать портал не спешила... Присела на колени и вспомнила, как в тот важный для нее день она играла на флейте с одной лишь целью... И если бы не вмешательство седого старика в ночь, когда лил дождь...

— И чего ты добилась? Говори!.. — Он материализовался из воздуха неожиданно.

Молодая женщина молчала. Каблук правого башмака застрял в трещине вросшего в землю корня дерева. Она с трудом выдернула ногу и пошла дальше. Старик летел по воздуху. Рядом.

— Любое отклонение людишки посчитают служением черному делу! — причитал он.

— Мы и есть черная сила, отец, — съязвила женщина. — Теперь же я рассчитаюсь! И ты не остановишь меня!

— Правила, — седой нахмурил брови. Шляпа скосилась на бок, но он тут же поправил ее. Мысленно.

Женщина не видела его ухмылки. Она поднялась на крутой берег. Красное зарево всходило багрянцем на нежно-голубом небе. Старик тряс ее за локоть, требовал глядеть ему глаза. Женщина улыбалась, пачкала каблуки в мокром песке, смотрела, как едкие цвета чертятся радугой и радовалась силе, которую отныне снова могла ощущать кончиком каждого пальца. Это была часть силы, но такая важная! Даже с такими способностями можно все! Но что будет, если Эмма впитает остальное? Женщина задумалась...

Седой окликнул ее... Она очнулась... Злобная усмешка очертила сухие губы. Яркие черные, как у старика. Людивидели их обычными, красными, как у всех. Но здесь, когда они наедине и не смотрит никто...

Седой моргнул. Женщина покосилась. Впервые в налитых кровью глазах ее отца скопилось так много ярости и сочувствия одновременно.

— Тильда! — печально выкрикнул он.

— Пусти! — Тильда поднялась с песка. Песок запачкал оборку, песок прилип к юбке платья, песок... Всюду он... Заглатывал, не давал дышать, думать, решать, идти, брать. Что-то было не так. Изменилось. Тильда не понимала. Вроде те же чувства, а вроде и не те. Способная Эмма забудет о Белом Камне уже утром. До следующего раза. Жаль седой не забудет. Отныне он не может помешать ей осуществить задуманное... Но... Тильда напряглась:

— Не ищи меня, папа! — резко сказала она, открыла портал и яркое свечение поглотило ее.

Если книга понравилась вам, то поддержите автора — "подарите" звездочку роману и поделитесь им в соц. сетях. Спасибо

Был ранний рассвет. Черные тени танцевали на выбеленных стенах. И в жестянке погасла горевшая всю долгую и душную ночь свечка. И в саду утренняя пташка потянула навязчивую мелодию, единственную, какую знала. Эмма приподнялась на локоть и стала повторять за птицей, тихо, вполголоса, чтобы не разбудить спящую за перегородкой Эшли.

В приемной дремали няни. Та, которая в беленьком чепце, громко похрапывала, у ее полноватой в груди соседки свалилась с колен раскрытая на середине книжка, а третья, сутулая и в башмаках с острыми пряжками, бормотала во сне мужское имя. Эмма потянулась на носочках и осторожно отодвинула щеколду. Скрипнули петли. Нянькав чепце выпрямилась. Эмма пригнулась и юркнула за комод. Задышала тяжело. Няня повертела головой, не заметила никого и через минуту захрапела снова, а Эмма поспешила выскользнуть в длинный коридор.

Арочная галерея утопала в бесконечности, а с правого края к ней примыкала широкая лестница с каменными ступенями и черными коваными перилами. Тусклый свет падал из мозаичных окон на скульптурные колонны в десятках ниш. Эмма досчитала про себя до пяти, а потом быстро перебежала по кружевному балкону на противоположную сторону, туда, где располагались комнаты папы. Перебежала и налетела на дежурившего возле массивных дверей Гастона. Старший слуга вытянул руки, но ухватил лишь воздух. Эмма оказалась проворнее и сумела спрятаться в темноте отцовской спальни. Она подняла растрепанную голову. С деревянных перекрытий свисала огромная люстра, сейчас казавшаяся ей неживой. Не горела ни одна свеча, и в камине у дальней стены слабо трещали поленья и совсем не грели. Эмма выбралась из укрытия и осторожными шажками приблизилась к резной спинке отцовской кровати.

Папа спал, закутавшись в одеяло. Белый колпак съехал на изъеденный мелкими морщинками лоб. Эмма осторожно дернула мохнатую кисточку, и он тут же открыл глаза.

— Который час? — с испугом в голосе спросил отец.

Эмма пожалала плечами.

— Мне нужно признаться..., - только и смогла пробормотать она.

— Не могла подождать до завтрака? — папа вздохнул и потер слипшиеся веки. — Я жду, Эмма.

— Одна тетя водила меня на песчаную поляну. В тот день, когда мадам Эдмон и Эшли потеряли меня. Помнишь?

— И?

— Она существует, папа. И снова зовет...

— Куда?

— К озеру. В полдень. Полоскать белье.

Правитель Тельман, а это был он, вздохнул.

— Иди-ка сюда, — сказал он и потянул обе руки к своей дочке.

Эмма забралась в постель отца, и папа вдруг обнял ее. Он по-настоящему привязался к этому чудному ребенку с золотыми кудряшками. Ни к жене, ни к матери, а к ней, маленькой Эмме, которая и плакала, и капризничала, и дергала кучерявую челку, и прыгала вокруг него, и первой встречала из дальних поездов.

— Опиши папе внешность странной тети. Подробно. Папа пошлет к озеру господина Дюре и все будет у нас хорошо.

Эмма хмыкнула:

— Я не помню...

Правитель Тельман нахмурился, отстранился от дочки и вызывал звоном колокольчика слугу. Усатый Гастон в черных одеждах явился через секунду, отыскал в шкафу пестрый халат и набросил господину на плечи. Эмма засмеялась.

— Босиком! — воскликнул правитель Тельман. — Эмма, я же просил!.. Или... постой. Ты выдумала эту тетю, признавайся, просто захотела сорвать мою поездку в горы!

— Неправда, неправда, — запричитала Эмма и выбежала в приемную. Мигом пересекла арочную галерею и влетела в свою комнату. Сердце ее волнительно стучало, в нишах с колоннами было уже не так промозгло и сыро. Скорее жарко. Да так, что пот пропитал насквозь белую пижаму и кудрявые волосы за ушком.

— Ну же! — кричал бежавший за дочкой правитель Тельман. Все три няньки одновременно проснулись от его голоса и гордо выпрямили спины. Но Эмма успела спрятаться от наказания под одеялом в своей кровати.

— Я не придумала, — услышал правитель Тельман глухой шепот. — Не придумала. Тетенька приходит в платье с голубой оборкой и венке из полевых цветов. У нее золотые волосы, как у меня, вьются и нежные руки. Ей нравится гладить меня по щеке. А еще она всегда показывает большую книгу и белый камень на песчаной поляне, а у озера... обещала научить полоскать белье...

Правитель Тельман нащупал свою дочку и велел ей лечь нормально, как полагается — голову на подушку, ноги к спинке. Эмма подчинилась, а папа укрыл ее и сел рядом, на специальную скамейку. Ее подал быстро сориентировавшийся Гастон.

В спальне было тихо. Комнату постепенно наполняло тепло. Эшли уже успела растопить печку и затворить наглухо окно. Эмма обрадовалась тишине. Больше не чирикала навязчиво птица, не шумел парковый ветер, и дождевые капли не стучали по булыжникам. И папа обещал схватить тетю.

— Засыпай, Эмма. Рано еще. А папа рядышком посидит...

Эмма перевернулась на левый бок. Одна из подушек съехала на коврик. Правитель Тельман прищурился и вдруг заметил у резного изголовья странное перо. Он взял его. Перо было белым, необычной формы, большое и украшено драгоценными камнями. Холодок пробежал по его спине. Он взял серебряный колокольчик. На звон отозвались няньки, Гастон.

— Роту гвардейцев к озеру у восточных ворот, — приказал он. — Женщину в платье с голубой оборкой схватить и как следует допросить.

— Поездка?

— Пошлите наместника.

Гастон откланялся. Няньки одна за другой выстроились в ряд. Они были одного роста и даже надели похожие платья с белыми воротниками. Только у одной был чепец, другая прятала за спиной книжку, третья горбилась и без конца поднимала глаза к деревянным перекрытиям на потолке.

— Кто из вас дежурит? — спросил правитель Тельман.

— Флэр, Ваша милость, — няня в чепце подтолкнула сутулую и та выпрямилась.

— Приемную Ее милости не покидать...

— Как прикажете, Ваша милость.

— А ты, дорогуша, только попробуй послушаться! — хмуро заметил правитель Тельман.

— Хорошо, папочка, — протянула Эмма и показала, пока отец не видит, нянькам язык.

Правитель Тельман ушел. Следом одна за другой покинули спальню и няньки, причитая и охая. Эмма подождала пока стихнут их шаги, вылезла из-под одеяла и стала прыгать на кровати, когда по протоколу требовалось спать. Потом ей стало скучно. Она опустилась на колени, вынула железный прут, припрятанный под ковриком, и распорола им самую большую подушку. Белый пух закружился в сером воздухе, а потом опустился воздушной горкой на каменные плиты. Эмма глянула в темный угол... Железный прут выпал из ручки, как и то, что осталось от подушки.

— Она здесь! — крикнула Эмма. Но все как будто вымерли. Няньки видимо опять заснули, папу в его комнатах одевал к первому завтраку Гастон. Эмма забилась под одеяло, но одним глазком все же поглядывала на страшнуететю. Она опиралась рукой на изогнутую спинку кресла, а густые волосы переливались золотом в предрассветных лучах. Женщина махнула рукой... Створка окна отворилась... Снова запела ранняя пташка... Эмма крикнула громче...

На зов из смежной комнаты прибежала Эшли. Как всегда в приталенном платье и деревянных башмаках, которые сваливались с маленьких ноги навязчиво стучали.

— Что такое? — спросила Эшли.

Тонкий палец Эммы показывал на голубой силуэт в предрассветной тени. Эшли прищурилась. Закрывает окно. Вновь стало тихо.

— Не вижу никого, — служанка пожалала плечами. — Давайте я вам помогу.

Эшли помогла Эмме улечься. Но странная гостья вплела в золотистые волосы голубую ленту и вдруг пропала. Она не пришла в полдень к озеру. Господин Дюре доложил об этом правителю Тельману, и он приказал бросить в темницу старшего в отряде. Парня избивали, а потом привязали к столбу у центральных ворот. Эмма глядела на мальчишку с окровавленным лицом из окошка спальни до тех пор, пока Эшли не задернула штору и не увела смотреть на лебедей в книжке. Рисованных.

Спустя десять лет...

Эмма вошла в танцевальный зал. В тесном помещении с низким потолком были закрыты все окна. Горело множество свечей. Воск стекал по покрытым желтым налетом стенам. И всюду жар, гогот, пение, танцы, опрокинутые кубки и терпкий запах от пролитых напитков.

— Эмма! — правитель Тельман захлопал в ладоши.

Все стихло. Люди в мехах и бархате стали еще прямее, еще увереннее двинули головами в шапках и захлопнули рты. Скрипачи на винтовом балконе перестали играть, слуги в праздничной униформе застыли каждый у своей двери.

Эмма быстро вспомнила уроки мадам Эдмон, улыбнулась и пошла к возвышению. Она готовилась к этому вечеру — Эшли причесала получше, портные за две недели сшили новое платье, складками оно струилось от талии до щиколоток, обувщики изготовили мягкие туфельки и теперь удобные каблучки идеально скользили по каменным плитам. Сердце Эммы стучало, она шла, и каждый гость отдавал ей знак почтения.

На ступеньках ждал папа. Мама стояла позади него и прикрывала отекавшее после бессонной ночи лицо шифоновой накидкой. Глаза ее, похожие на две черные точки, моргали. И волосы у нее были темные. Густыми локонами они падали на полноватые плечи.

Гастон подал правителю красную подушку. Свернутый в трубу желтый листок бумаги мелькнул в свечном воздухе. Папа улыбнулся. Мама отошла к окну. Эмма приняла из рук отца сверток и, не разворачивая его, передала главному советнику. Милтон Джон спрятал документ в углубление в стене и запер дверцу на ключ.

Правитель Тельман радостно заплодировал. Толпа в зале загудела. Сотни восторженных глаз смотрели на юную девушку, и любовались ей, как она легко и непринужденно ходит, как делает четкие па.

— Ее милость скучает?

Странный господин в бордовом плаще поклонился жене правителя. Эвелин убрала с лица накидку, мельком глянула на мужчину, положила на ступеньку пышный веер и позволила поцеловать руку в черной перчатке.

— Говорите тише, господин Жуан.

— Дочь ваша выросла красавицей. Жаль сынка нет...

— Муж мой сделал выбор...

— Только не думаю, что сей факт одобрен окончательно.

— Издеваетесь? — Эвелин усмехнулась. Господин Жуан выпрямился. Он всегда одевался только в бордовое. Даже плащ, расшитый по случаю праздника серебряной нитью, был бордовым. И башмаки... Носы покрыты пылью, к каблукам прилипла грязь. Но они были бордовыми. И цвет этот сводил Эвелин с ума. Привлекал. Пока все танцевали, смеялись, проливали из кубков вино, она была готова беседовать с этим человеком. Даже губы у него были бордовыми... Нет, как у всех красными. Эвелин прищурилась, чтобы убедиться в своей правоте. И говорил этот человек столь приятно, столь убедительно, что хотелось всегда улыбаться и склонять на бок голову.

Тут господин Жуан вздохнул, а Эвелин увидела, что на его бордовой ладони сверкает золотое кольцо в форме трехзубчатой короны.

— Ваша милость, в моих силах помочь вам. Не желаете уединиться? Свидетели в лице вашего мужа, совершенно ни к чему.

Господин Жуан заметил идущего к возвышению правителя и поспешил удалиться.

— Пойди, поздравь дочь, — голос мужа оглушил Эвелин. Она вновь прикрыла лицо накидкой. — И взгляд порадостнее, а то складывается впечатление, что все на празднике, а Ее милость явилась на похороны.

— Иду, — пробурчала Эвелин.

Появление Ее милости в разряженной толпе не осталось незамеченным. Дамы похвалили качество ткани, из которой была пошита накидка, кавалеры огранку перстня. Эвелин с улыбкой отвечала на комплементы и пробиралась в самый центр. Именно там кружилась в танце ее пятнадцатилетняя дочь.

— Будем рады видеть на речной прогулке!

— На будущей неделе выезд в замок господина Кудро!

— У вас чудная собачонка!

— Эмма! — окрикнула дочку Эвелин.

Эмма покорно двинулась на повелительный жест матери.

— Отец велел поздравить. Что ж... Мое почтение... — Эвелин склонила голову.

— Ваша милость... мама..., - воскликнула Эмма, потянула руку...

— Позже..., - отрезала Эвелин и пошла прочь из толпы. Эмма подобрала юбки платья, хотела броситься вдогонку, но разряженные гости цветной волной накрыли ее. Танцующие сцепились локтями. Эмма думала, как преодолеть препятствие, а Эвелин все дальше удалялась в глубину зала. У дверей в галерею оглянулась. Усыпанная с ног до головы драгоценностями Эмма как нарядная игрушка сверкала под кованой люстрой. Улыбки и слова восхищения срывались с губ молодых людей, каждый мечтал о том, чтобы быть замеченным. Правитель Тельман хохотал и расхваливал все достоинства дочери. Эмма в духоте покачивалась, теряла осанку, но колкий взгляд мадам Эдмон и плечи выпрямлялись сами собой.

Потом дуновение... Легкое, и морозный воздух полоснул лицо. Леденящий до самого сердца. Деревянная дверь за возвышением скрипнула и приоткрылась. В тесной комнате скудно горел свет. Там был кто-то... Эмма ясно ощутила затылком чье-то присутствие... Косой взгляд... Юбка серого платья мелькнула в темноте и загромыхали деревянные башмаки. Гости оставили попытки верещать. Розоватые лица молодых людей осунулись. Все смотрели на щель и на вновь скрипнувшую дверь, которая в спешке и панике кем-то закрылась. Отец жестом послал туда гвардейцев.

— Идем, Эмма, — велел он.

— Но!

Что-то упало, полетело, разбилось на осколки...

— Я сказал, идем.

Эмма увидела свою мать. Эвелин с неодобрением смотрела на перетекающую в соседнюю комнату разноцветную вереницу гостей. Она покачала головой и решительно выбежала сначала в холодный коридор с сырым воздухом и только потом в ночной сад. На улице светила полная луна. Ярко горели окна в обеденном зале. Тени скользили внутри, тени поднимали кубки и восхваляли своего правителя, его наследницу. Свита признала

Эмму. Господин Жуан ошибся. Близился час встречи с ним. Он обещал ждать в беседке. Эвелин быстро отыскала нужное место. Отворила дверцу, вошла, села на мраморную скамейку и уставилась в темноту. В кустах свистела ночная птица. Эвелин прислушалась. Пение поистине очаровывало.

На отлучку с праздника никто внимания не обратил. На крыльце Эмма набросила на голову накидку и стремительно побежала к озеру. Тильда просила быть осторожнее. Эмма перестала бояться ее. Эта женщиная расположила к себе, она оказалась не такой уж и злой, и стала нравиться Эмме, она уже любила ее, не так сильно, как папу или маму, но привязалась к ней, точно.

Ночной сад не походил на дневной. Не пели птицы, не журчал фонтан. Слуги зажгли факелы, но тепла Эмма не чувствовала. Совсем рядом блеснул серебром плащ гвардейца. Эмма спустила капюшон до самых глаз, и он не узнал ее. Озеро близилось. Чем ближе она подходила к воде, тем становилось свежее. Маленькие ладони тряслись от холода.

Тильда поджидала ее на белом камне. В любую погоду она приходила на эту поляну в платье с голубой оборкой. Шелковая лента и на этот раз была вплетена в золотую косу.

— Поздравляю! — воскликнула Тильда.

Эмма улыбнулась и расположилась подле ног наставницы. Голову положила ей на колени. Тильда сняла с Эммы капюшон и всхлипнула. Драгоценные камни диадемы ярко переливались под луной. Все они были вынуты из того пера, которое она однажды ночью принесла этой особенной девочке в подарок.

— Папа велел изготовить?

— Тильда! В замке праздник в мою честь, — Эмма посмотрела на женщину уставшим взглядом. — Пойдем туда. Я совсем замерзла.

— Ты любишь отца?

— Вам нужно обязательно познакомиться! Почему ты запрещаешь рассказывать папе о тебе? Мне все сложнее обманывать его, иногда мне кажется, он знает, что я вру!

— Время не пришло, Эмма. А теперь поднимайся и обещай, что будешь следовать за мной, молчать и не станешь бояться.

Тильда встала первой. Дунул ветерок. Эмма не спешила отвечать. Она смотрела как темнеет вода в озере. Зеленые кусты на каменистом берегу почернели и пригнули головки. Тильда махнула рукой. Платье Эммы превратилось в белую тунику, а диадема стала венком из полевых цветов. Эмма топнула ногой, обутой теперь не в мягкую туфлю на каблучке, а в деревянный башмак. Такой как у Эшли.

— Я хочу к папе! Тильда!

— Идем, Эмма, — сурово приказала Тильда и схватила "подопечную" за локоть.

Эмма пыталась вырваться, но Тильда силой втащила ее в яркое свечение, и Эмма ощутила прежнюю лёгкость. Небывалую. Она снова летела, как в ту ночь, когда ее заставили читать огненные символы.

— Пришло время разбудить в тебе остальную силу, дорогая.

Но Эмма не слушала Тильду. Она восхищалась голубыми крышами одноэтажных домов, блестящих на ярком солнце. В этом новом для ее сознания мире день был в самом разгаре. Вдалеке высился холм, а рядом текла река с белой водой! Эмма удивилась. Да вода была белой, и ей вдруг показалось, что она ощутила вкус молока, хотя не пила совсем.

— Тильда! — крикнула дочка правителя. Но Тильда просила не отвлекаться.

— Время на исходе.

На цветущей поляне она велела приземлиться, и Эмма ощутила под ногами землю. Теплую. Там была сочная трава, там песок, а там лежали цветные камешки. В ряд выселись те самые домики с голубыми крышами. И каждую постройку окружал собственный сад. С отяжелевших от непосильной ноши веток сваливались к заборам и корням спелые фрукты и орехи в почерневших скорлупках. Маленький мальчик в белом костюмчике тянул руку, чтобы сорвать еще зеленое яблоко, но его мама, беседовавшая с подругами, заметив проделки, усадила сына на скамейку. Женщины были одеты в платья, как у Тильды, но без голубой оборки. И в золотистых волосах не было венков. Мальчик заплакал. Его мать что-то сказала ему и он успокоился.

— Идем туда, — велела Тильда.

Эмма покорно шла за наставницей. Она удивлялась всему — голубому небу, ясному дню и чудным птицам в малиновом кустарнике. Птицы эти, с пышными перьями в огромных хвостах тянули слезливую песню. От этих звуков, исходящих из острых клювов, клонило в дурман. Ноги у Эммы подкосились, она повалилась на жухлую траву. Пение освободило от забот, тревог и переживаний...

— Эмма!

Требовательный тон Тильды заставил очнуться. Эмма открыла глаза и выпрямилась. На поляне уже были не только подруги матери с мальчиком. У деревянной оградки столпились мужчины, женщины. И все в белых одеждах. Дети. Казалось, их глаза улыбаются и излучают свет на все, что увидят. Особенно у детей. Взгляды гостей в танцевальном зале были другими, тяжелыми и сумрачными. И вино у каждого выливалось из кубка на каменные плиты кровавой рекой.

Эмма узнала Белый Камень, а рядом стоял седой человек в конусообразной шляпе.

— Bravo, дочь! — крикнул он.

Тильда не ответила. Подвела Эмму к камню, вытянула ее руку и приложила к отпечатку ладони. Странная боль вновь пронзила Эмму. Она вспомнила, как то же самое с ней проделывали во сне. Только сейчас не было огненных символов, и сила не обжигала изнутри.

— Говори что-нибудь! — шепнула Тильда ей на ухо.

Седой в шляпе аплодировал:

— Bravo!

Эмма сказала:

— Здравствуйте.

Люди у ограды не реагировали. Они смотрели, как Тильда сдавливая запястье девочки.

— Прекрати! — вещал седой.

Но Тильда не слушала старика. Прочла странный текст и поляну осветил столь яркий свет, что затмил своей красотой солнечный и толпа в белых одеждах прикрыла глаза. Эмма ощутила тепло, исходящее от мрамора. По телу растекалась сила, энергия и мощь. А потом свечение пропало. Эмма повалилась Тильде на руки. Обессиленная и усталая. В толпе загундосили, загоготали. Седой призывал не верить его дочери.

— Если бы я только мог!

Но Эмма отчетливо слышала голоса восторженных людей:

— Камень открылся...

Потом она потеряла сознание. Очнулась в кровати, затянутой кружевным пологом.

Тильда сидела на кособоком стуле с низкой спинкой и смачивала белые лоскутки ткани в жестяной чаше с позолоченными ручками. Маленькое окно в белой стене впускало в эту комнату дневной свет. Очередная повязка благодаря заботам Тильды сменилась на горячем лбу Эммы.

— Где я? Мне нужно к отцу, — она оттолкнула Тильду.

— Остановись, девочка! Ты не представляешь на что способна в нашем саду! — забеспокоилась женщина. — Правда, сейчас ты не смогла... Я отвлекла их всех! Но они поверили. Лежи. Что-то пошло не так. Понять бы... Видимо только во сне... Да. Точно.

— Папа... он волнуется... Отпустите меня!

— Нет, — Тильда покачала головой. — Белым камнем тебе дарована необыкновенная сила. Ты можешь летать и проходить сквозь пространства, ты можешь заглянуть в будущее или прошлое, ты можешь подчинять своей воле любые предметы, в том числе и человека. Ты можешь исцелять обездоленных и внушать им веру... Только попробуем еще разок? Теперь во сне?

— Кто вы? — спросила Эмма. Тильда поправила подушку у нее за спиной и кликнула девушку. Девушка в светлой тунике вышла из темного угла, забрала чашу с водой и вдруг шепнула Тильде на ухо пару слов. У нее были рыжие волосы. Они выбивались из-под остроконечной шапки желтого цвета.

— Пусть войдет, — приказала Тильда.

Девушка удалилась, а в комнату вошел седой. Конусообразная шляпа слетела у него с головы и опустилась на подоконник. Эмма приподнялась на подушках. Странное ощущение не покидало и не давало ясно мыслить.

— Кто вы? — еще раз спросила она.

— Ты можешь узнать сама, — доброжелательным тоном ответила Тильда. — Попробуй, загляни мне в глаза.

Головная боль сразила Эмму. Она приложила руки к отяжелевшим вискам и помассировала их. Она видела юную Тильду на поляне в лесу. Очарованный музыкой мужчина двигался на звуки серебряной флейты...

А потом сознание посетила другая картинка. Эмма увидела себя. Она сбежала от мадам Эдмон и Эшли. Няня и служанка спорили, куда поскачет белка — в дупло или на полянку, и не заметили, что дочка правителя уходит в лес все дальше и дальше.

Солнце ярко светило в тот день. Голоса Эшли и мадам Эдмон сначала отдавались глухим эхом, а потом и вовсе замолкли. Эмма бежала по тропинке. И вдруг замерла... У рваной сетки, служившей забором ветхому дому на песчаном берегу. Стены были деревянными, кривыми, вросшими в черную землю. Крыша местами прохудилась — чернобрый подросток сидел там и размахивал молотком. С лица его капал пот. Девочка в платье с грязноватым передником бегала по двору и пыталась стащить белый сыр из миски матери. Отец жарил рыбу. Эмма старалась не дышать — запах дыма сводил с ума, но в то же время и манил. Она не останавливалась и продолжала идти. Наконец, совсем близко подошла к полянке и стала смотреть на множество дырок в сетке. Люди сначала не замечали ее. Продолжали работать. Старик управлялся с рыбой, женщина в чепце подобрала юбку и стукнула дочь по ладошке — девочке удалось припрятать в карман немного сыра. Подросток на крыше заканчивал забивать гвоздь.

— Ржавый, — только и сказал он.

Эмма скорчилась от смеха. Самоцветы в ее ободке засверкали в лучах солнца. Люди

увидели ее. Волна страха и недоверия накрыла этот песчаный двор. Мать едва не разбила глиняный горшок, сын передумал спускаться с крыши по приставной лестнице, девочка бросилась в кусты и вытащила оттуда медведя с оторванным ухом. Прижала к груди. Эмме приглянулся клетчатый пиджачок. Она захотела эту игрушку. Вытянула пальчик, топнула ножкой в дорогом башмачке. Заскулила. Камни в диадеме засверкали еще ярче. Папа всегда понимал, что она хочет игрушку и приносил... Но люди за дырявым забором от дел не отвлеклись. Отец семейства почему-то махнул рукой и решил идти дожаривать оставшуюся рыбу.

— Сейчас уйдет, — успокоил он жену.

Но Эмма слышала тяжелые шаги, топот копыт. Властный голос мадам Эдмон застрял среди веток. Она отчитывала Эшли:

— Это ты, мерзавка, упустила Ее милость!

Эшли как всегда молчала. От нее и слова никогда не дождешься — ласкового или грубого. Она умела приносить воду и одевать. А также играть, когда требовалось. Эмма прозвала ее тенью себя, потому что Эшли походила на серую тень, которая иногда лезла во все щели, но почему-то не успевала воплощаться в реальности. Эшли просто никто не успевал замечать.

— Ваша милость! — воскликнула мадам Эдмон.

Отец семейства, заметив серебряные плащи, согнал жену и детей к деревянной крыше полуразрушенного навеса. Мадам Эдмон вылезла из носилок и опустилась на колени.

— Медведь, — громко сказала Эмма.

— Медведь?

— Я хочу медведя!

— Он... же...

Дочка рыбка уронила игрушку на траву. Эшли увидела оторванное ухо и грязную куртку. Сын-подросток хотел вырваться, но рыбак презрительно шепнул:

— Тише!

— Медведь! — повторила Эмма и отправилась к Эшли.

— Зачем вам медведь? — Эшли подала голос и получила подзатыльник от мадам Эдмон.

— Принесите Ее милости медведя, — приказала старшая нянька гвардейцу.

Один из стражников разрубил и без того дырявую сетку, зашел в песчаный двор и подцепил кончиком шпаги столь желанную игрушку.

Дочка рыбка всхлипнула. Грязноватые губы затряслись. Подросток не терял надежды вырваться из объятий отца. Женщина отвернулась... Рыбак крепче обнял свою семью и облегченно выдохнул, когда разряженная процессия скрылась в лесу.

Тогда брат девочки подбежал к сетке, теперь валявшейся на земле. Среди травы, камней и песка. Эмма покачивалась в носилках мадам Эдмон, гладила медведя и отчетливо слышала суровый голос сына рыбака:

— Ведьма!

Эмма очнулась. Тильда по-прежнему сидела возле нее на стульчике. Как папа. В том, другом мире. Эмма вдруг засомневалась, что есть настоящее? Для нее? Улыбка Тильды и ее голубая лента? Или заботливый голос отца и отобранный у дочери рыбака медведь?

Седой был у окна. Сложил руки за спиной и зачем-то глядел на ясное небо, казавшееся ему райским и мертвым одновременно.

Тильда погладила Эмму по щеке. Эмма увидела себя в саду. Папа учил ее кататься на игрушечной лошадке.

— Я не дочь правителя более? — резко спросила Эмма и в очередной раз оттолкнула Тильду.

— Bravo, девочка! — воскликнул седой.

Тильда покачала головой. А Эмму понесло:

— Объясните, зачем? Да вы ничего не знаете! Я самая капризная, избалованная особа, я люблю праздники, веселье, красивые платья и украшения. Отец дает мне все, что хочу! Если пожелаю, он силой отберет у других...

Эмма заплакала. Тильда обняла ее.

— Тише, тише!

Седой крепче сжал кулаки. Не поворачивался. Эмма пожелала узнать, кто он. Ответ пришел сам.

— Эмма, я навещала тебя во сне, я наблюдала за твоей жизнью, я видела, как ты росла. И мне было больно смотреть на тебя, когда ты грубила Эшли или по твоей просьбе отец наказывал невиновного. Эмма! Смотри на меня! Ну же!

— Будет тяжело, девочка, — хриплым голосом вещал седой. И повернулся. Бледно-черные глаза уставились на Эмму. — Постоянный звон в голове... Ох...

— О каком звоне он говорит?

— О голосах людей...

— Звон не прекратится, пока ты не поможешь. — Седой тяжело дыхнул. — Будь готова, девочка. Люди разного положения и достатка... Даже бродяги...

— Кто вы?

— Мы все... — Тильда показала на домики, видневшиеся в маленьком окне. — В этом саду родились, здесь и живем. Но мы можем выходить, когда пожелаем к людям. Высшие позволили тебе впитать силу белого камня. Часть ее ты уже получила. Придет время, и мы расшифруем оставшиеся символы. Последней обладательницей этого дара была моя прабабка. Она сражалась с черным магом, он убил ее, но она успела заточить свою силу в камень. Так говорится в легенде. Берегись его! Он охотится за обладателями силы Белого Камня...

— Не слушай ее, девочка! — воскликнул седой.

Тильда гневно взглянула на старика, и он умолк. Эмма попыталась увидеть черного человека. Представить, как он выглядит. Не смогла.

— Это она желает оттяпать у тебя твои способности, девочка. Это ее нужно беречься! Она, как пиявка присосется в нужный момент и высосет из твоей груди все соки. И она способна контролировать тебя! Всегда помни об этом.

Тильда гневно глянула на старика. Он стоял смиренно у стены и глаза его изучали огонек то ли ярости, то ли предупреждения, то ли заботы. Как одинокая свечка в помещении без окон. Где холодно. Промозгло. И у каменной стене лежит охапка сена, а у круглого окошка шевелится бледно-грязная рука сгорбленной старушки с вихрастыми волосами... Эмма крикнула. Тильда обняла ее.

— Все, что я делаю — во благо тебе, Эмма. Успокойся...

— Ну да...

Седой махнул рукой, и шляпа с белым отворотом взлетела ему на голову.

— Будет время, девочка, заходи в крайний дом. Поговорим. Здесь невозможно работать!

Она врет без конца!

— Это он врет, Эмма! Он!

Эмма откинула одеяло. Выпрыгнула из кровати и повисла в воздухе. Она летала по домику, как пушинка, невесомая. В маленькой руке вспыхнул огненный шар, но Тильда взглядом погасила его.

— Чудеса! — воскликнул седой. — Ну, дамы, позвольте откланяться. Срочные дела.

Старик открыл портал и исчез.

— Я хочу домой! — Эмма опустилась на пол, топнула и в стене появилось свечение.

Она увидела Эшли. Горничная встречала на пороге ее комнаты сына Милтона Джона.

— Обожди минуту, — Тильда взмахом черных ресниц закрыла портал. Сжала ладонь

Эммы. Поцеловала в горячий лоб. — Идем, нужно поучиться... Эмма!

— Не Эмма, а Ваша милость!

— Впереди много дел! Обитатели сада верят в тебя. Сначала они, потом поданные твоего отца. Следуй за мной...

— Не хочу! — Эмма вырвалась из объятий Тильды и забралась в постель. — И от силы вашей я избавлюсь!

6

Эшли поглядывала на мозаичную решетку окна каждые пятнадцать минут в надежде увидеть на садовой дорожке знакомый силуэт. Ярко светила полная луна на усыпанном мерцающими звездами небе. Текла серебристая дымка. В спальне царил полумрак, Эшли намеренно не зажигала свечи в кованых канделябрах. Она в очередной раз отодвинула занавеску... Вымощенная серым булыжником дорожка пустовала... Нет, три плаща блеснули серебряным цветом... Молчаливые гвардейцы патрулировали парк...

Эшли быстро задернула шторы, опустилась на деревянный стул с мягкой подушечкой. В большом зеркале отражалась заправленная кровать под малиновым пологом. В высокой вазе с кручеными ручками приподняли лепестки бутоны свежих цветов. В одном из кресел лежала забытая шляпка Эммы. Эшли встала, чтобы убрать, но затем вернулась на место. Она уловила в зеркале бледность своего лица, природную худобу и пепельные волосы, собранные в пучок. Ее глаза были красными от усталости, кожа рук грубой. Эшли коснулась своего пальца и мелкие слезы скопились в раскосых уголках.

Она попала в замок случайно. Просто очутилась у черной ограды и увидела маленькую кудрявую девочку в саду. Эшли вцепилась в холодную решетку и жалобным взглядом рассматривала шелковое платье малышки с пришитыми к рукавам бантиками. Девочка бегала по бугристой дорожке, а статный мужчина в шляпе пытался ее поймать. Правителя Эшли узнала сразу, она была на коронации. И она запомнила его другим — зажатым, черствым, с холодным лицом и вечно сведенными в одну суровую линию бровями. Его

пронесли в открытых носилках по центральной улице. Пару раз он даже махнул рукой. А в ответ его забросали бутонами. Потом правитель исчез в своем мире, просто растворился. Эшли в своем. В маленьком углу, где лежала ее соломенная подстилка. Она проплакала всю ночь да так, что проснулась с красными глазами и опухшим лицом. Уже светало, она долго решалась на отчаянный шаг и не заметила, как ноги сами привели ее к воротам замка.

Маленькая Эмма упала на траву и заметила прячущегося в кустах сирени чернобрового ребенка, и пальчиком показала на бродяжку отцу. Правитель нахмурился, взял дочь за руку и хотел увести, но Эмма топнула ногой в дорогом башмачке. Эшли подумала, что пора бы и бежать. Она выбралась на тропинку... Три гвардейца выросли перед ней... Как же блестели и развивались на ветру их плащи! Один, самый плечистый, схватил Эшли за локоть и силой поволок к мосту через ров. Эшли пыталась вырваться, но стражники были столь сильными и так крепко держали, что пришлось подчиниться их воле.

В замке найденыша отмыли, женщина в чепце нарядила Эшли в серое платье. А после заката другой гвардеец притащил ее в комнату дочери правителя. В камине трещали сухие ветки. Эшли уловила тепло от огня. Впервые за долгие годы. Запах тепла. Он пропитывал все вокруг. В деревне лишние дрова не достать. Тетка записывалась за месяц в специальную очередь.

Эмма сидела на деревянной лошадке и спрыгнула, едва дверь отворилась. Эшли в смущении опустила глаза в пол. Эмма минут пять осматривала ее, а затем засмеялась и велела быть более веселой.

— Выше нос! — Эмма отвела новую подругу в комнату, смежную со своей спальней.

Эшли осмотрелась. Невиданная ранее волна чувств вспыхнула в ней. Всю недолгую жизнь она побиралась на улице, не зная кто ее родители и зачем ей вообще быть маленькой девочкой, если приходится воровать, если нужно обманывать не только злых людей, но и добрых.

Нет! У нее имелась цель, особая миссия. Она и сейчас есть. Просто тщательно запрятана в груди и Эшли долгое время не вспоминала о плане, пока сегодня гвардейцы не погнали ее. А она всего лишь хотела посмотреть одним глазком на праздник. Как струится яркий свечной свет, как мелькают в нем радостные лица разряженных в бархат гостей.

В те дни Эшли получила возможность не только играть с Эммой. За эту работу ей каждый месяц выплачивали жалование. Позднее Эшли заинтересовалась грамотой. Она внимательно слушала проходящих учителей и запоминала все, что они рассказывали. Бумаги и пера у нее не было, но Эшли наблюдала за Эммой, как она старательно выписывает каждую букву, и запоминала все движения ее руки. Однажды Эмма заметила интерес новой подруги к наукам и велела учителям учить и свою горничную. Мадам Эдмон с разрешения правителя выдала Эшли листы бумаги и собственное перо. Первые буквы у Эшли выходили кляксами, хотя она была уверена, что сможет написать их с первого раза. Эмму веселили ее старания, она подшучивала над ней, но потом искренне стала помогать справляться с не легкой задачей.

Эшли подружилась с Эммой. Они стали неразлучными, у них появились общие секреты и общие игры. О своем положении она вспоминала, когда к Эмме являлся сам правитель. Такой статный, высокий, начищенные сапоги всегда блестели, каблуки стучали по полу. Он приходил, снимал шляпу с пером, прогонял слуг, садился на коврик и все внимание уделял своей маленькой дочке. А Эшли пряталась в смежной комнатке и сквозь щелку в приоткрытой двери подсматривала, как отец играет с ее подругой или дарит подарки. Эмма

заботливо и с особой благодарностью тянула к папе маленькие ручки, обнимала и целовала в морщинистую щеку, лоб. Затем правитель вставал и кружил свою малышку. Эмма смеялась и падала ему на руки. У Эшли лились слезы, она прикрывала дверь, забиралась в постель, подгибала к груди отекавшие ноги и терла воспаленный глаз краем передника. Она не знала своих настоящих родителей. Но в памяти остались только бесконечные упреки со стороны одного мужчины, ради прихоти которого женщина, называвшая себя ее матерью, выгоняла Эшли холодными вечерами на голодную улицу...

Постучали. Эшли очнулась, быстро поднялась со стула и поправила смявшуюся от сидения юбку. В очередной раз выглянула в окно. Одиноким факел по-прежнему освещал тусклым светом пустую дорожку. Эшли неуверенно распахнула дверь. На пороге был Чарльз, старший сын первого советника.

— Эм у себя? — требовательным тоном поинтересовался молодой человек и быстрым шагом ввалился в спальню. Нагло. Решительно.

Эшли ощутила на себе оценивающий взгляд серо-зеленых глаз и быстро отступила в тень. В полумраке задела бедром угол стола. Взыла от боли, но укрытие покидать не спешила. Она бы выгнала Чарльза, но он был другом Эммы и мог приходить к ней, когда пожелает.

Чарльз расстегнул ворот голубого камзола и сел в одно из кресел. У него были русые волосы, которые он всегда зачесывал к затылку, крупные, широко посаженные глаза, прямой нос с острым кончиком и длинные ноги. Одет он был по последней моде. На стол он бросил шляпу и вдруг сказал зачем-то:

— Эм скоро официально нарекут невестой. Невестой Чарльза Джона. Как звучит? Бесподобно! Восхитительно!

Тут он сорвался из кресла, забрался на скамейку, на которой правитель обычно успокаивал свою дочку, и стал читать:

— И девушка в розовом платье ответила согласием молодому человеку. И сердце молодого человека затрепетало от счастья... Потерял слова... Что же, дополним... Сердце юноши в голубом камзоле затрепетало от счастья, и он... Юноша был готов на все, лишь бы найти потерявшуюся в бледно-зеленых кустах сирени шелковую ленту. Ну как?

Чарльз спустился со скамеечки и снова сел. Эшли не ответила. Тогда друг Эммы окинул взглядом темную комнату и забросил одну ногу на другую:

— Свечи что ли зажгите! А в обстановке ничего не изменилось... Смотрю.

Эшли бросилась к кованым канделябрам и теплые огоньки вспыхивали один за другим. Она помнила Чарльза мальчиком, помнила подростком, сын Милтона Джона редко смотрел на нее и всегда приглашал играть к озеру лишь Эмму. Эмма звала и Эшли, но она находила удобный предлог, чтобы отказаться. Прикрывалась работой и многим другим. На самом деле Эшли убегала в свою комнату. Прятаться и плакать. Ей было больно, она считала Эмму подругой, которой можно рассказать все, а вышло, что у самой Эшли много тайн и их она предпочитала переживать в горе и в полном одиночестве. Эшли все знала о жизни Эммы, о жизни подруги-горничной Эмма не ведала, дочь правителя никогда ни о чем не спрашивала, а если бы и поинтересовалась, как служанка провела день, Эшли сомневалась, что рассказала бы ей.

— Плачете? — спросил Чарльз и вдруг протянул ей свой платок. — Госпожа нагрубила? Эшли приняла платок.

— Ее милость задерживается на празднике, наверняка она все еще в танцевальном зале,

вам следует поискать Ее милость там.

— Как раз оттуда. Эм давно покинула гостей. И вы, говорите, не ведаете, где она пребывает?

— Нет, не ведаю, — лицо Эшли залила бордовая краска. Она смотрела на Чарльза и любовалась им, она знала, что им никогда не быть вместе, но мечтать же никто не запрещает. Эшли каждый день во сне видела себя на сцене его театра, которого у юного сочинителя пьес пока еще не было, но влиятельные люди в Академии обещали ему помочь уговорить правителя и его отца. Он так говорил Эмме. — Ее милость ушла в половине седьмого и более не приходила в комнату. Я пойду к себе, а вы можете подождать ее здесь, если желаете. Уверена, она скоро вернется.

Эшли поклонилась и сбежала от пылкого взгляда сына советника в смежную комнату. Чарльз минут десять стоял у окна в полной задумчивости, пока входная дверь не отворилась. В спальню влетела Эмма. Она сдернула с себя плащ, диадему, и все вещи неспешно бросила за кровать. У нее был усталый вид, казалось, она дуется или обижена.

— Ты! — воскликнула Эмма, заметив Чарльза. — Ты же должен был приехать на будущей неделе. Как учеба? Делаешь успехи?

— Не сейчас, Эм, — Чарльз моргнул правым веком. — Я пришел с благой вестью. Наши отцы заключили соглашение и определили дату свадьбы. Мы поженимся через пять лет в день твоего рождения. Тебе исполнится... Но и сегодня у тебя праздник, поэтому я принес вот это, — Чарльз вытащил из кармана камзола бордовый сверток и заговорил. — Юноша в голубом камзоле дарит девушке в розовом платье сундучок! Девушка откинула крышку и нашла внутри, на самом доньшке, новую ленту для волос...

— Не сейчас, прошу! — Эмма развернула бархатную ткань. Внутри лежало золотое ожерелье, украшенное крупными камнями. Самоцветы сразу же засверкали, едва Эмма поднесла подарок к огоньку свечи.

— Ну вот, — обиделся Чарльз. — Ненавижу отцов за то, что отправили меня учиться в Академию!

— Они разлучили нас.

— И заставляют ждать целых пять лет!

— Да...

Эмма услышала странный шепот в темном углу и обернулась...

— Что такое? — спросил Чарльз и надел свою шляпу. — Завтра мы с ребятами играем мою пьесу после лекции. Зброшенный амфитеатр у реки. Придешь?

Тильда была рядом. Эмма не видела наставницу, но поучительное дыхание в затылок все же ощутила. Странная женщина предупредила о необдуманных шагах... Но страсть, всегда бравшая верх, поглотила Эмму с головой и сейчас...

— Я приду, — сказала она и Чарльз улыбнулся.

7

Тильда наблюдала за Эммой в воде колодца и не понимала, как дар ее предков мог передаться такой как Эмма. Она уже не была уверена в том, что дочка правителя станет пользоваться своими новыми силами по назначению.

Тильда задумалась. Этим вечером первой подопечной Эммы должна была стать Эшли, близкая подруга и горничная, но Эмма, не побежала в смежную комнату, как приказала Тильда. Эмма бросилась к Чарльзу. В этом юноше — сочинителе воспитанница разожгла очередную страсть к себе. Чарльз выглядел милым и романтичным, если заглядывал с

визитом в комнату близкой подруги с пунцовым румянцем на полноватых щеках и шевелил заостренным кончиком носа. А еще ему была к лицу шляпа с пером. И он всегда дарил луговые цветы, не забывая передавать подарки на значимые даты... Простые и изящные — короткие письма, книги, картинки, высушенные листики и многое другое. С семи лет Чарльз увлекался написанием коротких сказочных пьес. И у Эммы были роли в его театре, и всегда главные. Правитель любил смотреть на дочку в разных образах, и развлечение Чарльза в замковом амфитеатре стало обязательным событием всех праздников. Гости с нетерпением ждали представления, которое им покажут дети.

Шли годы. Сочинитель пьес поступил в Академию, а отец Эммы лично обучал свою дочку иным наукам — стрельбе из лука, охоте, верховой езде. Читать любовные романы, от которых рыдали все дамы, Эмме отныне не позволялось. На целых четыре часа ее запирали в библиотеке, где она ежедневно перелистывала старинные труды — пыталась вникнуть в скучно написанные истории завоеваний предков и без особого энтузиазма запоминала все удачные стратегии и ошибки, а поздним вечером отчитывалась перед отцом.

— После спасибо мне скажешь, — говорил Тиль.

— А как же театр, папа?

— Театр? — Тиль задумался. — Твой сочинитель в отъезде...

— Мне нравится играть на сцене амфитеатра. Верни мне театр.

— Не сейчас, малышка...

Тиль обнял свою дочку.

— Завтра будь готова к прогулке. Поедем далеко-далеко и я открою тебе один секрет.

Только ты и я будем знать об этом.

— Но как же театр, папа!

— Да что ты заладила со своим театром! И отец твоего сочинителя давит — отдай руку Эммы, отдай... А я еще подумаю.

В тот день Тиль показал Эмме, где хранит свои несметные сокровища... Все было припрятано от посторонних в пещере у озера. Вход тщательно маскировали колючие кустарники и густые заросли. Тяжелый засов с двери падал только в том случае, если в специальное отверстие прикладывалось колечко в виде трехзубчатой короны.

— Ты родилась с этим кольцом, Эмма. Как все наследники в нашем роду. Его нельзя снять. Видишь?

Эмма кивнула.

— Попробуй.

Гробовая тишина стояла на залитой солнцем поляне. Эмма осторожно поднесла безымянный палец к черной отметине. И вскрикнула. Заржала ее лошадь, привязанная к дереву. Конь отца все также мирно пощипывал жухлую траву.

— Ну же, детка... — Тиль сдвинул сухие ветки. Укололся и машинально вытер руку о бедро.

Эмма решительно вложила кольцо в отверстие. Скрипнул железный засов, потом повалился на землю. Папа поднял замок и аккуратно положил в кусты. Лошадь заржала громче. Но Эмма уже не слышала рев. Отец первым вошел в пещеру. Эмма следом. Здесь было темно, сыро. Папа зажег факел и уже своим, точно таким же кольцом открыл еще одну дверь. Эмма зажмурилась от блеска и небывалого запаха. Всюду были бочонки и деревянные сундучки, наполненные золотом, серебром, драгоценными камнями. Ими были заставлены все полки, а также усеяны каменные плиты.

— Сокровища нашей семьи, Эмма. Каждый месяц я приношу в эту пещеру кое-что из общей казны. И это обязанность правителя, которую я обязан передать своему наследнику, Эмма. Запомни, дорогая. Мы приносим сокровища в эту пещеру, а не выносим.

После Тиль засмеялся. И обнял свою дочь. Эмма ощутила себя взрослой — отец перекладывал на ее плечи слишком много тайн. Как и Тильда. Потом она увидела кого-то. Застрявший между верхними полками черный силуэт. Он сумрачной тенью пролетел над головой, приблизился к Эмме и жадно дыхнул. Пламя в угольных глазах заставило вскрикнуть...

— Никто не знает о тайнике, Эмма, — голос отца «вернул Эмму в пещеру». — Я даже гвардейцев оставил у входа в этот лесок. И ты никому не проболтайся.

— Хорошо, папа.

— Даже маме.

— Как скажешь, папа.

Ноги не держали Эмму. Силуэт густым облаком летал по воздуху. Мохнатым щупальцем он ковырял дырку в пустоте и настойчиво требовал открыть портал в сад Тильды.

— Я убью твоего папочку! Говори!

Эмма рухнула на пол. Тиль бросил факел и поднял свою дочь.

— Эмма, Эмма! Дочка!

Эмма не спешила открывать глаза. Страшное видение пропало, она увидела более приятный сон. Первую репетицию в заброшенном театре Чарльза. Десятилетняя дочка правителя прибыла в сопровождении мадам Эдмон, Эшли и трех нянек. Дамы должны были следить, чтобы Ее милость не переутомлялась. Чарльз пожелал прогнать их всех, но Эмма сделала это сама. Тогда Чарльз велел ей сменить царский наряд на более простой. Эмма возмутилась. Хотела капризничать...

— Здесь я главный, — отрезал Чарльз да так, что другие дети-актеры выстроились за спиной своего автора. После Чарльз выставил вперед ногу, обутую в тяжелый сапог с железными побрякушками, звеневшими от каждого удара каблуком. Потом немного изогнулся и задрал к небу острый нос. Глаза детей загорелись ярким светом... А их шуточные ухмылочки... Эмма поникла, но затем вдруг пробормотала:

— Несите мне платье.

Чарльз махнул рукой. Одна девочка открыла сундук. Внутри Эмма нашла наряд из розовой ткани и ленту.

— Простота и открытость, — пояснил Чарльз, а после переодевания вручил Эмме листок с отрывком из новой пьесы. Он сам стал ее партнером... Эмма читала уверенно и не сбивалась. Чарльз же не успевал следить за ролью, часто перепрыгивал на соседнюю реплику... Голос Эммы, ее интонации заморозили его... Эмма присела на каменную ступеньку и что-то сказала от себя. Чарльз поразился еще больше. Для него она превратилась в героиню, образ которой он перетаскивал из одной истории в другую. Он менял места, обстоятельства, имена, события, но нежный и хрупкий образ девушки в розовом платье и ленте всегда оставлял неизменным...

— Скажи, чего ты добиваешься? Самолюбие потешила. Довольна теперь?

Седой старик в шляпе возник за спиной Тильды. Она вздрогнула и изображение на воде пропало.

— Высшие похвалили. Если бы не я, сам знаешь кто бы присвоил силу Белого Камня!

Дерево у края дороги завяло, умерла первая птица. Его влияние слишком велико!

— Предупреждаю в последний раз. Теперь ему будет намного легче. Вспомни прабабку!

— Уйди, — только и успела крикнуть Тильда.

Седой не стал спорить. Он сверкнул черным глазом и тут же исчез.

Ночью Эмма без конца ворочалась. Лил дождь. Барабанил по раме, по каменным плитам во дворе погруженного в сон замка. Ветер был столь сильный, что влетел в полуоткрытое окно и потушил единственную свечку рядом с кроватью. Эмма сразу же проснулась. Было тихо. Темно. И чернота, казалось, двигалась, наступала, а потом приняла форму густого облака. И облако то разрасталось, то сужалось. Из круглых отверстий выползли ноги, руки и превратились в мохнатые щупальца. Они были столь длинными, что спокойно прикоснулись сначала к деревянной спинке, а теперь тянулись к налитым румянцем круглым щечкам. И здесь не топнешь ногой, и гвардеец не вгонит в страх не отдающего медведя рыбака. Это была чернота. И она свистела, шипела. Эмма зарылась в одеяло, но склизкие щупальца нащупали ее и там. Тогда она подумала об огне. О силе Белого Камня. И чернота отлетела к стене. Грохнулась ваза с цветами. Кто-то всхлипнул. В комнате был человек. Эмма под одеялом слышала, как он поднялся на ноги и стал возмущаться:

— Мерзавка! Мерзавка! опередила меня! Что ж, вы еще все поплатитесь! Слышишь? Поплатитесь!

Но никто не ответил черноте-человеку. Он сверкнул угольными глазами с горячим пламенем, еще раз глянул на трясущийся под одеялом комок и исчез. Тогда Эмма крикнула. Звонко. И крик этот донесся до правителя. Он вскочил на своей кровати. Отбросил с волосатой груди руку рыжей любовницы.

— Ваша милость, — ласково проскулила девица, не открывая глаз. — С вами так тепло! Ах!

— Пошла вон, — презрительно шепнул Тельман, стянул с головы колпак с кисточкой, вызвал звоном колокольчика Гастона и велел заспанному слуге подать халат. — Чтобы не было ее, когда я вернусь.

— Как прикажете, Ваша милость. Леди Энн сбежала...

— Только и говорили об этом весь вечер.

— Записочку в шкатулочке нашли, Ваша милость...

— И что же?

Тиль сунул руки в халат, и Гастон затянул пояс.

— Ее милость из свиты изволила выгнать...

— Глупости, Гастон! — Тиль моргнул правым глазом и вышел в коридор. Гастон вздохнул и велел рыжей девице собираться. А правитель летел через галерею в комнаты дочери. Няньки суетились, охали, мадам Эдмон носилась со стаканом холодной воды. Волосы у нее были распущены, сама в белой сорочке. Правитель Тельман впервые увидел главную няню такой. И полноватая женщина с длинными ногами и выступающей под складками ткани грудью даже показалась ему привлекательной. Она была не молода, но что-то теплое таилось в налитых слезами карих глазах. Няня металась по комнате и только с пятого раза попала в нужную дверь.

— Бедная девочка, — верещала мадам Эдмон. — Лекаря вызвали?

— Да, — вялым голосом ответила горничная и головой кивнула в сторону правителя. Все присутствующие в комнате заметили Его милость и разошлись кто куда — кто к окну,

кто к комоду, кто к двери, где была купальня Эммы. Она любила воду. И плавающие лепестки роз. Для нее даже специально выстроили каменный бассейн. Прямо в замке, рядом со спальней. Эмма увидела такой на картинке в старой книжке и показала папе. Папа не смог отказать любимой дочке.

Сейчас Эмма билась в истерике. Лекарь поднимал вялые руки, осматривал розовые пятки, сдавливал грудь, затем брызнул что-то в рот. И дыхание Эммы стало не таким частым, глаза ее не слезились, она перестала кричать.

Первым в спальню вбежал правитель, за ним мадам Эдмон, потом служанка с полотенцем и две женщины в чепцах. Одна с морщинистым лицом, другая с распущенными волосами. Все выстроились полукругом и смотрели на испуганную дочку правителя, которая как будто нежилась на своих подушках. Эшли сидела на скамеечке, а заметив Его милость, тут же встала и спряталась за креслом. Но правитель Тельман в этот раз присел на край кровати и прижал Эмму в мокрой от пота сорочке к волосатой груди, заботливо погладил голову и уложил обратно на подушки. Женщина, что постарше, встала позади Его милости и положила руку ему на плечо, а вторая, это была Эвелин, с полным безразличием отвернулась и шепнула:

— Уже не знает, как внимание привлечь. Совсем избаловал, — хмыкнула она и вышла в приемную.

Слуги внесли свечи, и комната постепенно наполнялась светом, кто-то открыл окно. Там было тихо. Не было ветра, и не стучали капли дождя. Эмма успокаивалась в объятиях отца, ее маленькое сердце замирало, а тугие громкие вскрики превращались в слабое дыхание.

— Опять женщина в платье с голубой оборкой напугала тебя, малышка? — спросил правитель Тельман. — Папа схватит плохую тетю и накажет. Господин Дюре уже нашел дом, где живет виновница твоих кошмаров.

Но Эмма отрицательно замотала головой, вспомнила летающее по пещере черное облако, склизкие щупальца, угольные глаза и снова заплакала.

— Женщина посылает тебе дурные сны, дорогая, — отец поцеловал дочку в лоб. — И твой папа накажет ее. Сейчас все пройдет. Давай, ложись, а я буду сидеть рядом, пока ты не уснешь.

Слова отца успокаивали Эмму. Лекарь в рогатой шапке что-то шепнул на ухо. Правитель кивнул и отпустил мужчину. Слуги затушили свечи и по очереди стали покидать спальню, а Его милость сжимал ладонь своей дочки и лично наблюдал за ее сном. В комнате осталась только Эшли. Она все также пряталась за спинкой кресла.

Вдруг Эмма перевернулась на другой бок, она крепко уснула. Правитель Тельман задул последнюю свечу и вышел в приемную последним. Как только дверь за ним затворилась, Эшли выбралась из укрытия, присела на скамеечку рядом с кроватью и стала поглаживать голову Эммы. Эмма тихо посапывала и думала, что папа рядом и никогда больше не оставит ее.

А Тельман вернулся в спальню. Рыжая любовница ушла, но оставила записку — она явится в четверг и в новом наряде. Правитель смял бумагу и бросил в пылающий огнем камин. Он велел Гастону разбудить и привести в его кабинет господина Дюре, начальника гвардии.

Гастон поклонился и побежал исполнять поручение. А Тиль стал думать. Что же случилось? Сонперемешался с явью. Он сам испытывал подобные чувства когда-то давно.

Иногда казалось, что не было неземных глаз, не было поляны, залитой солнечным светом, не было ночи, когда лил дождь и не было мотыги... Деревянная ручка снилась каждый год в один и тот же день. Склизкие куски грязи сыпались в горку. Кто-то ревел звонким голосочком и просил о помощи, но барабанившие по крышам капли дождя заглушали все крики. И мотыга делала свое дело. Как и лопата. И лунный свет не приходил спасать. Не чертил дорожку к заросшим травой холмикам. И озеро, о котором она говорила, не появлялось в тех снах. Был дождь и была чернота. Облако...

— Ваша милость! — воскликнул сонный Дюре. Тельман сидел за столом и поглядывал в темноту сада. Он видел только горящие факелы. И было холодно в нетопленном кабинете. Тельман запахнул халат.

— Даму в платье с голубой оборкой поймали? — спросил он.

— Нет, — почему-то ответил Дюре. — Но мы ищем, — нашелся главный гвардеец и подтянул пряжку на серебряном плаще.

— Прошло десять лет, господин Дюре! А эта женщина все еще на свободе и смеет пугать мою дочь! Если до похода в горы, вы ее не схватите...

Господин Дюре сглотнул слюну...

— Вообще-то у нас есть подозреваемая, Ваша милость.

— Ну? — правитель Тельман насупил хмурые брови. Коснулся рукой морщинистого лба. Да. Он стареет, только рыжую Алисию никогда не беспокоили его морщины. Дочери Милтона Джона нравилось целовать каждую бороздку. Нет, все же он погорячился, что нагрубил ей. А до четверга он велит Гастону вызвать девушку письмом. Еще можно будет заказать ювелиру ожерелье...

— Господин аббат уже испытал виновницу... Она, правда, не носит платье с голубой оборкой, но соседи свидетельствуют — живет одна, затворница, многие видели метлу в ее кухне, а также как по ночам наша подозреваемая превращается в склизкое существо — из волос торчат рожки, вместо рук когтистые лапы, кожа чешуйчатая, крупные глазенки, надутые щеки. Голова во много раз больше тела, копыта заменяют ей башмаки. И в таком образе подозреваемая выходит в огород, обязательно в лунную ночь, и помещивает в чугунном чане свою похлебку. До рассвета. А всем в округе снятся плохие сны. Утром многие не выходят на работу в поле — у мужчин раскалывается от боли голова, у женщин бьются кувшины с молоком, и приготовленную к завтраку еду есть невозможно...

— Бросить в темницу, переодеть, заплести косу и сделать так, чтобы ваша виновная походила на женщину из снов Эммы, — правитель стукнул кулаком по столу. Плащ Дюре взлетел от силы удара, но он старался сохранять спокойствие и держаться в своем углу смиренно.

— Как прикажете, Ваша милость.

— После доложить мне, провести с конвоем по главной улице. Мы с Эммой будем гулять в носилках, и я покажу дочке, что виновница ее страхов и кошмаров наказана.

Господин Дюре поклонился и поспешил вернуться в свою каморку. Уже там он зажег свечу и спать ложиться не торопился. Быстро взял с полки лист бумаги и известил господина аббата, что срочно нужна женщина в платье с голубой оборкой. Сгодится любая, светловолосая.

Обычно у господина аббата всегда кто-то проходил по делу...

Господин Дюре вздохнул, запечатал письмо и только после этого разделся, затушил свечу и завалился в кровать.

Побег леди Энн не давал покоя. Аббат подозревал проделки ведьм, советник Джон уверял всех, что девушка сбежала из замка по личным причинам, но он, господин Дюре, нашел в комнате леди Энн одну вещицу. Пряжку... Золотую, украшенную алым камнем. С прилипшими к краям комочками грязи. Такая была у Его милости...

Если книга понравилась вам, то поддержите автора — "подарите" звездочку роману и поделитесь им в соц. сетях. Спасибо

Ночью Эмма без конца ворочалась. Лил дождь. Барабанил по раме, по каменным плитам во дворе погруженного в сон замка. Ветер был столь сильный, что влетел в полуоткрытое окошко и затушил единственную свечку рядом с кроватью. Эмма сразу же проснулась. Было тихо. Темно. И чернота, казалось, двигалась, наступала, а потом приняла форму густого облака. И облако то разрасталось, то сужалось. Из круглых отверстий выползли ноги, руки и превратились в мохнатые щупальца. Они были столь длинными, что спокойно прикоснулись сначала к деревянной спинке, а теперь тянулись к налитым румянцем круглым щечкам. И здесь не топнешь ножкой, и гвардеец не вгонит в страх не отдающего мишку рыбака. Это была чернота. И она свистела, шипела. Эмма зарылась в одеяло, но склизкие щупальца нащупали ее и там. Тогда она подумала об огне. О силе Белого Камня. И чернота отлетела к стене. Грохнулась ваза с цветами. Кто-то всхлипнул. В комнате был человек. Эмма под одеялом слышала, как он поднялся на ноги и стал возмущаться:

— Мерзавка! Мерзавка! Опередила меня! Что ж, вы еще все поплатитесь! Слышишь? Поплатитесь!

Но никто не ответил черноте-человеку. Он сверкнул угольными глазами с горячим пламенем в глазах, еще раз глянул на трясущийся под одеялом комок и исчез. Тогда Эмма крикнула. Звонко. И крик этот донесся до правителя. Он вскочил на своей кровати. Отбросил с волосатой груди руку рыжей любовницы.

— Ваша милость, — ласково проскулила девица, не открывая глаз. — С вами так тепло! Ах!

— Пошла вон, — презрительно шепнул Тельман, стянул с головы колпак с кисточкой, вызвал звоном колокольчика Гастона и велел заспанному слуге подать халат. — Чтобы не было ее, когда я вернусь.

— Как прикажете, Ваша милость. Леди Энн сбежала...

— Уже все знают. Только и говорили об этом весь вечер.

— Записочку в шкатулочке нашли, Ваша милость...

— И что же?

Тиль сунул руки в халат, и Гастон затянул пояс.

— Ее милость из свиты изволила выгнать...

— Глупости, Гастон! — Тиль моргнул правым глазом и вышел в коридор. Гастон вздохнул и велел рыжей девице собираться. А правитель летел через галерею в комнаты дочери. Няньки суетились, охали, мадам Эдмон носилась со стаканом холодной воды. Волосы у нее были распущены, сама в белой сорочке. Правитель Тельман впервые увидел главную няню такой. И полноватая женщина с длинными ногами и выступающей под складками ткани грудью даже показалась ему привлекательной. Она была не молода, но что-то теплое таилось в налитых слезами карих глазах. Няня металась по комнате и только с пятого раза попала в нужную дверь.

— Бедная девочка, — верещала мадам Эдмон. — Лекаря вызвали?

— Да, — вялым голосом ответила горничная и головой кивнула в сторону правителя. Все присутствующие в комнате заметили Его милость и разошлись кто куда — кто к окну, кто к комоду, кто к двери, где была купальня Эммы. Она любила воду. И плавающие

лепестки роз. Для нее даже специально выстроили каменный бассейн. Прямо в замке, рядом со спальней. Эмма увидела такой на картинке в старой книжке и показала папе. Папа не смог отказать любимой дочке.

Сейчас Эмма билась в истерике. Лекарь поднимал вялые ручки, осматривал розовые пятки, сдавливал грудь, затем брызнул что-то в рот. И дыхание Эммы стало не таким частым, глаза ее не слезились, она перестала кричать.

Первым в спальню вбежал правитель, за ним мадам Эдмон, потом горничная с полотенцем и две женщины в чепцах. Одна с морщинистым лицом, другая с распущенными волосами. Все выстроились полукругом и смотрели на испуганную девочку, которая нежилась на своих подушках. Эшли сидела на скамеечке правителя, а заметив Его милость, тут же встала и спряталась за креслом. Но правитель Тельман в этот раз присел на край кровати и прижал свою малышку в мокрой от пота сорочке к волосатой груди, заботливо погладил головку и уложил обратно на подушки. Женщина, что постарше, встала позади Его милости и положила руку ему на сутулое плечо, а вторая, это была Эвелин, с полным безразличием отвернулась и шепнула:

— Уже не знает, как внимание привлечь. Совсем избаловал, — хмыкнула она и вышла в приемную.

Слуги внесли свечи, и комната постепенно наполнялась светом, кто-то открыл окно. Там было тихо. Не было ветра, и не стучали капли дождя. Эмма успокаивалась в объятиях отца, ее маленькое сердце замирало, а тугие громкие вскрики превращались в слабое дыхание.

— Опять женщина в платье с голубой оборкой напугала тебя, малышка? — спросил правитель Тельман. — Папа схватит плохую тетеньку и накажет. Господин Дюре уже нашел дом, где живет виновница твоих кошмаров.

Но Эмма отрицательно замотала головой, вспомнила папу под дождем с мотыгой, черное облако, склизкие щупальца, угольные глаза и снова заплакала.

— Женщина посылает тебе дурные сны, дорогая, — отец поцеловал девочку в лоб. — И твой папа накажет ее. Сейчас все пройдет. Давай, ложись в кроватку, а я буду сидеть рядом, пока ты не уснешь.

Слова отца успокаивали Эмму. Тельман немного приподнял девочку, затем укрыл теплым одеялом. Лекарь в рогатой шапке что-то шепнул на ухо. Правитель кивнул и отпустил мужчину. Слуги затушили свечи и по очереди стали покидать спальню, а Его милость сжимал ладошку своей дочки и лично наблюдал за ее сном. В комнате осталась только Эшли. Она все также пряталась за спинкой кресла.

Вдруг Эмма перевернулась на другой бок, она крепко уснула. Правитель Тельман задул последнюю свечу и вышел в приемную. Как только дверь за ним затворилась, Эшли выбралась из укрытия, присела на скамеечку рядом с кроватью и стала поглаживать голову Эммы. Эмма тихо посапывала и думала, что папа рядом и никогда больше не оставит ее.

А Тельман вернулся в спальню. Рыжая любовница ушла, но оставила записку — она явится в четверг и в новом наряде. Правитель смял бумагу и бросил в пылающий огнем камин. Он велел Гастону разбудить и привести в его кабинет господина Дюре, начальника гвардии.

Гастон поклонился и побежал исполнять поручение. А Тиль стал думать. Что же случилось? Сон перемешался с явью. Он сам испытывал подобные чувства когда-то давно. Иногда казалось, что не было неземных глаз, не было поляны, залитой солнечным светом, не

было ночи, когда лил дождь и не было мотыги... Деревянная ручка снилась каждый год в один и тот же день. Склизкие куски грязи сыпались в горку. Кто-то ревел звонким голосочком и просил о помощи, но барабанившие по крышам капли дождя заглушали все крики. И мотыга делала свое дело. Как и лопата. И лунный свет не приходил спасать. Не чертил дорожку к заросшим травой холмикам. И озеро, о котором она говорила, не появлялось в тех снах. Был дождь и была чернота. Облако...

— Ваша милость! — воскликнул сонный Дюре. Тельман сидел за столом и поглядывал в темноту сада. Он видел только горящие факелы. И было холодно в нетопленном кабинете. Тельман запахнул халат.

— Даму в платье с голубой оборкой поймали? — спросил он.

— Нет, — почему-то ответил Дюре. — Но мы ищем, — нашелся главный гвардеец и подтянул пряжку на серебряном плаще.

— Прошло десять лет, господин Дюре! А эта женщина все еще на свободе и смеет пугать мою дочь! Если до похода в горы, вы ее не схватите...

Господин Дюре сглотнул слюну...

— Вообще-то у нас есть подозреваемая, Ваша милость.

— Ну? — правитель Тельман насупил хмурые брови. Коснулся рукой морщинистого лба. Да. Он стареет, только рыжую Алисию никогда не беспокоили его морщины. Дочери Милтона Джона нравилось целовать каждую бороздку. Нет, все же он погорячился, что нагрубил ей. А до четверга он велит Гастону вызвать девушку письмом. Еще можно будет заказать ювелиру ожерелье.

— Господин аббат уже испытал виновницу... Она, правда, не носит платье с голубой оборкой, но соседи свидетельствуют — живет одна, затворница, многие видели метлу в ее кухне, а также как по ночам наша подозреваемая превращается в склизкое существо — из волос торчат рожки, вместо рук когтистые лапы, кожа чешуйчатая, крупные глазенки, надутые щеки. Голова во много раз больше тела, копыта заменяют ей башмаки. И в таком образе подозреваемая выходит в огород, обязательно в лунную ночь, и помещивает в чугунном чане свою похлебку. До рассвета. А всем в округе снятся плохие сны. Утром многие не выходят на работу в поле — у мужчин раскалывается от боли голова, у женщин бьются кувшины с молоком, и приготовленную к завтраку еду есть невозможно...

— Бросить в темницу, переодеть, заплести косу и сделать так, чтобы ваша виновная походила на женщину из снов Эммы, — правитель стукнул кулаком по столу. Плащ Дюре взлетел от силы удара, но он старался сохранять спокойствие и держаться в своем углу смирно.

— Как прикажете, Ваша милость.

— После доложить мне, провести с конвоем по главной улице. Мы с Эммой будем гулять в носилках, и я покажу дочке, что виновница ее страхов и кошмаров наказана.

Господин Дюре поклонился и поспешил вернуться в свою каморку. Уже там он зажег свечу и спать ложиться не торопился. Быстро взял с полки лист бумаги и известил господина аббата, что срочно нужна женщина в платье с голубой оборкой. Сгодится любая, светловолосая.

Обычно у господина аббата всегда кто-то проходил по делу...

Господин Дюре вздохнул, запечатал письмо и только после этого разделся, затушил свечу и завалился в кровать.

Побег леди Энн не давал покоя. Аббат подозревал проделки ведьм, советник Джон

уверял всех, что девушка сбежала из замка по личным причинам, но он, господин Дюре, нашел в комнате леди Энн одну вещицу. Пряжку... Золотую, украшенную алым камнем. С комочками черной грязи, застрявшей в круглых отверстиях по кругу. Такая была у Его милости...

10

Раннее утро встретило Эмму не навязчивым пением пташки, а ужасным звоном в голове. Едва первые лучи солнца коснулись кружевной занавески, она подскочила, схватилась руками за виски, помассировала их и самостоятельно надела халат, который обычно подавала Эшли. Болезненный шум так разрывал голову, что сил не осталось потянуться к круглому столику и взять серебряный колокольчик.

Эмма вздумала подробно расспросить о ночном визите черного облака Тильду и открыла портал. Вышло с первой попытки. Звон не утихал, но свечение в пустом пространстве затягивало и манило. Эмма оглянулась — дверь в комнату Эшли была плотно закрыта. А вот в приемной шумели — другие служанки готовились к пробуждению дочери правителя. Эмма склонила голову на бок, закусилась розовую губку, сделала один единственный шаг в неведомую границу времени и мгновенно очутилась в домике Тильды. Портал закрылся. Тильда строго смотрела на Эмму, уперев руки в располневшие бока. Один взгляд и симпатичное лицо девочки исказилось от ужаса. Она согнулась в коленях и едва не рухнула на пол — звон в голове стал намного сильнее, как и боль.

— Так будет всегда, пока ты не поможешь тому, кто в тебе нуждается!

— Заберите свой дар и оставьте меня в покое! — презрительно зашипела Эмма и топнула ножкой. — Я хочу жить, как привыкла!

— Белый камень не забирает награду! — Тильда повысила тон. — Эшли столько для тебя сделала, а ты когда-нибудь интересовалась жизнью бедной девушки? Или предметом ваших разговоров всегда были твои обиды и неудачи?

— Я предупреждала, что не достойна вашего великого дара! — Эмма закусилась губу, — как я могу помочь своей горничной, не зная причин? Может ей нравится жить замкнуто и обособленно. Я предлагала место в свите...

— Думаешь, приютила Эшли в замке и осчастливила?

— Именно так.

— Упрятав хорошенько в смежную комнату?

— Ради моего желания помочь нищей оборванке, отец отказал более благородным семьям в этой почести!

Эмма согнулась в спине — ей удалось найти идеальное положение, когда звон в голове был не таким сильным.

— Ну конечно.

— К чему ты мне все это говоришь? Если нужно, говори с моими служанками сама! — Резкая боль снова ударила в виски. Эмма положила руку на спинку кровати. — И подари свой волшебный дар Эшли. Она же не тень и вполне достойна быть доброй и великой!

Эмма гневно посмотрела на Тильду, преодолевая звон в голове открыла портал и вместо спальни оказалась в домике седого в конусообразной шляпе.

Старик приложил палец к черным губам, выглянул в окно, задернул штору и усадил Эмму в кресло с красной спинкой. Звон в голове утихал. Седой выдал быстро и четко:

— Есть шанс избавиться от дара, — сказал он. — В полнолуние, в особый день, нужно прочесть в избушке старинный текст.

— Я готова, — еле слышно произнесла Эмма и снова скорчилась от боли. Седой положил ей руку на плечо. Эмма увидела морщинистую ладонь, ухоженные ногти белого цвета. Слеза покатила по впалой щеке. На одном из пальцев сверкнуло кольцо... Яркий изумрудный камень... Она видела его раньше!

— Картограф! — догадалась Эмма.

Глаза седого блеснули.

— Прошу, без имен!

Старик приложил ладонь к розовым губам Эммы. Прислушался. Было тихо.

— Кто-то грозился убить моего папу, а после меня душили в комнате. Ночью! Помогите! Я желаю избавиться от дара, от боли и хочу жить как прежде!

— Я приду, как будет можно. Дней через десять. Тильде ни слова!

Седой открыл портал, и Эмма очутилась в своей спальне. В приемной в ряд выстроились служанки с умывальником, полотенцем и халатом. Девушки ожидали, когда прозвенит серебряный колокольчик. Но Эмма не спешила вызывать их. Она смотрела на коричневую дверцу в каменной стене. Звон в голове на мгновение утих, стоило обернуться... Эмма толкнула створку. Дверь скрипнула. В полумраке виднелись очертания мебели, и световая дорожка тянулась по потолку от круглого окошка к противоположной стене. Эмма забыла пригнуться и ударилась о косяк на пороге. Эшли в комнате не было. Горничная всегда вставала пораньше и убегала в парк за свежими цветами, затем она шла на кухню и докладывала слуге повара о пожеланиях Эммы...

Эмма попыталась зажечь свечу, но обожгла палец и прикусила ноготь.

— Каморка, — сделала вывод она.

Узкая кровать была заправлена темным покрывалом. Эмма как следует взбила большую подушку, положила на место возле деревянной спинки и улыбнулась. На стене висела картина, изображающая одинокую женщину в коричневом платье, босую, закутанную в платок и с потухшей свечкой в руке. У женщины был печальный взгляд, казалось, она плачет.

В шкафу Эмма нашла выходные платья... Ощупала их, рассмотрела оборки, складки, шелковые юбки, кружева, рукавчики...

— Ну и ну! — удивилась она. — Вот куда деваются мои любимые наряды!

Эмма захлопнула дверцы, прислонилась к стене и увидела, что на самом деле свое скромное жалование Эшли тратила на покупку дорогих тканей на рынке и шила себе платья, как у Эммы сама, поздней ночью, когда не спалось, а раз в месяц обязательно плакалась леди Энн, что глаза у нее устают от тусклого свечного света, но иначе она не может — ей хочется хорошо выглядеть в те дни, когда мадам Эдмон разрешает покинуть замок.

— В одиночестве я гуляю в красивом платье по городу, заглядываю в каждый уголок, улочку.

Леди Энн!.. Эшли была дружна с дочкой господина... Эмма не помнила имени, титула, где располагались владения этой семьи. Друзья отца сливались для нее в разноцветную толпу в большом зале. Она танцевала со знатными гостями, любезничала... Леди Энн — юная светловолосая дива. Хрупкая, с тонкими плечами и нежно-голубыми глазами. В детстве она пела в театре Чарльза. Брала такие ноты, что у всех мурашки на руках появлялись. Даже у папы. И леди Энн общалась с мамой, состояла в ее свите...

Эмма присела на низенькую табуретку и задумалась.

— Да! Точно!

Эмма услышала шум на тайной лестнице и поспешила вернуться в свою комнату. Звон в голове вызвал новую боль в висках. Она сняла халат и легла в кровать. За дверью сплетничали.

— Опоздает на завтрак к Его милости... Что же делать?

— Зовите мадам Эдмон.

— Лучше Эшли...

— Леди Энн не хватает... Она бы Ее милость сейчас...

— С самого вечера леди Энн никто не видел. Гвардейцы говорят, от позора сбежала...

— Его милость такой подарок сделал — официально объявил наследницей, а Ее милость позволяет себе хандрить...

— Сына не дождался... Вот и объявил.

— Истерила ночью. Такое тут было...

Шепот служанок заглушил звон. Эмма перевернулась на другой бок и представила, как выходит замуж за Чарльза. Пока игрушечно, на сцене каменного амфитеатра. Чарльз, в отличии Тильды, принимал ее настоящей, с капризами и ужасно вредным характером.

— Ты хочешь дружить со мной? — спросила она у него, когда Чарльз уходил вечером после праздника.

— С чего вдруг интересуешься?

— Просто один человек сказал мне, что я недостойна тебя, — Эмма закрыла глаза и отвернулась.

— Ее милость позволяет себе грустить? — забеспокоился Чарльз. Он теребил перо своей шляпы и почему-то думал о своем отце. — Скажи, кто так говорит? Знаю одно, леди Эм — смелая, решительная, интересная и воплощение моего идеала. На сцене...

— А если я скажу, что просто привыкла дружить с сочинителем сказочных пьес, у которого я играла роль наивной леди в розовом платье? — Эмма запнулась на половине слова и посмотрела вверх. В воздухе, вплотную к потолку, повисла Тильда. И наставница поспешила исчезнуть до того, как дочка правителя показала ей налитый гневом кулак.

— Эм! Очнись! — голос Чарльза стал тревожным. В канделябре догорала свеча и вдруг совсем погасла. Из смежной комнаты вышла Эшли и начала разбирать постель. — Мой отец так долго уговаривал твоего...

Но Эмма оттолкнула Чарльза, а сын Милтона Джона как покорный щенок стал бегать позади нее. Эшли складывала покрывало, взбивала подушки и глядеть в их сторону не смела.

— Эм! Да объясни мне, в чем дело! Ничего не понимаю...

— Прости, — сказала она и уткнулась ему в плечо...

Боль в голове утихла. Чарльз стоял в темноте такой одинокий и заостренный кончик его носа шевелился в свечном свете. Эмма жестом велела уходить ему скорее... Чарльз склонил голову и стал пятиться к двери. Эшли покорно двинулась к Эмме. Привычными движениями она сдергивала с Ее милости украшения, ленты, вынимала из волос шпильки. Эмма не шевелилась. В тот момент она поняла, что всегда была музой Чарли не только в спектаклях, но и в жизни. И лишь одной фразой она перечеркнула все, что было ему дорого, нет, это началось накануне, когда, поддавшись соблазну, она дотронулась ладонью до белого камня, и новая сила поистине очаровывала. Но надежда, что седой поможет ей, оставалась.

Днем Эмма виделась с Тильдой. У озера. Тильда сидела на белом камне и требовала рассказать, кто напал на нее ночью. Дул легкий ветерок. Эмма подняла голову и увидела шляпку среди веток. Розовая лента свисала и касалась песчаной земли. Эмма сняла находку и прочитала вышивку:

«Леди Энн от...».

Нет! Сердце Эммы вздрогнуло. Она вспомнила ночь, сон, папу, тонущего в грязи... А лицо Тильды светилось. Наставница подставила его ярким лучам солнца и захотела, чтобы бледная кожа стала немного смуглее. Песчаного цвета. Как раньше. Он любил так говорить. На той поляне... Когда она играла ему.

— Седой старик пожаловался? — спросила Эмма.

Глаза Тильды нахмурились...

— В говорящей воде увидела.

— Это было черное облако с щупальцами. Мне страшно, Тильда.

— Забудь. Он пугает тебя.

— Кто? Тильда?

— Черный маг. Или его служка. Служка, скорее. Идем. Я покажу, как ставить защиту...

Тильда вытянула руку... Эмма покорно шла за ней, а покоя не давала найденная шляпка леди Энн и вышитая надпись с именем папы.

Поздним вечером Эшли попыталась зажечь свечи, но Эмма заявила, что желает побыть в темноте. Эшли покорно согласилась с пожеланием дочери правителя, вместе с другими девушками помогла ей переодеться и служанки оставили Ее милость одну.

Но одиночество быстро наскучило Эмме. Около часа она смотрела в мерцающий факельными огнями сад. Стремительно гасли окна на всех этажах замка, поочередно, как маленькие точки. И в одной из комнат сочинял свою новую пьесу Чарльз. К тому же сон о черном облаке не выходил из головы. Как и желание служки черного мага убить папу. Эмма вздохнула, затворила окошко и услышала, как Эшли перелистнула страницу книги, которую та читала. Она вдруг подумала, а почему бы ей не погонять по личным делам уставшую служанку? Будет забавно. Эмма подбежала к двери ее каморки, схватилась за ручку и уже хотела крикнуть — Эшли, желаю умыться водой из лесного ручья, но потом что-то случилось, боль ударила в виски, Эмма даже прикрикнула, столь сильным был звон. Пришлось лечь в постель и спокойно дожидаться утра. И в комнате Эшли тоже быстро воцарилась тишина. Служанка потушила свечу, и полоска света под дверью стремительно угасла...

Но сон не шел к Эмме. Она ворочалась. Смотрела на утопавшую в темноте стену и ждала, что черное облако снова проникнет в ее спальню и будет пугать. Бой хоть как-то развеет скуку. Но никто не беспокоил ее. Тогда Эмма решила, что хочет побывать в одном месте. Это место было волшебным, загадочным и таким манящим. Она встала, набросила на плечи кружевной халат и превратилась в мерцающий огонек, который через пару секунд погас.

Она приземлилась на зеленой лужайке. В синеватой темноте тумана. Небо было ясно-черным и высоко над головой мерцали звезды. Эмма вытянула тонкие ручки и стала

кружиться на одной ноге, умело сохраняя равновесие. Она чувствовала, как невероятные ощущения тревожат ее, когда не нужно думать о Белом камне, черном облаке, обидах Чарльза, унынии Эшли, о сокровищнице отца или побеге леди Энн. Мама с подругами горевала весь день, господин Дюре опрашивал всех в замке, господин аббат требовал у отца схватить «подозреваемую» — он был уверен, что леди Энн сговорилась с дамой в чепце из ближней деревни.

— Заговор против Вас...

Аббат бегал за папой и просил подписать бумагу, а отец ждал отчет господина Дюре. О застрявшей в ветках шляпке все молчали.

В саду Тильды Эмма с легкостью отыскала полянку с Белым Камнем. Он сверкал даже в темноте. Манил. И она обошла его. С противоположной стороны — только гладкая поверхность, ничего. Ни букв, ни подсказок, ни выступов. А на передней — отпечаток чужой руки. Как выемка. Только края сейчас светились. Эмма подошла ближе, и приложила трясущуюся ладошку к отметине. Закрыла глаза. Сосредоточилась. Было тихо. Ничего не произошло.

— Забери свой дар! Слышишь! — заорала она и пнула камень со всей мочи. После одернула ногу и повалилась на траву. Она не смогла впитать остатки силы, как и избавиться от той, что имела. Горячая слеза покатила по щеке из уголка глаза, защекотала подбородок. Эмма смахнула ее рукой. Над головой темнело небо. Камень излучал свет... Ярче, чем обычно. Она увидела огненные символы, но расшифровать не смогла — старинные буквы затянула тусклая завеса. Эмма приподнялась на локоток, искрящееся свечение, окружавшее камень, внезапно пропало, а с темного неба упал призрачный луч и начертил на траве подобие кружка. Переместился на клумбу. Голубые и красные бутончики подняли мохнатые головки и загорцевали, принимая от луча каждую каплю света. Эмма забыла о даре белого камня и захлопала в ладоши. Она жалела, что не может показать всю эту красоту Чарльзу или папе. Они были бы счастливы ощутить то, что чувствует она. От счастья у Эммы закружилась голова. Она забыла о звоне в голове и боли в висках. Луч тем временем перескочил дальше и занялся очередной клумбой, а Эмма легла и потянулась к первому цветку, который распустил бледно-фиолетовые лепестки. Этот запах манил, вгонял в дурман.

— Привет, — услышала Эмма тонкий, похожий на детский, голосок и поднялась с земли. Стряхнула грязь с халата. Ей было немного стыдно за внешний вид. Даже перед мальчиком в белых одеждах. Он стоял у раскидистого дерева с книгой в руке. Светлая челка, прикрывавшая высокий лоб, загнулась в причудливой форме.

— С этими растениями нужно быть осторожнее. С виду красивы, а на самом деле — ловушка, они охраняют вход в наш сад. И иссиня-черные ягоды тоже лучше не пробовать...

— Ты кто? — спросила Эмма. — И что здесь делаешь?

— Скажем, мне не спится, — задумчиво ответил паренек и шевельнул мохнатой головой да так, что челка вздернулась и снова упала ему на вспотевший лобик. — А ты что потеряла в нашем саду? Явилась ночью, и в таком виде... — мальчишка ухмыльнулся.

Эмма запахнула халат и решила, что и здесь ее не ждут и лучше будет вернуться в свою спальню, в то место, откуда никто никогда не посмеет выгнать. А лучше к голубому озеру.

— Постой! Успокойся. Я знаю тебя, — мальчишка в попытке остановить убегающую Эмму обронил книгу. Он не стал поднимать ее, а продолжал смотреть в глаза девушки. — Тебя Тильда привела. Пойдем, присядем, там, за поляной есть место, где можно

подкрепиться и отдохнуть. Моя бабуля принимает завтра экзамен по практике, я учился всю неделю и уже не помню, когда ел в последний раз.

Мальчишка протянул Эмме руку. Она нерешительно приняла ее, а паренек повел направо, к красивому парку, и по дороге рассказал о всех обычаях в саду Тильды, какие вспомнил. Было темно и высокие деревья гнули мохнатые ветки к земле. Они присели на одну из скамеек. Эмма почувствовала, что теряет чувство реальности и нереальности. Два мира, отца и Тильды, такие разные, но было между ними что-то общее.

— Ты давно здесь? — спросила она мальчика.

— Вся моя жизнь связана с Тильдой и бабушкой. Мне нравится здесь. Я уже могу выходить в мир людей, Тильда брала меня с собой. Мои способности достаточно окрепли, чтобы я мог защитить себя от черного облака.

— А черное облако не сможет проникнуть сюда?

Мальчишка покачал головой.

— Нет, Тильда защитила вход. Но она просит быть осторожнее, так как черное облако, вернее его служки, периодически выслеживают нас, чтобы найти проход.

— Она нравится вам?

— Конечно, она внучка великой Клары. До тебя Тильда считалась самой могущественной в саду. Мы думали, что силы Клары перейдут к ней, но Тильда никак не могла впитать силу Белого камня. А ты смогла. Никто не верил в тебя... Ты уж прости...

— И сейчас не верит?

Мальчишка покачал головой.

— У Тильды авторитет. Чтобы мы пошли за тобой, ты должна завоевать наше доверие, как Тильда. Она не с нами сейчас, мы отпустили ее на время в мир человека. У Тильды важное дело там.

— Да, в роли жены отца я такую женщину не вижу, — Эмма улыбнулась. — Но она бы ему понравилась. Даже в платье с голубой оборкой и венке.

— Почему же, — поспорил мальчик. — Если ставить цели перед собой, четко и последовательно идти к этим целям, то все может получиться. У Тильды есть цель. И план.

— Ты умен для своего возраста, — заметила Эмма. — Слишком умен.

— У меня хорошие учителя и подопечные. Я учу их жизни, а они учат меня понимать то, что раньше мне казалось пустым. Я не понимал вашего разделения на бедных и богатых, у нас этого Тильда не допускает. И в книгах не так написано. Мы согласны, что она главная, но никто из нас не живет за счет другого. А твой отец — новый подопечный Тильды. Ему грозит опасность, поэтому она и бывает так часто в его замке.

— У Тильды идея заменить отца на меня? Так?

Мальчик кивнул.

— Тильда верит. А седой не верит. Но мы поддержали Тильду. Мы знаем, что ты сможешь донести до людишек частичку тепла. Они будут видеть в тебе свет и добро. Этого и боится черное облако. Магически оно помешать тебе не может, пока у тебя сила Клары, а человеческими способами вполне.

— Ты совсем запугал меня, — сказала Эмма. — Чтобы нести свет и добро нужно быть непорочной, не капризной, не вспыльчивой и любить людей, которых я иногда просто ненавижу за то, что они есть. Я угнетаю собственных служанок, я ни разу не подала нищему золотого, прекрасно зная, что гвардейцы забрали у него последнее, я ни разу не пожалела тяжело больного человека.

— Ты была такой до знакомства с Тильдой, — заметил мальчик. — Сейчас же — выбор за тобой. И он будет всегда у тебя. Тильда или я, все мы можем что-то говорить тебе, убеждать, но выбор всегда сделаешь ты, ты же сама знаешь, что лучше?

Мальчик встал. Он был невысокого роста и так юн, что Эмма вдруг захотела продолжить разговор.

— Приходи завтра. И мы снова побеседуем. И я принесу что-нибудь поесть. А сейчас мне пора, завтра экзамен.

— Я тоже принесу, — Эмма заплакала. Она давно не плакала и ей стало больно. Был звон в голове. Потом ей захотелось полетать, как птица. Она забралась на скамейку и, собрав все силы, взлетела. Она парила над садом Тильды, а позже выбралась в свой мир и увидела темную гладь лесов, гор. Правее высился замок отца и город, расположившийся подле серых стен. Каменистые улицы были пусты и темны, домишки с тянущимся тонкой струйкой дымком из труб лепились один к другому, но в сумраке, прямо на улице, можно было увидеть и сторбленных людей, закутанных в грязные лохмотья. Все они грели озябшие руки у костров, сложенных прямо в переулках. Эмма поднялась выше, чтобы никто не увидел ее. А у ворот замка вдруг поняла, что нужно приземляться, а так не хотелось.

11

Тиль ждал первого советника с докладом в комнате, стилизованной под охотничий домик. Он сидел у железной печки, пылающей жарким огнем, и рассматривал стрелу, которую ему недавно подарили союзники. Воротник душил его, шляпа с пером лежала на коленях, но Тиль наслаждался блеском острого наконечника и раздумывал, в какую бы сторону направить его — на восток или на запад, на север или на юг.

Мгновение и Тиль увидел карту на стене — красным были заштрихованы его территории, его владения... Никто не мог сравниться с ним... Ни умом, ни силой, ни настойчивостью.

— Милтон Джон, Ваша милость, — доложил Гастон.

— Пустите, — отозвался из своего кресла Тиль.

В комнату вошел высокий человек. На приплюснутой голове вились кудряшками темные волосы, крупный нос высился над вдавленными скулами, тугий рот открывался произвольно и озвучивал предположения и мысли. Тиль притворялся, что слушает. Он устал. Впервые за долгое время. Милтон Джон требовал разрешения многих дел, но блеск наконечника стрелы и вопрос, куда ее направить — на восток или запад — занимал как никогда.

Милтон Джон разложил бумаги на низком столике. Тиль жестом велел первому советнику переходить к более важным вещам. Милтон Джон вытер кружевным платком вспотевший лоб и приступил:

— Копия помолвочного соглашения отправлена союзникам. Отрицательных реакций пока не поступало.

— Что еще?

— Ее милость вызвала лекаря накануне. Он искал у нее признаки беременности. Информация из надежного источника. — Милтон Джон моргнул карим глазом. Тиль отложил стрелу и сказал вполне уверенно, решительно:

— Я не привык менять своих решений. Это раз. Я не уверен, что ребенок вообще родится. Это два. К тому же ваш сын заканчивает обучение в Академии. Он обязан помогать Эмме во всем. Даже когда я получу своего внука-наследника. Это три. Что еще?

— Восстание фермеров. — Милтон Джон протянул донесение наместника. — Бунт подавлен.

— Наместник обеспокоен и требует перевода? — Тельман засмеялся, встал и подошел к окну. — Все они, — он указал на главную площадь, — думают, как я хочу, живут, как я хочу и ничего не смогут предпринять против моего режима, если я этого не захочу. — После он вернулся на место. Стрела снова блеснула у него в руке. — Объявите о моем обращении, допустим, завтра днем, соберите всех, добровольно или силой. Устрою небольшой сюрприз...

— Я полностью согласен с Вашей милостью. Так же хотел бы заметить, что Ее милости следует как можно чаще появляться на людях. В свете она известна, как капризная дочка правителя...

— Что вы предлагаете?

— К усиленному обучению добавить некоторые выезды. Утром она может раздавать медняки, допустим сразу после службы, послеполуденное время проводить с подростками, она в силах обучать их грамоте, а днем она могла бы присутствовать на ваших обращениях и поддерживать вас. Ну и конечно, обязательное присутствие на Советах с союзниками.

— Теперь я соглашусь с Вами, — заметил Тиль. Он махнул рукой, и Гастон принес поднос с двумя кубками. Один кубок слуга подал правителю, другой советнику. Милтон Джон принял кубок и отпил немного, Тиль глотнул из кубка после. — Поговорите с Эммой и объясните, как следует себя вести. А теперь расскажите о повышении сборов с полей. Ведомства разработали соответствующий указ?

Улыбка сошла с губ Милтона Джона. Он протянул задумчиво:

— Указ заверен моей подписью, но я бы рекомендовал Вашей милости приостановить утверждение. Казна полна, такого богатства нет ни у одного из союзников...

Тиль притворился, что не обратил внимания на замечание. Метнул стрелу и твердо решил, куда направит острый наконечник... Он ослабил воротник и жестом велел Гастону подбросить дров в печку. Из темного угла резко холодом повеяло. Тиль ощущал кого-то, кто-то был рядом и шептал в ухо... Он обернулся, но за спинкой оказалось пусто. Лишь Гастон подкидывал сухие поленья в печку и они трещали навязчивым мерзким звуком. И этот кто-то сказал:

— Забудь!

Уже громко, вполне ощутимо. Тиль закрутился в своем кресле и глянул на выпущенную им стрелу. Он твердо решил действовать.

— Зачинщики бунта арестованы? — спросил он.

Милтон Джон замялся.

— Все схвачены и содержатся в темнице. Идет расследование.

— У вас все?

Милтон Джон кивнул. Возникшее напряжение обеспокоило его. Он решил придерживаться свои советы до тех пор, пока его не попросят. Слишком много сил и времени ушло, чтобы обеспечить своей семье привилегированное положение. Когда-то он был маленьким мальчишкой. Отец его, Милтон Джон старший, погиб в кровавой битве с одним из нынешних союзников, мать не пережила горя и вскоре умерла. Маленького Милтона отдали на воспитание дяде, в замок, а дядя пристроил племянника в ведомство первого советника. В обязанности новенького входило разносить бумаги и вести архив. И он с не бывалым упорством демонстрировал обучаемость, исполнительность и аккуратность в

письме. Милтон всегда задерживался и не уходил пока все бумаги и документы не будут разложены по местам, а важные бумаги не попадут на соответствующую полку. Советник заметил старание угрюмого и нелюдимого мальчишки и вскоре доверил ему не только раскладку документов, но и их перепись, а также иногда позволял присутствовать на важных заседаниях с требованием вести протокол. Милтон Джон справлялся с любой поставленной перед ним задачей. Он красиво и аккуратно записывал реплики, донесения. Советник удивлялся небывалой скорости письма и вменяемой читабельности. Он хвалил смышлёного мальчишку, поглаживая по кучерявой голове.

Вскоре Милтону Джону позволили переехать в замок, там ему выделили комнаты, а покровитель его договорился о выгодной женитьбе. Теперь Милтон получил в приданое целое поместье, в котором не без удовольствия проводил лето. Он привел все дела в норму, а первый советник настоял на его дружбе с молодым сыном правителя. Тиль имел некоторые тайны от семьи. И Милтону Джону было поручено выяснить, что скрывает наследник и предоставить отчет. Он и узнал вскоре, что молодой Тельман влюбился в девушку из деревни. Милтон ни разу не видел ее, он только слышал о ней. Тиль-романтик с не бывалой трепетностью рассказывал об этой девице.

— Понимаете Милтон..., - говорил воодушевленный Тиль. — Она чудная и я наблюдаю за ней из-за дерева. Как она танцует. Но однажды я все же рискнул подойти ближе...

— Вы узнали ее имя? — спросил Милтон Джон.

— Пока нет. Но она знает меня. Я же непременно спрошу, как ее зовут...

— Спросите... Обязательно. А вы можете описать эту девушку?

— Конечно. Она всегда танцует на залитой солнечным светом поляне в лесу. Лучи золотят ее волосы. Она смеется, посылая воздушные поцелуи шуршащим в кустах кроликам. А я всегда прячусь за могучим стволом, привязываю лошадь и жестом отсылаю пажа стеречь палатку. А сам смотрю, как она кружится в своем солнечном танце. Устав, она опускается на коленки и приманивает белочку. Белочка покорно походит к очаровательной ручке. Из нагрудного кармашка она всегда вынимает серебристую флейту. Льется музыка, а я как замороженный иду на звук. Наступаю на траву и ворсинки пригибаются от тяжести моих сапог. Я не вижу ее лица больше, но мне кажется, что я слышу дерзкий смех вперемешку с волшебной музыкой. А потом все резко стихает. Я замираю. Хочу бежать к дереву, но девушка оборачивается и видит меня. У нее небывалого цвета глаза. Неземного, скорее. Маленькие, глубоко посаженные. Тонкими пальчиками она сжимает флейту, подносит к алым губкам и думает было играть, но быстро хмурится и говорит:

— Я знаю, кто вы.

Она поднимается с колен. Стряхивает с передника траву и сухие листья.

— И кто же? — интересуюсь я. И девушка говорит со мной вполне уверенно:

— Сын верховного правителя. Тельман, если не ошибаюсь, но друзья зовут вас Тиль.

Я оступился. Где-то вдалеке слышались голоса пажей, стражников, матери, Эвелин. Свита искала меня, но к поляне мои люди близко не подходили.

— Я живу там, в избушке.

— О...

— Папа мой работает в деревне. Здесь недалеко. Он приходит к позднему вечеру. Я готовлю ему ужин. В черном котелке. Котелок висит над железной печкой. Заходите после полудня. Днем ливень обещали. Вы промокнете, а до замка путь не близкий.

Она убрала флейту в кармашек, махнула ручкой. Белочка поскакала искать дупло.

Девушка по тропинке побрела в лес. Я видел, как между деревьями застревает оборка ее платья. Она всегда поворачивалась, манила. Я был готов бежать следом.

— Тиль..., - услышал я властный голос и сразу очнулся. Мать моя восседала в носилках на взбитых подушках. — Идем. — Я смотрел в лес. Оборка платья пропала.

— Тиль, очнись! Эвелин готова порадовать нас известием! У вас будет ребенок...

Я подумал, что девушка и ее танец мне приснились, вскочил на коня, а на стволе заметил оставленную ей ленточку и понял, что встреча была. И музыка тоже. И танец. И ручка...

— И все же, знакомство с девушкой привиделось вам. Вы описывали ее, как сон, Ваша милость.

— Нет, дорогой Милтон, девушка не привиделась мне. Хотя с тех пор, я не видел ее, искал избушку в лесу. И все без толку...

Милтон Джон впервые в своей недолгой жизни колебался. Он должен был сообщить о тайне Тили-романтика верховному правителю и первому советнику, но что-то его останавливало, он два раза подходил к кабинету то одного, то другого. После возвращался опечаленный домой. Жена, обеспокоенная его подавленностью, спрашивала:

— Что тревожит тебя, муж мой?

И Милтон Джон выплеснул на нее все свои переживания.

— Я устрою все. Ты не предашь друга, а нужные люди узнают тайну...

— Ступайте, — голос Тельмана заставил бедного советника вздрогнуть.

— А бумаги?

— После, — отмахнулся Тиль и велел Гастону поднять стрелу.

Милтон Джон попятился к двери. В папку он судорожно совал бумаги. Тиль заметил один листок, цветом отличавшийся от других. Правитель жестом поманил советника обратно.

— Дайте сюда, — сказал он.

— Конечно.

Милтон Джон положил документ на низкий столик.

— Что это?

— Вердикт. Дама в платье с голубой оборкой схвачена. Была предана пыткам и созналась, что насылала порчу на Ее милость... Но пока вы не подпишите...

И Тиль, не колеблясь, подписал бумагу. Кто-то шептал ему в ухо, но он говорил достаточно громко и заглушал навязчивый голос:

— Только устройте мне показательный проезд. Я предупреждал господина Дюре.

Милтон Джон спрятал бумагу.

— Все готово. На прогулке с Ее милостью даму поведет из темницы на площадь конвой...

— Хорошо. Знаете, Милтон, — Тельман вздохнул. — Я решил порадовать молодых. А давайте построим замок с райским садом. Вечером вызовите лучших архитекторов и согласуйте с ними план строительства. План должен быть предоставлен к концу недели...

— Как прикажете, — Милтон Джон поклонился, и Гастон вывел его из кабинета. Бедный советник с нетерпением ожидал свадьбу. Пять лет! Как пережить их! За этот долгий срок правитель мог найти более выгодного жениха своей ненаглядной дочке. И Эмма может выбирать — мужем наследницы верховной империи желает стать каждый в союзе. Кроме...

Милтон Джон улыбнулся пришедшей на ум догадке и уже в кабинете составил

советующее письмо духовнику Тельмана, имевшего на правителя некоторое влияние.

После в кабинет влетел его сын. Расстроенный.

Милтон Джон спросил неторопливо:

— Что случилось?

— У меня имеется разговор, отец.

— Внимательно слушаю.

— Дайте мне денег на реставрацию заброшенного амфитеатра. Желаю видеть публику на своих спектаклях. Не только знать из замка. Сочинитель пьес выполнил твое поручение. Завоевал сердце леди Эммы. Теперь и ты отпусти его.

Милтон Джон крикнул:

— Еще скажи, что твой писака раздумал жениться!

— Нет, не раздумал. Но он будет говорить с леди Эммой!

— Не посмеет, — глаза Милтона Джона, ранее спокойные и сдержанные, пылали гневом. Чарльзу стало неудобно. — Только подумай, дорогой сын, что произойдет, если Тельман узнает! Эмма носит наследный титул, и в ближайшие годы я собираюсь лепить из нее образ честной и отзывчивой девушки, которая придет на смену тирану-отцу!

— А я, по-вашему, должен принести и клятву верности, и обязаться оставить все шансы на самореализацию?

— Подожди с самореализацией. Совсем скоро Тельман отойдет в мир иной. Эмма ни разу не задумывалась, что такое большой путь и как его пройти. Она с пеленок получала все, что хотела, без усилий. Тельман именно такой и хочет выпустить ее из клетки. Только вспомни, сколько он, благодаря мне, провел удачных военных кампаний, мы расширили границы, захватили плодородные земли и теперь контролируем важные торговые пути на суше. И к наследованию всего этого мы должны готовить нашу Эмму. Ты и я, мы будем ее поддерживать и помогать, оберегать и удерживать от необдуманных поступков.

— Нет, отец. Я желаю иметь амфитеатр, и это мое последнее слово!

— Глупец! Выродок!

— Пусть так!

Милтон Джон ухмыльнулся. Чарльз поклонился ему.

— Только не забывай об одном, дорогой мой сын. Твои пьески всегда были для Ее милости детским развлечением, о котором она и забыла уже.

Эшли срезала луговые цветы и вдруг обернулась. В беседку, увитую густым плющом, заходил Чарльз. Он сел на деревянную лавку и принялся стучать по крышке стола. На остроконечной крыше прятались в зеленых ветках птицы. Они тянули клювики к ясному небу и чирикали свои унылые песенки. Казалось Чарльз успокаивался, прислушиваясь к их навязчивым голосам, и лицо его разглаживалось.

Рядом журчал фонтан. Чарльз вышел на дорожку, наклонился и ополоснул водой покрасневшиеся после ссоры с отцом щеки. Эшли бросила цветы и подошла к нему. Сначала Чарльз не замечал ее, он смотрел сквозь нее на темные окна замка и о чем-то думал. Эшли ждала прежнего шутливого тона и уже собралась бежать, но потом услышала грустно-подавленный голос.

— Вы, — протяжно сказал Чарльз и головой указал на пустую скамейку. Эшли покорно присела рядом с ним. Стало необычно тихо. Не журчал фонтан и птицы замолкли. И садовники больше не стучали тяпками и не гремели ножницами.

— Вот скажите мне вы, девушка в сером платье! Та, которая знает свою госпожу лучше всех, почему все так запутанно и сложно?

— О, вы ошибаетесь!

— Возможно! — Чарльз поднял голову и острый кончик его носа зашевелился. — О, дорогая Эшли! Как думаете? Было бы намного лучше, если бы моя Эмма была простой булочницей, а я каким-нибудь садовником. Только представьте! Я бы женился на леди Эмме через пять лет, и жили бы мы где-нибудь на берегу озера, в маленьком доме. О, я забыл о пьесах, — теперь Чарльз поднял указательный палец. — Уверяю, даже бедняком я бы отыскал клад и восстановил сцену заброшенного амфитеатра и каменные ступени-сиденья! Я бы веселил маленьких детей и их друзей. Подумайте!

— Ваши мысли слишком идеальны о бедности, уж поверьте, — Эшли произнесла последнюю фразу твердо и уверенно да так, что Чарльз опустил руку, голову и кончик его носа перестал шевелиться. А Эшли вдруг подумала, что в его присутствии в ней всегда растет внутренняя сила и прячется куда-то подальше при Эмме. — Вот я всегда считала, что мне повезло, я попала в замок, меня одели, обули, обучили грамоте и предоставили личный угол. Я познакомилась с леди Эммой. Но все это пустое, — Эшли уткнулась рукой в грудь. — Я скучаю по приемной матери. Я всегда была для нее обузой, но она единственное родное, что осталось у меня. Леди Эмма мне дорога, но вот дорога ли я ей, я не знаю.

Чарльз оценивающе смотрел на нее. Эшли ощутила что-то недоброе в его взгляде, похотливое.

— Вы читали мои пьесы?

— Некоторые. Помню я взяла одну тетрадь в потертой обложке... Текст почти стерся, некоторые слова было трудно распознать, но смысл я поняла.

— В вашей компании я даже перестаю грустить... — Чарльз замолчал. — У меня был разговор с папой. Он отказал мне. Велел сосредоточиться на свадьбе.

— На свадьбе?

— Да. Правитель наконец подписал помолвочное соглашение. Я так ждал этого момента, а теперь и не знаю уже.

— Может тогда следует решить, что вам важнее?

— Хороший совет. А вам, думаю, следует выйти из тени.

— Вы сказали глупость, — лицо Эшли покраснело. Снова навязчиво запели птицы, зажурчал фонтан и садовники застучали мотыгами. — Мне лучше уйти. Дела.

Чарльз отпустил ее. Эшли вернулась к клумбам, подняла срезанные цветы и пошла к замку. Черные окна с решетками были готовы поглотить ее. Серые арки в стенах распахнулись и впустили в свои пределы. А там камень и ничего кроме камня, холодной стали и мрамора. Если только флажок в меленькую полоску казался чем-то необычным и живым. Только его и шевелил внезапно залетевший в парк ветерок.

Эшли шла по тропинке и вдруг упала. Чарльз бросился ей на помощь. Приподнял... Глаза у бедной девушки были закрыты, прежде розоватое лицо побледнело. Черные ресницы казались тонкой преградой между внешностью и израненной душой. Он приложил ухо к груди и услышал частый стук сердца. Эшли споткнулась о выступавший из земли корень и поранила коленку. Падая, почему-то потеряла сознание. Чарльз взял ее на руки и понес к воротам. Цветы, которые она так старательно срезала, ветер разнес по пустой дорожке.

13

Тильда пришла к Эмме после полудня. Кровать в ее спальне все еще не была заправлена, парадное платье лежало на кресле, а цветы в вазе потеряли свежесть. Сама Эмма не спешила одеваться. Просто сидела с распущенными волосами у зеркала, и то ли любовалась своим отражением, то ли сожалела о положении и судьбе.

— Тебе лучше уйти, — сказала Эмма. — Увидимся вечером.

Тильда не шевелилась. Она вытянула руки и лицо ее стало бледным, глаза казались пустыми и холодными.

— Я поговорю с Эшли, обещаю.

Тильда молчала.

— Или говорите, зачем явились или проваливайте!

— Я все сказала, — произнесла Тильда. — И не покину тебя, пока не увижу, что мое поручение исполнено. — Тильда без приглашения опустилась в кресло. Провела рукой по цветам, и от них повеяло свежестью — бутоны стали красочными и поднялись, стебельки выпрямились.

Эмма бросила гребень. Потянулась к серебряному колокольчику, но Тильда взглядом сдвинула его подальше и Эмме пришлось хорошенько побегать за нужной ей вещью по всей комнате. Она носилась по кругу и хватала воздух — колокольчик всегда ускользал от нее.

— Отец твой дурно на тебя влияет и поэтому я приняла решение... К тому же...

— Я останусь в замке, — Эмма вернулась на место. — Мой папа никак на меня не влияет. Я родилась такой! Оставьте меня!

— Нет! Белый камень не просто так выбрал тебя. Седой сомневается, но это не так, девочка.

— Я слышу от вас в сотый раз о своей избранности. И в очередной раз говорю вам, уходите и забирайте свою волшебную силу, я и так могу все получить. — Эмма взяла в руки гребень и начала экспериментировать с волосами. Она подняла одну часть и закрепила шпильками на затылке. Из оставшихся заплела косички и ободком уложила вокруг получившегося пучка.

— Вижу словами тебя не убедить. Помощь нужна не только Эшли, но и многим другим. Я сейчас уйду, но ровно в шесть буду ждать тебя у озера. Я покажу тебе все и может тогда ты

поймешь уникальность своей силы.

— Посмотрим, — Эмма открыла банку с румянами. — В данный момент я опаздываю на встречу с родителями!

— Ты явишься к озеру в шесть. Я уверена, — отрезала Тильда.

— Я подумаю, — Эмма пожала плечами. — Седой старик сказал, что заставить вы меня не сможете. Я сильнее вас. Я отбросила черное облако к стене, когда оно пыталось задушить меня. И я научилась ставить блок!

Тильда сжала кулаки. Встала. Она поднялась к потолку и закружилась в воздухе, как перышко.

— Я запрещаю сходить с ним!

— Не слушай ее, девочка! Помни о десяти днях! — седой старик материализовался из воздуха. Тильда опустилась на пол. Эмма захлопала в ладоши. Она позабыла о гребне и серебряном колокольчике. Она опаздывала, но ей дела не было до прихотей Тильды.

— Она умеет плести интриги. И язык ее подвешен.

— Это он плетет интриги!

Тильда открыла портал.

— И мешает мне осуществить великий план!

— Безумная! Их не исправить!

— Это ты безумен!

Тильда вошла в портал и свечение поглотило ее.

— У вас симпатичная шляпка, — сделала комплемент старику Эмма.

— Не сейчас, девочка, — попросил седой. — Я позову тебя, как только будет возможно.

— Хорошо, я умею ждать.

Седой исчез следом за Тильдой, а дверь спальни резко открылась. В комнату, по велению мадам Эдмон, влетели служанки с полотенцем, платьем и туфельками.

— Все ждут!

— Скорее!

— Мадам Эдмон!

Но это была не мадам Эдмон. На пороге стоял Чарльз с бесчувственной Эшли на руках. Эмма прогнала всех служанок.

— Через час! — крикнула она и хлопнула дверь. — Скорее. Сюда! — Эмма сбросила на пол лишние одеяла, подушки. Чарльз уложил Эшли на кровать. Девушка все еще не приходила в сознание. Эмма смотрела в нежные глаза «подруги» и мысленно просила у нее прощение.

— Что с ней?

— Споткнулась и упала. Видимо на солнце перегрелась. Она собирала цветы...

— У нее рана на коленке. Думаю, стоит позвать помощь. Беги скорее, я посижу с Эшли.

— Эм, я хотел спросить, ты подумала?..

— Да, Чарльз, подумала. Поговорим позднее, сейчас нужно привести в чувство Эшли. И служанкам моим скажи, пусть убираются из приемной до вечера...

— Эм!

— Нет времени спорить. Иди уже!

Чарльз вышел из комнаты и хлопнул дверью. Эмма приложила обе руки к ранкам Эшли и на ходу вспоминала то, чему учила ее Тильда. Спасительное тепло не шло. Эмма и нашептывала заклинания, и силой пыталась выдавить энергию...

— И зачем волшебство, если когда нужно, оно не работает! — крикнула она вслух, чтобы Тильда услышала ее голос в самом далеком уголке своего домика с голубой крышей.

Затем Эмма опустилась на коленки и сосредоточилась. Сила пришла внезапно. В голове звенело, в висках стучала боль. Спасительное тепло рекой потекло от ладоней. Эмма закрыла глаза. Маленькая Эшли ютилась на мешке с сеном в сарае с дырявыми стенами. Дул ветер и Эшли пыталась согреться. Одежда у нее не было. Эшли сжалась в маленький комочек и было слышно, как дрожат маленькие зубки, а пар изо рта согревает ледяные ручки. Эмма открыла глаза и увидела пришедшую в себя «подругу». Она притянула ее к себе и обняла. Эшли смотрела на Ее милость и не могла понять, что же случилось. Вернулся Чарльз с лекарем. Усатый мужчина принес складной чемодан. Он не дождался распоряжений Эммы и открыл его. На стол выложил инструменты.

— Эшли пришла в себя минуту назад, — сообщила Эмма. — А нам лучше выйти. Пусть господин лекарь делает свою работу. Эмма подпустила личного врача отца к кровати и что-то нашептала ему в ухо. Лекарь едва не упал, покачал головой в рогатой шапке и велел зайти через некоторое время.

— Что ты ему сказала? — спросил Чарльз, когда Эмма вошла в гардеробную.

— Не важно, — Эмма посмотрела на обилие цветных платьев из шелка и бархата и упала на пуфик. — Этим всегда занимались мои служанки. Что ж, попробую сама. Или нет, Чарли, сходи и позови кого-нибудь! Выбор наряда слишком сложное занятие.

— Как прикажете, Ваша Милость, — Чарльз отвесил низкий поклон.

— Чарли, ты обиделся? — Эмма взяла его за руку. — Отец ждет меня. И лучше не злить его. Слушай, пойдем со мной? И мама будет рада тебя видеть.

— Твоему отцу я неприятен. И он всегда смотрит на меня как на врага. Подумаешь, я же краду у верховного правителя драгоценное сокровище!

Эмма засмеялась.

— Поверь, дело не в тебе. Жди у лестницы. Я скоро.

Эмма вытолкнула его в коридор и стала смотреть на свои платья.

14

Отец ждал в саду за накрытым ко второму завтраку столом. По правую руку сидела мама Эммы. У нее было бледное лицо и темные круги под глазами. Казалось, она не спала всю ночь. По левую руку — бабушка Эммы. Как всегда сдержанная и с холодным блеском в зрачках. Эмме стало не по себе. Она вцепилась в руку Чарльза и неторопливо шла по дорожке. Мама и бабушка всегда были далеки от нее, а папа... Нет, и он сегодня не был похож на себя. Выглядел усталым. Пустые черные глаза бездумно смотрели вдаль, а не на сидящих рядом с ним дам. Слуга случайно задел рукав меховой накидки, а он даже не заметил. Его интересовала в глубине сада одна единственная точка, которая иногда сияла ярким золотым светом, иногда краснела, а потом гасла. Эмма обернулась, чтобы понять в чем дело, но увидела только каменистый берег озера.

— Доброго всем дня, — веселым голосом поздоровалась она и присела на свободный стул. Чарльз расположился поблизости.

Правитель Тельман шевельнул скулами. Он заметил дочку и впервые за долгий час улыбнулся. На сына Милтона Джона даже не взглянул. Эвелин сдержанно спросила, как себя чувствует ее дочь после той кошмарной ночи.

— Я чувствую себя великолепно, мама.

Бабушка поинтересовалась самочувствием Эшли и после короткого ответа Эммы

пожелала навестить девушку. Чарльз загрустил. Беседа казалась ему скучной и рутинной. Эмма вежливо отвечала на вопросы родителей. Задавала свои.

— Как успехи в Академии? — вдруг спросил правитель Тельман.

Чарльз выпрямил спину и минуту спустя ответил:

— Стараюсь учиться прилежно, Ваша милость.

— Я слышал о ваших успехах. К тому же я знаю, что при Академии существует театр, где все роли исполняют ученики, ваши друзья, а вы, как и в детстве пишете пьесы и ставите их на сцене. Не мешает ли ваше увлечение обучению и познанию наук?

Чарльз молчал.

— Смотрите, к дате свадьбы моя Эмма окажется умнее вас... — весело пробормотал Тельман и велел слуге принести ему добавку.

— Отец! — вставила свое слово Эмма, но Тиль знаком велел ей сидеть смирно. Эмма с недовольным выражением на лице откинулась на спинку стула. Платье, которое она выбрала, оказалось слишком узким. Еще чуть-чуть и точно по швам разойдется. Времена пышных юбок прошли, неудобство никак не скроешь...

— Нисколько, Ваша милость, — ответил на вопрос правителя Чарльз. — Сочинительство мое увлечение, но оно вряд ли помешает основной миссии. — Он с трудом выговорил последние слова. А так хотелось броситься на колени и просить этого великого человека о помиловании и разрешении заняться реставрацией амфитеатра. Чарльз струсил. Он испугался реакции не только будущего тестя, но и реакции Эммы. Она ни разу не спросила о его нынешних успехах. И на новую постановку в заброшенном амфитеатре не придет. А он будет ждать ее, как ребенок.

— Что ж, очень хорошо, что вы успеваете все, — Тельман вытер руки салфеткой, которую потом небрежно бросил на стол. — Отец вам уже сказал, что через месяц мы назначим вас на должность. Допустим, в казначейство. Но я еще буду думать. Также я люблю развлечения. Вам, как я знаю, поручена организация праздничного вечера в последний день экзамена?

— Да. Мы уже начали репетировать.

— Тогда ждите гостей. Я намерен с семьей посетить ваш спектакль. — Правитель Тельман выбрался из-за стола, подошел к Чарльзу и похлопал его по плечу. Чарльз не понял, как расценить реакцию отца его невесты. Он успел заметить только радужный блеск в глазах Эммы, которая дружески пожала ему руку, не стесняясь матери и бабушки. Эвелин с презрением бросила свою салфетку в тарелку и поспешила покинуть сад. К ней пошел господин Жуан и взглядом указал на дорожку к озеру. Эвелин слегка наклонила голову и дала понять, что он может ждать в назначенном месте.

15

Жуан прогуливался у озера. Он был один, шагал справа-налево, вперед-назад, рассматривал зеленые верхушки деревьев. Листья шелестели, и господин Жуан улавливал в этих природных звуках некую, едва различимую на слух мелодию.

Эвелин торопливо свернула с главной аллеи на боковую. Рукой в кружевной перчатке придерживала шляпу. Цветная накидка болталась на ветру. Ноги у нее подгибались. Она бежала по каменным булыжникам и без конца оглядывалась назад в опасении слезки. Жуан все также стоял на каменистом берегу и любовался лебедями, как они поднимают крылья и пощипывают друг другу перышки. Брызги летели во все стороны. И странный звук... Как будто листья не просто шептали мелодию, а пели.

Эвелин минуту выждала, а потом быстро заговорила.

— Опасно встречаться в столь безлюдных местах. Тиль подозревает, — она вцепилась в запястье Жуана и стала рассматривала его правое ухо. Ей почудилось, что мочка черная и шевелится... То ли от ветра, то ли она дергается от волнения, которое ему никак не скрыть.

— Вы все правильно сделали, Ваша милость. Верховный правитель занервничал, а это самое главное, — Жуан потер вспотевшие ладони. — Занервничал и Милтон Джон. Аббат получил одно письмецо...

— Я уже жалею, что ввязалась в вашу авантюру!

— Понимаю, Ваша милость. Но также смело могу заверить, что лично вам нечего бояться.

Жуан взял ее руки и поцеловал каждый палец в кружевной перчатке. Лицо Эвелин залил красный багрянец.

— Это вам нечего бояться, сэръ! Я сейчас могу изображать, что жду наследника, а что будет через три месяца, когда нужно не только говорить о беременности, но и показывать округлившийся живот!

— Через три месяца ваш муж, уже не будет правителем, Ваша милость, поэтому я еще раз спрашиваю, вы со мной или нет?

— Да, с вами, — ответила Эвелин. — Но знайте, мое внутреннее «я» сопротивляется, не и верит вам. Только вам я могу признаться, как ненавижу его, его отца и его мать! Они сломали мою жизнь, когда заманили в свой замок! Да, именно заманили!

— Вы сказали Тилю о беременности?

— Да, утром, перед завтраком. Я заметила волнение у него в глазах и на губах, хотя он пытался скрыть его.

— Он оттаял по отношению к вам?

— Нет, когда я ждала Эмму, он тоже был холоден, но после ее появления на свет все изменилось. Знаете, я уже сама уверена, что жду ребенка. Прошло всего несколько часов, а я готова жить, потому что во мне зародилась новая жизнь. Так что же вы задумали? Мне кажется, вам стоит довериться мне.

— Всеу свое время, Ваша милость, — Жуан вновь поцеловал ее руки. Все десять пальцев дрожали. — Следующую встречу я назначу на ближайшем сборе. Будьте готовы.

Жуан моргнул правым глазом. Он отошел от нее на пару метров, а она почувствовала свое одиночество. Она согласилась поддерживать этого человека уже больше не из мести мужу, свекрови, а потому что он единственный понял ее горе, ее отчужденность, ее проблемы. Она обзывала его безумцем, когда он уговаривал солгать. Долго отказывалась, а потом он поцеловал ее. Эвелин вырывалась, а он вдруг прижал к бордовой груди и не думал отпускать. Поцелуй настолько отличался от холодных обязательных прикосновений мужа, что Эвелин сдалась. Она поверила некому господину Жуану и обещала помогать. Во всем.

— Ты пришла, — сказала Тильда. — Я знала, что ты придешь.

— Решила в последнюю минуту, — Эмма присела на белый камень и вытянула ноги. Она была босая, без шляпы и перчаток. Столь важные вещи унес ветер, когда она гуляла с Чарльзом. Или она мысленно приказала унести их служанкам? — Мне нужно найти лавку портного, где была сделана вышивка. Вот эта. — Эмма показала наставнице вещицу леди Энн.

Тильда хмыкнула.

— Тебе это зачем? Девушка пропала. Сбежала из замка... Одна из свиты. Тень.

— Эшли говорит, ее видели рядом со мной у озера. А я с ней не встречалась. Насколько помню, мы путешествовали в ту ночь в саду. И из свиты я ее не выгоняла. А аббат уже шепчет отцу в уши, что я связана с этой пропажей. И ведьмой из деревни!

— Совсем стыд потерял... Его милость верит?

— Папа велел аббату заткнуться. Но мне покоя не дает эта вышивка. Шляпку подарил леди Энн папа. А теперь точно такую же носит леди Алисия. Новая папина подружка...

— И что?

Тильда провела рукой и фиалковое платье, усеянное оборками и дорогим кружевом, превратилось в алое. Приталенное. С воздушной юбкой-колоколом. С узорчатыми ленточками на поясе и рукавах. На ногах появились удобные туфли, а в руки приземлился материализовавшийся из воздуха деревянный лоток с цветами. Яркий бутон с заостренными листиками украсил и аккуратный пучок в волосах Эммы. Затем Тильда провела рукой перед собой. Ее платье с голубой оборкой превратилось в аналогичный наряд цветочницы. Эмма поставила лоток на землю.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Пока ты не объяснишь в чем дело, я никуда не пойду! — капризно заявила она.

— Мы идем в город, моя дорогая. Прости, но лишние свидетели в лице твоего отца или гвардейцев нам ни к чему. Я решила, что образы цветочниц в самый раз. Мы можем быть везде, на рынке, на площади, на улицах для нищих и в кварталах для богатых.

Эмма засмеялась. Ее смех был больше похож на истерический хохот.

— Прости, Тильда, но я в этом не участвую. Меня ждет Чарли. — Она встала с камня. — Портной и папа.

— Стой! — крикнула Тильда. — Боишься узнать правду? Ведь так? — она протянула руку Эмме.

— Да! Отец дает мне все, но я чувствую, что вот уже скоро придет время, когда он оставит меня. Я разговаривала сегодня с Милтоном Джоном. Два года всю мою образовательную подготовку я воспринимала как игру, как способность угодить папе и только. — Эмма вернулась на камень. — Утром Чарльз заговорил о театре. И я вспомнила, как хорошо нам было в детстве, когда мы репетировали его пьесы и развлекали гостей в амфитеатре. А какие потом были аплодисменты. А как радовался и гордился мной отец. Это были лучшие моменты. Он никогда так искренне не улыбался. А потом Милтон Джон добился разрешения на свадьбу! Представляешь, нашу судьбу с Чарли решил совет из двадцати седых стариков! Каждый поднимал палец вверх или опускал вниз. И все

изменилось. В услужение взяли новых преподавателей, даже по военной стратегии. А я слушаю их и смотрю на птиц в саду, ничего не понимаю и не различаю смысла. Чарльза отправили в Академию. Театр и детские забавы умерли во мне. А Чарльз выстоял и все еще верен своим желаниям!

Эмма заплакала и уже не сдерживала чувства и слезы.

— Ну все, девочка, — Тильда прижала ее к себе. — Пошли. Потом решишь, что тебе нужно.

Тильда привела Эмму на площадь. День клонился к закату, а на улицах все еще был народ. Эмма впервые видела всех настолько близко. И состоятельных, они выделялись в толпе нарядной одеждой, и обычных торговцев, и простой люд. Каждый улыбался и был весел, каждый показывал, насколько прекрасно просто жить, и неважно где, в роскошных покоях или в тесном, но уютном домике.

Они ходили по улицам, переулкам. На деревянных прилавках продавали сырое мясо, рыбу, овощи. Торговцы в заляпанных засохшей кровью передниках завлекали. Бурно кричали. Топтались в вязкой грязи под ногами. Эмма никогда раньше не видела столько пыли, песка, который ложился на окна выходящих на рыночную площадь домов. Иногда к мутному стеклу прикладывалось бледное лицо и сердце Эммы волнительно стучало... Потом звон и боль в висках. Она уже начала привыкать, почти не замечала, но здесь, где концентрировались обделенные люди, голова болела и очень сильно.

Вот горбатая старушка, закутанная в черный платок, сидит на каменистых булыжниках и ждет медняк. Эмма бросила ей бутон. Вот монах, толстый и в подпоясанной веревкой тунике, медленно переставляя ноги, бредет в трактир. А там, разряженные девицы и полураздетые мужчины... Пенистые напитки рекой текут по усам, заливаются за воротник. Громкий смех и звон сережки в ухе у одного из гостей делает звон в голове еще невыносимее. Молодой человек в котелке метет во дворе, дети держатся за ручки и водят хоровод. А в том домике, на углу, в сереньком окошке, потухла лампадка. Потом головка в чепчике прислонилась к раме. Отпечаток маленькой ладошки на стекле и текущая по закопченной щечке слеза.

Эмма съежилась. Тильда подала ей руку, и она удержалась на ногах.

Вот гвардеец в серебряном плаще подгоняет палкой женщину с осунувшимся лицом. Она худенькая, терпеливо бредет куда показывают, платье у нее рваное. Ручки грязные. Эмма бросила ей бутон... Женщина подняла глаза и хотела поймать, но гвардеец ударил палкой по спине и она скорчилась в пояснице.

— Пшла, ведьма!

Сердце Эммы вновь съежилось от боли. Она тихо спросила у людей, толпившихся неподалеку, почему все молчат и смотрят.

— Господин аббат всех в черных силах подозревает, — гаркнула старуха и отвернулась.

— Идем, Эмма, — велела Тильда. — В тот переулок.

— Но...

— Мы не можем сейчас помочь, ясно?

— Да.

На другой улице, не менее грязной и замусоленной, Эмма увидела, как один паренек в толстой рубахе с заплаткой на плече протянул ей жалкий медняк. Он желал купить цветок для молодой девушки, которая ждала на другой стороне. Эмма неуверенно протянула три

бутона вместо одного и денег не взяла.

— Спасибо, — воскликнул довольный юноша и они с девушкой скрылись в соседнем переулке.

— Он сказал мне спасибо! — тихо пробормотала растроганная Эмма.

— Никогда не поздно этому научиться.

На центральной улице чернели столбы с прибитыми толстыми гвоздями листками. На рисунках были изображены горцы. Почти все держали натянутый в сторону столицы империи лук. А правее, в небольшой палатке, сидел наместник и записывал всех желающих в поход с правителем.

— Три медняка в день! Три! — кричал в рожок кучерявый парнишка и заманивал в палатку всех проходивших мимо молодых юношей. Кто-то отмахивался, тогда его гнали силой, кто-то заходил добровольно. Если парень был с девушкой, девушка падала на колени и начинала рыдать. Одной из девиц Эмма бросила бутон.

Девушка подняла мокрые от слез ресницы и взглядом велела ей убираться. И подальше. В голове сразу застучало. Виски заныли от боли.

— Идем туда, — Тильда увела Эмму в переулок. Здесь, среди домов с почерневшими от копоти стенами, было трудно дышать. Боль... И нарушенное дыхание... Тильда оглянулась... Никого не было поблизости. Махнула рукой и открыла портал. Вдвоем они вышли в районе порта.

Десять лодок со спущенными парусами были пришвартованы к деревянному причалу. Моряки натирали полы, торговцы сдавали груз. Пахло чем-то сырым и не съедобным. Туман ложился на мутноватую воду. Эмма отказывалась идти, но Тильда упрямо вела ее мимо мужчин в полосатых шапках. Их не интересовали цветы, они горланили во всю силу голоса, моргали заплаканными глазами, из беззубых ртов валил дым, руки тянулись к недоступному.

— Какая же ми... илашка!

— Красо. отуля!

— Симпотяжка!

— Бросай цветочки, дорогуша! Ух, ты!

Один успел коснуться плеча Эммы. Эмма увернулась как от проказы и смахнула невидимую грязь и пыль. В конце портового переулочка вросли в землю деревянные домики с нематыми стеклами. Покосившиеся. И здесь суетился люд, были торговцы, были и казначеи. Они собирали плату и другие сборы. Платили все — и толстые владельцы речных судов и горбатые фермеры, которым нужно было перевезти вязанку дров.

Один казначей в большой шляпе, размахивая гусиным пером и проверяя написанное на надежность, сунул пару монет в карман, а после подложил в стопку другой листок. Владелец судна пожал ему руку...

— Он грабит папу! — воскликнула Эмма.

Тильда засмеялась.

— От отца твоего не убудет, идем.

— И он!

— Эмма, быстрее. Скоро сумерки, а мы еще не были на главной площади!

Эмма подчинилась. Тильда привела ее на новую улицу. Менее людную. Целый ряд одинаковых домиков тянулся по ней. Тильда иногда останавливалась и глядела в покосившиеся рамы окон. Стояла около минуты, а потом шла дальше. Навстречу попадались разные люди, и вельможи, и торговцы, и нищие с подбитыми глазами и смуглыми,

искаженными лицами. При встрече с последними Эмма сторонилась и отходила, но Тильда уверенным шагом тащила ее к прокаженным. Город престал перед девочкой в другом свете — пустым, одиноким и безжалостным. Рядом пролетела статная женщина с плетеными корзинами. Внутри нежился аппетитный хлеб. С поджаристой корочкой. Люди бросали ей в ладошку медяк, а она взамен им хорошенько пропеченную булочку или присыпанную пудрой. Эмма сунула ручку в корзинку, пока женщина отвлеклась, но Тильда одернула ее:

— Идем туда!

И повела к двухэтажному зданию на другой стороне дороги. Эмма бежала за наставницей и без конца оглядывалась. Женщина с хлебом не спешила уходить. И запах из корзин манил ее, соблазнял вернуться и взять...

— Тильда, ну можно я обменяю бутончик на булочку, пожалуйста? Тильда!

Тильда оставалась непреклонной.

— Смотри туда...

Эмма повернулась и воскликнула:

— О! Как же чудно играет тот скрипач! — О хлебе и корзинах она мгновенно позабыла. — Так чувственно и проникновенно! Можно подойти ближе?

— Иди уже, — только и ответила Тильда.

Эмма в три шага оказалась у кареглазого юноши. Рядом с ним сидела миленькая девчушка. Белокурая, в грязной сиреневой вязаной шапочке, в сером платьишке с желтым передником. В руках она держала коричневый бидончик, уже частично наполненный медными монетами. Девочка молчала и смотрела на пробежавших мимо торговцев жалобными глазенками.

— Привет, — поздоровалась Эмма. Скрипач тут же перестал играть, а девочка почему-то заплакала.

— Уходите, — попросил он. — У нас нет денег покупать цветы. И не к чему они нам.

— Хочу тот цветок, — жалобно произнесла девочка и потянула ладошку к лотку. Эмма опустилась на колени, вытащила самый большой и свежий бутон и отдала малышке. Грязные пальчики вцепились в алые лепестки, а стебелек девочка прижала к груди.

— Мартина! — воскликнул скрипач. — Положи! Вы портите мою сестру, я ей всегда говорю, чтобы она слушалась. Мартина, верни!

Эмма поднялась. Тильда с дороги наблюдала за воспитанницей. Она готовилась вмешаться в любую минуту, но пока все шло хорошо.

— Пусть оставит себе, — сказала Эмма и удивилась. Она вдруг вспомнила свою последнюю прогулку с родителями. На улицах собирались поглазеть и горожане, и приезжие фермеры из ближних деревень. Все стояли и любовались золочеными носилками. Их несли по мощеной булыжником дороге плечистые слуги. Ни улыбки, ни криков. Толпа замороженными глазами смотрела на своего правителя и чего-то ждала от него. Нет, были и активисты. Они выкрикивали грубые и невзрачные слова. Отец всегда просил не обращать внимания, Эмма и не обращала, а сейчас смысл тех слов до нее доходил. Они не были такими уж грубыми и кощунственными, это были крик о помощи заблудших душ, которые хотели донести свою правду. Гвардейцы в серебряных плащах, не разбирая, кто выкрикивал, связывали руки всем, на кого падал взгляд главного в отряде. Были минуты, когда слуги останавливали носилки. Отец приподнимал шторку и выбрасывал медняки. В толпе начиналась суета и давка, каждый торопился ухватить как можно больше. Эмма видела десятки прокаженных пальцев, кривых, израненных. Все они тянулись к небу и ловили

жалкие монеты, летящие им под ноги. Кто-то не стеснялся ковыряться в грязи, лишь бы достать. Эмма корчилась от смеха и хлопала в ладошки. Ей было очень весело. Отец тоже смеялся. Случались и такие дни, когда улицы были совсем пусты. Эмма спрашивала у папы, где все, он с радушной улыбкой на губах брал ее руку в свою и говорил, что на площади он будет читать речь. Для специально приглашенных. А как только они вернутся в замок, людей снова выпустят из переулков.

Вдруг Эмма заметила у девочки синяки и ссадины. И у скрипача, хотя у него было их меньше.

— Что это? — спросила Эмма.

— Мать каждый вечер избивает. Синяки не сходят. Мы целый день сидим на жаре, я играю, а Мартина ловит медянки. Наступает вечер, затем сумерки и ночь, нужно идти домой, улицы пустеют, лавки закрываются. Я беру за руку сестренку. И веду домой. Мы идем по центральной улице и заглядываем в окна богатых домов. Семьи собираются за накрытым столом. Отцы целуют дочерей и сыновей, а матери разбирают теплые постели. Мартина еще ничего не понимает, она просто идет за братом, а я знаю, что иду к себе домой, где меня ждет злая мамаша и требует отдать все медняки. Иногда у меня получается прятать самые гроши и в конце года я покупаю Мартине подарок, вот эту шапочку или цветок, который очень быстро увянет. Но Мартина счастлива, она любит цветы.

— Позвольте, — Эмма взяла руку музыканта, сжала ладошку Мартины и закрыла глаза. Она мысленно просила поддержки у Тильды. Тильда для начала проверила — нет ли кого по близости... Серебряных плащей... Горожан... Улица постепенно меркла в сумерках. Тогда она подняла голову и направила свою энергию воспитаннице.

— Кто вы? — испуганно спросил скрипач, осматривая свои руки, от которых шел дым, и тело маленькой Мартины. Он был удивлен. Быстро убрал свой инструмент в мешок, схватил сестру и, не оглядываясь, потащился прочь из переулка. Эмма только и глядела на худенькие плечи малышки в шапочке. В спешке девочка уронила подаренный бутон. Мартина хотела вернуться и поднять, но скрипач не позволил. Эмма желала, чтобы брат с сестрой перестали бояться и рассказали еще что-нибудь.

— Я только хотела помочь, — прошептала она.

— Мальчик просто испугался. Идем дальше, почти стемнело, а нам еще нужно кое с кем переговорить.

— Неужели папа настолько слеп! Он же каждый день проезжает по этой улице.

— Нет, Эмма. Отец... Это твой отец. Мы же, обитатели сада, позволяем людям верить в нас, тогда и нам проще. Им не обязательно знать правду, они могут просто гадать и догадываться. Но я уверена, скрипач еще никому не рассказывал то, что поведал тебе. Он задумается и будет искать возможности изменить свою жизнь, а не просто мечтать, заглядывая в чужие окна.

— Ты говоришь загадками, — Эмма наклонилась заправить выпавший в подоле платья клочок ткани, а на улицу высыпал люд. Многие галдели, смотрели вдаль, откуда звучал рожок, извещающий о визите правителя. Потом гвардейцы в серебряных плащах и с горящими факелами заполнили дорогу. Так быстро и так резко. Люди не успели опомниться, а их уже согнали в одну кучу. Сильная рука одного из стражников посмела вывернуть плечо Эммы. Она хотела возмущаться, но Тильда запретила ей выдавать себя. Лоток с цветами упал. Десяток согнанных в тесный переулок людей затоптали свежие бутоны и изодрали башмачками свежие лепестки.

Где-то рядом вели под конвоем женщину в платье с голубой оборкой. Эмма вскрикнула. Тильда велела молчать.

— Дорогу, — кричали гвардейцы. — Дорогу Его милости.

Эмма увидела носилки отца. Слуги несли их на мускулистых плечах по очищенной от люда улице. Шторка была опущена, кто ехал с ним в столь поздний час, было сложно рассмотреть, к тому же четыре гвардейца с неопишуемой гордостью несли службу своему господину и не подпускали никого. Потом шторку подняли. И тут же опустили. Подняли в тот момент, когда носилки поравнялись с конвоем. Руки женщины были закованы в тяжелые цепи. Они ужасно звенели, царапали булыжники. Кто-то в толпе всхлипнул. Кто-то закричал. Зарыдал босой ребенок. И женщина еле шла, обессиленная, на гнущихся к земле ногах. Конвой подгонял ее, и а из угла кричали:

— Ведьма! Ведьма!

Из толстой косы волоком тащилась по камням разодранная лента. Сама арестованная не смотрела ни на кого. Глаза ее были пустыми, холодными. Под правым кровоподтек...

И вот носилки отца пронесли совсем рядом. Эмма, стоявшая в первой линейке, попыталась прорваться к дороге. Она пожелала говорить с папой и немедленно. Но гвардейцы грубо оттолкнули и не пустили к кортежу. Эмма упала, разбила коленку и показала кулак тому, кто посмел обидеть ее. Гвардеец рассмеялся и показал палку. Тильда не вмешивалась, словно ждала растущей ненависти у воспитанницы к любимому папочке. Что чувствовала эта девочка, она знала, Эмма не могла скрыть от нее ни одной мысли, ни одной думы. Душа ее словно растворилась в душе Тильды. Более всего на свете она желала, чтобы отец Эммы понял, как это терять родного ребенка, когда у тебя его забирают силой. Тильда прогнала прочь плохие мысли. Седой мог бы и раньше наказать ее и пригрозить правилами, если бы она так поступила. Но сейчас Тильда решилась. Эмма поможет не только отомстить ей. Она смотрела на шторку и знала, что глаза Тиля видят ее глаза. Тильда чувствовала, как лицо правителя бледнеет, она видела, как он достает шелковый платок и протирает им пот. Рыжая девица в шляпке с розовой лентой, что сидит рядом, любезничает с ним, страха и волнения на морщинистом лице не замечает. А потом видение пропало. Носилки растворились в темноте. Гвардейцы выпустили людей из переулка. Тильда не использовала волшебство или магию. Правитель Тельман сам хотел найти эти глаза и нашел их.

Тильда, прежде чем уйти через портал в свой сад назначила новую встречу.

— Ходить по улицам и искать несчастливые души нужно будет каждый день.

Она взмахнула рукой... Эмма вдруг вспомнила, как была одета жена рыбка... В заплатанное платье с передником. Сероватое, под цвет чешуи. Именно в него и превратился наряд цветочницы. А лента в волосах в не очень чистый чепец. И уже по желанию самой Эммы.

— Что ты задумала? — забеспокоилась Тильда.

— Повеселиться, — поспешила успокоить наставницу Эмма и по дорожке отправилась к замку. На левую ногу она прихрамывала. Эмма нарочно не стала лечить коленку. Она страстно желала наказать толкнувшего ее гвардейца. Тильда советовала простить бедолагу, но Эмма нахмурилась и топнула здоровой ножкой.

— Нет!

Как только первые двери ее комнат распахнулись, и она вошла в приемную, девушки-служанки тут же вскочили со своих мест и предстали перед ней. На Эмме было платье жены рыбака, но она с величавой осанкой и не бывалой гордостью пронеслась мимо них в свою спальню.

В спальне кто-то ждал ее. При чем в полной темноте. Эмма улавливала чье-то присутствие. И слышала дыхание. Частый вдох и редкий выдох. Эшли? Подумала было Эмма, но быстро отмела эту мысль. Чарльз? Нет, странноватый поступок для романтика — сочинителя пьес. Седой старик? Эмма напряглась... Створка балконной двери почти приоткрыта... Вдалеке, на противоположной половине замка, сияли свечным светом большие окна. И ветер доносил с улицы громкий смех и музыку. Гости пировали, впрочем, так было каждый день. Повод для веселья отец придумывал утром, а к ночи, когда все было готово, свиту не приходилось долго собирать и уговаривать, новости об очередном празднике разлетались среди знатных людей мгновенно.

Скрипнула балконная дверь. Эмма остановилась. Прислушалась. Вспыхнувшая свеча осветила сутулое лицо мадам Эдмон. Мадам Эдмон увидела свою подопечную и захлопала в ладоши.

— Ну вот, вернулась, и на кого похожа! — верная нянюшка подошла к дочке правителя и осмотрела с ног до головы. На потерявшейся Эмме, которую в течение многих часов искали под каждым кустом в парке, было странное платье. В нем она вряд ли прошла бы через главные ворота. Мадам Эдмон взяла на заметку, что у маленькой проказницы есть свои способы выходить и входить на территорию замка, когда вздумается. Волосы у нее были растрепаны, руки и ноги грязными от прилипшего к ним песка, а ногти! Когда мадам Эдмон увидела их, то ее всю передернуло от злости и нетерпимости. Она рассчитывала собрать Эмму на праздник к половине девятого, как и было обещано Его милости, а тут работы на полдня. Времени ругать провинившуюся не было, мадам Эдмон громко хлопнула в ладоши еще раз и дверь отворилась. В спальню, как мухи, влетели служанки.

— Эшли отдыхает, днем пожаловалась на головную боль, — доложила мадам Эдмон. — Марта, беги в покои Ее милости и зови подмогу. К половине девятого это чудо-юдо должно иметь прежний вид, и не забудь передать господину Дюре, что та, кого искали с пяти часов,

посмела, наконец, явиться сама.

— Да, конечно, — Марта поклонилась и вышла. Эмма закрыла глаза. Что с ней делали жужжащие над ухом мухи, она не помнила. В тот момент она обдумывала произошедшие с ней события, пусть счастье от ощущения свободы длилось и несколько часов, но она прожила их, как хотела. После того, как мадам Эдмон застучала ее в платье жены рыбака, ее вряд ли куда-то пустят или оставят одну. Возможно, отец прикажет ночевать в ее спальне не только девушкам-служанкам, но и гвардейцам.

Чуть позже из смежной комнаты вышла Эшли. При чем в выходном платье. И почти сразу, как только мадам Эдмон и служанки оставили Эмму одну. И Эмма была рада видеть Эшли здоровой и цветущей. Верная служанка единственная из всей свиты казалась ей искренней.

— Я так рада, Эшли! — воскликнула Эмма и осеклась...

Следом из смежной комнаты вышел Чарльз. Растерянный, помятый, с бумагой и пером. Пальцы у него были выпачканы чернилами. Эмма демонстративно уселась в кресло. К звону в голове и боли в висках добавилась ломота в теле.

Эшли встала у стеночки и шепотом попросила не выдавать мадам Эдмон, а Чарльз присел на коврик и разложил вокруг себя листы с текстом.

— Что это? — спросила Эмма.

— Моя новая пьеса. Я знаю, времени немного, но я успею. Постановка, которую мы уже репетируем, не совсем подходит к приезду Его милости. Это так, баловство. А днем я познакомился с Эшли более тесно...

Эшли в смущении опустила голову.

— И вдохновение явилось ко мне!

— Вдохновение...

— Да... Я отдам Эшли главную роль. Специально переписал акт под нее. Я тут набросал кое-какие пометки. — Чарльз подал один из листков Эшли, а второй взял сам. Он раздвинул мебель, забрался на скамеечку отца, и они стали читать. Эмма с волнением смотрела то на Чарльза, то на Эшли. И эти двое не были похожи на чужих людей, скорее на влюбленных или на тех, кто знает друг о друге все, понимает и принимает такими, каковы они есть. Она позавидовала им. Все слова повисли в воздухе, силуэты расплылись, она вновь увидела картину из детства. Аплодисменты рекой текли по каменным рядам амфитеатра. Душевное счастье и улыбка на губах отца озаряла все вокруг. Он сидел на почетном месте и хлопал громче и энергичнее своей свиты.

— Ну как? — спросил Чарльз.

— Впечатляет, — сказала она ему. — Но ты обязан все переписать, — упрямо заявила Эмма.

— Ты же говорила, что мои пьесы гениальны, или...

— Гениальны по идее, сюжету, композиции, но некоторые образы требуют доработки... Ты показал тень и не тень слишком однозначными, я не ставлю в пример, сам знаешь кого, но... возможно твои героини заложники своих судеб? Ты никогда об этом не задумывался?

— Ясно, — Чарльз соскочил со скамейки и быстро собрал все свои бумаги в кучу.

— Ты никогда не верила в меня!

Эшли отступила в темный угол. На мгновение на лице ее блеснула не естественная усмешка, ухмылка. Она испугалась мыслей, которые бушевали в голове и двинулась к спасительной стеночке.

— Чарли, стой! — крикнула Эмма.

— Что? — огрызнулся он.

— Я рада, что тебе позволили заниматься театром... В отличии...

Эмма подумала о том, что с одной стороны ее торопит отец с наследованием, с другой — Тильда с даром Белого Камня и помощью обездоленным, с третьей — седой старик, зачем-то пожелавший отобрать у нее силу. А чего хочет она — никто не спросил, никто даже не попытался узнать. Только черное облако. Его присутствие и угрозы заставляли слушать Тильду. Она обещала новый поход к Белому Камню и новый приток силы...

— Все, не будем об этом! Эшли, принесли что-нибудь из своих мазей, я разбила коленку. — Эмма приподняла кружевную юбку платья. Кровь на ссадине уже запеклась, но нога распухла и посинела.

— Сейчас позову лекаря, Ваша милость, — залепетала Эшли. — Даже не представляю, что со всеми нами будет, если рана навредит здоровью Вашей милости... — Эшли отдала листки Чарльзу и бросилась к двери.

— Стой, — остановила ее Эмма. — Ты обучена врачеванию, делай все сама. — У нее пропало желание наказывать непутевого гвардейца. Просто не было сил...

— Как прикажете, — Эшли убежала в свою комнату.

Чарльз присел на ручку кресла.

— Мадам Эдмон говорит, меня искали?

— Да, — ответил Чарльз все еще недовольным голосом. — Тебя искал мой отец, гвардейцы, сам правитель. Ты сорвала важную поездку, правда не знаю куда, папочка не отчитывается. А твой только стоял и слушал. Мне был задан миллион вопросов, Эшли тоже допрашивали, бедная, не знаю, как она пережила. Подчиненные господина Дюре не самые вежливые. Потом одна служанка сообщила, что видела тебя у озера в парке с женщиной в платье с голубой оборкой. Ты бы знала, как помутнел взгляд правителя. Он побледнел. Затем приказал моему отцу собрать гвардейцев и велел найти тебя к его возвращению. На праздник доставить нарядной и причесанной. Ответственным назначили моего папочку. Правитель грозился всех бросить в темницу и избить, если тебя не найдут в срок.

— Да, здорово гвардейцы выполняли приказ. Если один из них так толкнул меня, что я упала и поранила коленку. — Эмма снова подняла юбку платья. — Думаешь, папа накажет меня?

Вернулась Эшли с крохотной коробочкой из дерева. Внутри лежали бинты и небольшие склянки с настойками. В комнате странно запахло, когда она открыла одну из баночек, смочила бинт, присела подле Эммы и приложила примочку к разбитому колену. Ранка защипала так, что вышли слезы из глаз. Эмма всхлипнула и пожалела, что не позволила волшебным силам вмешаться в исцеление.

— Потерпите, Ваша милость, — сказала Эшли и сняла бинт.

— Я жду ответ, — Эмма напомнила Чарльзу о своем вопросе.

— Не знаю, Эм. Тебе уж точно наказание не грозит. Все слуги уже получили выговор накануне, так что ты пойдешь на праздник, твой отец увидит тебя целой и невредимой и обо всем забудет. Кстати, а где ты была? Не хочешь говорить папочкам, не говори, но я бы хотел знать.

— Мой друг ревнует ту, кому посулили ему в жены? — спросила Эмма.

Чарльз не ответил.

— Пойду, пожалуй, пройду. А потом сяду за переделку отрывка. Надеюсь, ты

позволишь Эшли репетировать у меня в Академии с остальными актерами?

— Конечно.

— Кстати! — воскликнул Чарльз.

Эшли закончила лечить колено, поднялась с коврика и убрала остатки чистых бинтов обратно в коробку.

— Маман твоя ждет ребенка. В замке неразбериха. Кто-то говорит, что все это слухи, другие уверяют, что информация самая надежная.

— Врешь! — крикнула Эмма. Вытащила из-за спины подушку и бросила в Чарльза, но он успел скрыться за дверью в смежной комнате Эшли.

Эмма вздохнула и глянула на потолок. В воздухе не летала Тильда, и не глядел из темноты горящим взглядом седой старик, учитель-картографист, не душило мохнатыми щупальцами черное облако. Вдруг стало так тяжело, что захотелось сорвать с себя нарядное платье, выбросить все украшения, выгнать Эшли, забраться в постель и крепко уснуть. Утром проснуться пятилетней. После завтрака пришел бы папа и повел бы на прогулку в сад. И у папы в той жизни, о которой мечтала Эмма, не было жены. И он вряд ли смог бы иметь вторую любимую дочку или первого любимого сына...

19

В ту ночь лил дождь. Ливнем. Эмма видела папу. Он нес сверток в мешке. Мотыгу. Ноги его проваливались в грязи, тонули. Он весь вымок. Но не обращал внимания на холод, месиво, слякоть. Он был в парке. Где конкретно — Эмма не могла понять. Деревья — вроде те, что она видела каждый день. А вроде и не те. И что папа забыл на черном холмике? Вот он наклонился, бросил в выкопанную ямку сверток и стал стучать мотыгой. Так громко, так сильно и пронзительно, что в висках звенело даже во сне. Эмма вздрогнула и проснулась.

Было холодно. И очень темно. Ветер раскачивал створку окна. Опять лил дождь и черные тени от веток прыгали по мозаичному стеклу. Потом птица... Большая. Развернула веером крылья и стала биться острым клювом в запертую решетку. Срывать засов. Эмма съежилась в комок и пожелала, чтобы поскорее наступил рассвет, и крадущаяся по каменным плитам темнота перестала пугать.

Но седой старик помешал осуществить желание. Он появился в ее спальне внезапно. Конусообразная шляпа слетела с его головы и упала на скамеечку папы.

— Правила, девочка, — быстро запричитал он.

Эмма засмеялась. Теперь ей было не страшно. А весело. Она хотела прыгать на кровати и радоваться. Чернота в присутствии седого казалась пустяком, к тому же она избежала наказания за дневные проделки. Папа не явился на праздник, он заночевал в замке у рыжей леди, так говорили мамины дамы, а еще посматривали, как мама кокетничает с господином в бордовом плаще, улыбались и снова начинали шептаться по углам.

— Ваша милость! Кружевная юбка бесподобна!

Эмма лишь смогла улыбнуться.

— Не будешь соблюдать правила, девочка, пострадаешь, как и Тильда.

— А почему Тильда пострадала? — Эмма снова легла в кровать и укрылась одеялом.

Скрипнула дверь смежной комнаты. Седой спрятался за выступ в стене, а в спальню вошла Эшли. Яркий огонек свечи у нее в руке осветил круглое личико. И пепельные волосы стали пышными, обычно они лежали тонкими прядками и только раздражали.

— Ваша милость, — зашептала Эшли. — Вас опять кошмары беспокоят? Так даму в платье с голубой оборкой сожгли вечером... Что же такое?

— Нет, Эшли, иди спать. А если скажешь кому, не пушу в театр к Чарльзу и выдам мадам Эдмон. Ты же соврала ей сегодня!

— Ваша милость! — Эшли повалилась на коленки. — Только не говорите ей ничего. Умоляю!

— Иди к себе и не мешай мне веселиться. У меня бессонная ночь. И утром рано не буди.

— Я поняла, Ваша милость, — Эшли поднялась с пола и исчезла в своей комнате.

— Ловко, — заметил седой и выбрался из укрытия.

— Вы пришли, потому что время настало? — спросила Эмма.

— Да нет, — седой сложил руки за спиной. — Я передумал. Кто-то посторонний проник в наш сад. Тильда права, пусть сила белого камня будет у кого-то из нас. Идем, я кое-что покажу тебе.

Заинтригованная Эмма выбралась из постели. Седой подал ей руку, и она вцепилась в сухую ладонь. Шляпа прыгнула ему на голову и вместе они растворились в воздухе. Эшли, не думавшая идти спать, как было велено, и подглядывавшая сейчас в замочную скважину, перекрестилась, когда увидела вышедшего из-за выступа седого, а потом странное исчезновение и старика, и Эммы. Побледнев, она рухнула на пол и потеряла сознание.

Седой привел Эмму к избушке. Домик утопал в темноте. Здесь был деревянный причал, тянувшийся через реку. Но седой не повел к песчаному берегу. Он хлопнул три раза в ладоши и дверь отворилась. Взглядом зажег свечи на окнах, потом затрещали в жестяной печке дрова и закипела в чугунном котелке вода.

— Как папин, охотничий, только один этаж, — заметила Эмма и оглянулась.

— Один, — подтвердил седой. — Вот книга. Возьми и полистай. Может и увидишь, что.

— Это подвох? — спросила Эмма.

— Нет.

Седой снял с печки котелок.

— Тильда всегда варила в нем еду.

Но Эмма не слышала старика. Она сидела за столом и листала книгу. Страницы были желтыми, старыми, пропитаны чернилами, некоторые с оторванными или загнутыми уголками. Красные пометки сверкали на полях, на каких-то она видела огненные символы, пугалась и скорее переворачивала.

Она снова увидела папу. Только он прятался за стволом дерева. На солнечной поляне, залитой светом. Ярко зеленела трава и кружилась в своем танце девушка-златовласка. А потом начинал лить ледяной стеной дождь, папа, сквозь нечистоты и грязь, пробирался к раскопанной им ямке, стучал мотыгой и проваливался, обессиленный, в самую слякоть. И слякоть душила его, не давала выбраться, тягучая сила тянула вниз, глазами он искал ветку, за которую можно было бы ухватиться, но руки не могли нащупать ничего. И вот ему удалось вылезти... Что-то снизу подтолкнуло его, и он выполз на безопасное место. Потом поднялся. Сапоги его были выпачканы, сам он вымок до нитки, с одежды и волос стекала смешанная с грязью вода. Стройный и могучий стоял он возле ямки. Дождь все еще лил, а папа воткнул мотыгу в рыхлую землю и поднявшийся вихрь согнал черных птиц. Они покружились над головой папы, а после полетели в небо. В лес. Туда, где стоял огромный чан. А над ним высилась сгорбленная женщина с треугольным бледным лицом. В пышной юбке из пяти слоев. Глаза у нее бесцветные, щеки впалые. Коротенькие волосы рыжего цвета торчат и кажутся заледеневшими вихрями. Она помешивает жидкость, от которой исходит свечение и что-то шепчет. И папа слышит этот шепот. Он теряет сознание, когда из когтистой ручки

выпадают лиловые соцветия в виде колокольчиков...

Эмма закрыла книгу. Седой пил из котелка.

— Зачем вы снова показали мне папу в грязи? И даму с клюкой?

— Чтобы не удивлялась, детка. Не сейчас. После.

— Кто вы? Отвечайте!

— Отец Тильды. Ты же знаешь. Живу в саду.

— Почему у вас черные губы?

Седой усмехнулся.

— И у тебя черные. И у Тильды. Посмотри.

Седой вернул котелок на печку. Взглядом погасил огонь и жестом руки придвинул Эмму к зеркалу. И тут она увидела себя. Васильковые глаза казались глубоко впавшими дырками и были угольного цвета, круглые щеки ввалились и пылали черным цветом. Волосы тоже не были золотистыми, кудрявыми. Скорее прямыми и отдавали чернотой.

Она закричала. Выбежала из избушки в лес. Кругом деревья. Листья шептали свою музыку. Эмма бежала к пристани. К деревянной. Оттуда веяло холодом, ветер гнал воду в реке. И она шумела, где-то рядом был водопад. Или ей казалось. Эмма остановилась отдышаться. Она обернулась. Седой не гнался за ней. И зеркало...

— Тильда! Тильда! — крикнула Эмма в черное небо над головой. Там ярко светила луна. Прозрачным диском. И свет этот рассеивался над поляной, над деревьями, чертил дорожку на мутной воде.

Тильда явилась на зов. Эмма подумала о папе, но в данную минуту его ласки и улыбка не спасут от интриг седого.

— Девочка моя! — Тильда обняла ее, а из леса на тропинку вышел седой.

— Зачем ты сделал это? — спросила она у старика.

— Водички горячей попить зашел. Девица сама увязалась за мной. Хотел в лесу ручеек поискать, да в такой холод и промозглый вечерок только кипяток и согреет.

После старик моргнул и растворился в воздухе. Тильда повела Эмму в избушку. Эмма отказывалась заходить, упиралась.

— Нет! Нет! Он черное облако. Он!

— Ну же, девочка, посмотри еще раз в зеркало. Седой внушил тебе. Подготовил.

Эмма замотала головой. Тогда Тильда силой заставила открыть глаза. И Эмма увидела прежнюю себя. С васильковыми глазами и золотистыми волосами. И не знала, как реагировать — радоваться или... Как же она устала от магии и бесполезной суеты, борьбы.

— Ты знаешь, где обитает черное облако? Я хочу выследить его.

— Что ты! Нельзя. Логово его далеко-далеко. В дремучем лесу. И охраняют норку пауки, огромные такие, и прочая нечисть.

— То есть, вы предлагаете просто ждать, когда оно задушит меня, убьет папу?

— Оно не сможет, верь мне, Эмма. Оно просто пугает. Идем в замок. Завтра важный день.

Тильда махнула рукой и открыла портал. В спальне помогла Эмме раздеться и лечь в постель. За окном снова лил дождь. Стучал по булыжникам, и створка окна от ветра скрипела. Тильда села на скамеечку отца и запела. И голос ее, такой же золотой, как ее волосы, заглушал мерзкие звуки и убаюкивал. Эмма закрыла глаза и вдруг поняла, что может заснуть.

— Я здесь, девочка. Всегда была с тобой и буду. Засыпай. Засыпай.

— Я хочу устроить праздник для горожан. Можно закупить игрушек, сладостей и раздать их. Всем желающим!

— Хорошая идея, — пробормотала Тильда, но губы скривила.

И голос ее показался Эмме излишне недовольным. Она загрустила. А Тильда на самом деле сердилась на воспитанницу. За опоздание. Когда Эмма явилась на встречу, она уже поджидала ее в платье цветочницы и сидя на камне.

— Только без волшебства! — воскликнула Эмма. — Я хочу сделать все сама, найду лавку, закажу еду и сама раздам!

— Как дочь правителя?

— Нет, если мои гости встретят за прилавком настоящую Эмму, то расценят идею, как подачку, поэтому мы подберем мне новый образ. Например, я буду сказочной феей. Я уже пригласила портного. К утру мне сошьют наряд... Я еще и платье цветочницы заказала!

— Не нужно было, — Тильда покачала головой. — Ты вызовешь подозрения, дорогая.

— Никто не знает, что он приходил. Даже Эшли. Она репетирует пьесу Чарльза. В замке не спокойно. Пропала еще одна леди. Мама закрылась в комнатах и дамы навещают ее там, а мои выезды отец ограничил и велел сократить часы на занятия в библиотеке. Тильда, у меня появилось свободное время! Знаешь, как здорово быть одной и не ощущать излишнего внимания со стороны служанок. — Эмма сняла свои туфли и спрятала их за камень. Всунула ноги в деревянные башмаки. — Я почти не пользуюсь своей силой...

— Получается?

Эмма покачала головой.

— Когда служанка что-нибудь роняет, я всегда ей помогаю. На инстинкте. Только ты, Тильда, не волнуйся, никто не заметил пока. Меня же саму пугают мои способности. Утром проснулась и поняла, что летаю в воздухе. Я сильно испугалась... И только благодаря страху смогла захотеть приземлиться на мягкие перины.

— Кто-нибудь из твоей свиты верен господину аббату? — резко спросила Тильда и поднялась с камня. Улыбка сошла с ее лица. В глазах померк свет. Тильда подняла руки... И столько гнева скопилось в сжатых пальцах, что Эмма лучшим решением нашла отойти в сторону.

— Не знаю! — воскликнула она. — Если интересно, спрошу у Эшли.

— Аббат — духовник твоего отца. Имеет на Его милость влияние. Всегда помни об этом, девочка.

— Ты хочешь сказать...

— Да, ты правильно подумала, Эмма. Не будешь осторожной, уже завтра тебя поведут по главной улице на привязи! Только! — Тильда хмыкнула и вдруг закружилась в танце. Солнце золотило ее волосы. Ветер надувал колоколом юбку платья с голубой оборкой. — Ты всегда сможешь улизнуть от них. Но... Ладно, после расскажу.

Тильда открыла портал. Эмма подумала, что безопаснее будет выходить в город магически, а не через восточные ворота. Чарльз оказался неправ, когда говорил Эмме, что отец не будет ругать ее. На празднике его не было, но утром он вернулся из поездки и влетел до завтрака в спальню дочери. Эмма никогда его таким не видела. Потерянным и излишне

бледным. Жестом он выгнал Эшли и других служанок, а Эмме велел рассказывать и как можно подробнее, кто та женщина, в компании которой ее видели накануне исчезновения. Эмма соврала, сказала, что видела ее один раз, у озера, когда возвращалась в замок с прогулки.

— Дама подошла ко мне и спросила, как выйти из парка, папа. Я приняла ее за придворную.

Отец покачал головой и велел начать сначала, так как господин аббат поведал, что два гвардейца видели, как Эмма идет к восточным воротам в компании все той же женщины. Эмма не растерялась. Она по-прежнему настаивала на прежней версии, только добавила, что согласилась проводить даму, так как вспомнила, что ей нужно забрать шляпу и перчатки у портного. Отец поспешил напомнить любимой дочке, что для выездов особе ее уровня полагается три пары носилок, десяток слуг и сорок человек сопровождающих, включая гвардейцев.

— Также я попрошу всегда говорить мне об отлучках. Две леди из свиты мамы исчезли бесследно...

Тиль стал смотреть на дочку в надежде, что Эмма сознается и скажет, где найти женщину в платье с голубой оборкой. Но Эмма улыбнулась, потом села в кресло с изогнутой спинкой и вынула из ящичка шляпку с розовой ленточкой. Показала ему.

«Леди Энн от...», — зачитала Эмма глухим голосом и вновь улыбнулась. Тиль побледнел. — Я нашла шляпку в ветках, папа. После побега леди Энн. — Ты дружил с ней? А мама знает?

— Эмма, дочка!

Тиль бросился к той, которая так властно им управляла. Он так легко обманывал советников, врал союзникам, путал им карты, натравливал друг на друга, угнетал фермеров и торговцев, бросал по утрам глупеньких девиц с одинаковыми личиками и стройными фигурками... Но сидящий напротив ребенок. С васильковыми глазенками и мелкими кудряшками, совсем как у нее, той, которая кружилась на поляне в солнечном танце. И музыка серебряной флейты сейчас звучала не на лугу. А здесь, в замке, в тесноватой спальне его ребенка, единственной дочки. И ребенок этот имел власть над ним, бедным стариком. Он посмел оттолкнуть его, помутить сознание да так, что Тиль не смог кричать, как следует, наказать, запереть в комнате...

— Папа! — Эмма поднялась. Длинная юбка ее платья шуршала по каменным плитам. Она шла к двери. А он, бедный Тиль, стоял у стены и наслаждался прекрасными звуками серебряной флейты. Туман затянулся призрачной дымкой. И Эмма сказала:

— Признайся, что слова леди Алисии и аббата для тебя важнее. Почему они не любят меня? Что я им сделала?

Тут Тиль очнулся. Музыка больше не было. Он повертел головой. Мокрой от пота. Окно, пташка в саду. И Эмма у столика с баночками и шкатулками.

— Эмма, дочка, леди Алисия добра к тебе. Папа привез подарки... Леди Алисия желает подружиться с тобой... Смотри.

Тиль щелкнул пальцами, дверь отворилась, и плечистые слуги внесли три сундука. Оставили дары у стены. Эмма брезгливо прошла мимо каждого и, не открывая, велела унести.

На этой фразе Тильда засмеялась и спросила:

— А он? Отец твой?

— Папа выбежал из спальни рассерженный, но вечером явится мириться. Я знаю его. Мы будем играть в ладушки.

— Ты сказала ему, что уходишь?

— Нет, — ответила Эмма, когда портал в начале главной улице за их спинами закрылся. — Без свиты меня бы не выпустили. В приемной, гостиной дежурят гвардейцы, мама приставила к моим дверям еще большее число служанок, а мадам Эдмон спит в кресле в моей спальне. Иногда мне кажется, что все эти люди постоянно слушают, чем же я занимаюсь! Я запретила Чарльзу бывать у меня. Мы видимся на нейтральной территории и при свидетелях.

— Раз так, то будем встречаться в городе. Открывай портал в спальне.

Эмма подозревала, что Тильда сердится и волнуется одновременно. Нет, отцу с его армией и властью никогда не победить их. Как и господину аббату, и главному советнику. Эмма вернулась к своей идее.

— Я выпросила у Эшли адреса двух лавок. В одной продают изысканные сладости и всякие вкусности, другая поставляет в замок поделки из камешков и ракушек. Наш прилавок мы установим в том углу, за фонтаном. Ты поможешь мне? Он должен быть открытым, чтобы люди сразу замечали, что мы не продаем, а раздаем. А еще мне нужно два-три актера, которые бы заманивали гостей уже в том переулке. Ты можешь предложить мальчикам из сада поработать у нас?

— Конечно, — сказала Тильда. — Они будут только рады помочь обладательнице силы Белого Камня.

— Да..., - заметила Эмма. — В мире отца я верховная правительница, у вас — непонятно кто, но с великой миссией не дать проникнуть черному облаку в ваш сад. Кстати, мама ждет ребенка. В замке не родившееся дитя уже провозгласили отцовским наследником. Все уверены, что будет мальчик. А сын всегда имеет преимущество перед дочкой.

— Мама твоя предаст вас, — Тильда усадила Эмму на скамейку. — Не по своей воле.

— Как ты узнала об этом? Расскажи. Я должна предупредить папу...

Тильда задумалась.

— Как узнала, вопрос этот не должен беспокоить тебя отныне. Магия, моя дорогая, все делает волшебство, а я только вижу и говорю, что знаю. Что будет дальше и зачем Ее милости лгать, воля судьбы. Если твой отец захочет, он справится со всеми заговорами и неприятностями. Но ты не посмеешь вмешаться!

Глаза Тильды поникли, губы сложились прямой трубочкой. Она смотрела на небо, к обеду ставшее пасмурным и грязным. На забитые людом улицы, на дорогие носилки богатых господ, и на милое личико воспитанницы, с которой ее свела тайна белого камня.

— Опять обман! — пожаловалась Эмма.

— Не обман, а недомолвка, замечу.

— Хорошо, я выжду время. Но если я вдруг пойму, что папа в опасности, я вмешаюсь. Для меня он всегда будет самым-самым, Тильда. Он вырастил меня, он дарил мне все, что пожелаю, он ночами сидел у моей постели, если я болела, а ты приходила пугать меня во сне.

— Я знаю его лучше твоего, — Эмме показалось, что интонации в голосе Тильды изменились. — И не нужно расхваливать своего любимого папулечку.

— Тебе больно осознавать, что он родной мне, а ты приходящая? Но тебе не понять моего папу, у тебя же нет детей...

— Замолкни! — вдруг заорала Тильда. — У меня был когда-то ребенок. И гвардейцы, благодаря отлаженной системе, похитили его.

— Какой еще ребенок?

— Младенец показался глазастым жителям деревни слишком странным. Светился в темноте. Все поголовно боялись ходить в лес за хворостом. Только почему их тянуло к моей избушке? Не мне судить... Но вышло так, что об этом донесли самому аббату. Однажды вернулась домой, я трудилась тогда с отцом в школе, а моего ребенка нет! И гвардейцы сидят у печки в пыльном углу. Выжидают!

— Ты не искала его?

— Нет... Все. Оставим пустую тему. Ребенка моего убили. Таких странных по закону положено убивать.

Тильда поднялась со скамейки. Над головой пролетела, хлопая огромными крыльями, птица. Казалось, что острый клюв и глаза у нее как у седого старика в конусообразной шляпе. Ее отца. Он всегда был добр к людишкам, даже к Эмме или проходящей мимо богачке с капризным ребенком, а если вдруг глядел на родную дочь, то зрачки его всегда были налиты кровью. А ведь она всего один раз просто ошиблась...

— И не смей, Эмма, говорить отцу обо мне и чем мы занимаемся.

— Он убьет меня тоже?

— Убьют по его приказу! Он и знать не будет, кого погубил. Аббат такие интриги закрутит...

— Нет, — Эмма закрыла глаза.

В неясной темноте, где тысячи звездочек мерцают, она увидела лицо папы. Оно приближалось, удалялось, Эмма тянула ручки, но улыбка папы на губах стала прямой линией, глаза безучастными и холодными, а потом он растаял, как будто его и не было.

— Все, кто меня знал в земной жизни думают, что я погибла. Они видят мой призрак, нет, я не навязываюсь, просто они сами хотят видеть меня и видят. Дождись получения наследства и тогда... Тогда...

— Да при чем тут наследство! — возмутилась Эмма. — Папа так решил. Не я!

— Я решила, девочка.

— Тильда, прекрати!

Эмма услышала голос седого старика и повернулась. Тильда попыталась уйти.

— Стой! — приказал ей старик. — Может, поведаешь воспитаннице о супер-плане? А, дочь?

— Исчезни! — рявкнула Тильда. — Ты не посмеешь, ясно?

Седой усмехнулся.

— Конечно, не посмею. Правила запрещают вещать лишнее, Тильдочка. Только, девочка, дочь моя, как уже говорил, умеет плести интриги и сочиняет похлеще твоего автора пьес.

Тильда показала кулак. Старик поднял руки и поспешил исчезнуть. Эмма затряслась на своей скамейке. Недомолвки между Тильдой и «седым» порядком начинали ее напрягать. Что за план и интриги? Она спросила у Тильды.

— Не бери в голову. Просто завидует, что силу белого камня получила я, а не он. И влияние его в саду ослабло. Потерял авторитет.

— Он уверяет, заклинание можно снять... Только ночью он пугал. Все пугают меня!

Эмма закричала. Даже Тильда походила сейчас на выросшее из земли чудовище. Оно

было готово напасть на жертву, сокрушить слюнявой волной и выпустить клыки. Она и приоткрыла рот... Показала острые зубки... Черное облако и угольного цвета глаза... Тильда махнула рукой, и видение пропало. Но успело крикнуть:

— Я прилечу к Белому Камню и заберу свое.

После Тильда обняла Эмму. Она дрожала. Хотела пить. Только подумала и жестяная кружка появилась в трясущейся ручке.

— Кажется враг наш знает, как проникнуть в сад. Отложим церемонию недели на две. Эмма!

Эмма подняла заплывшие от страха веки на Тильду.

— Забери свой дар. Я не могу больше. Прошу...

Но она покачала головой:

— Белый камень не забирает своих даров, девочка, — Тильда открыла портал и полетела в свой сад, из которого ей возможно и не следовало никогда выходить. В домике с голубой крышей она залепила своему отцу пощечину.

— Только посмей тронуть меня или Эмму, папа. И идея напугать говорящим зеркалом — ошибка. Узнаю, что бываешь у нее, сразу же настрою сад против тебя. А в будущем году выборы старшего!

После Тильда ушла, хлопнув дверью. Но седой старик надел свою шляпу и через окно вылетел на полянку. Яркое светило солнце, а с деревьев падали спелые фрукты. Маленькие дети бегали по дорожкам с книжками и соревновались в знаниях цитат, а их уже прославленные родители всегда были заняты делами на участке или в домике тренировали свою силу. У каждого были свои особые обязанности и в мире Эммы.

— Твой план потерпит неудачу, Тильда. Черное облако намерено бороться другими методами.

— Знаю уже. У восточных ворот дырка. Оно смогло забросить свое мохнатое щупальце!

— Он ослабит тебя!

— Скорее я его!

— Нет, Тильда. Говорящее зеркало вчера показало, как будет и кто победит.

— Мы победим, ясно?

Тильда убежала, а седой покачал головой и полетел в свой домик.

21

После обеда Эмма навестила маму. Высоченные стены ее комнат были затянутыми тканями и гобеленами. С потолка свисала кованая люстра. Все свечи были зажжены. По правой стенке тянулся резной балкончик, туда можно было подняться по узенькой лесенке с тоненькими перилами. И кто-то прятался за подвязанной желтым пояском шторкой. Чья-то рука в бордовой перчатке поглаживала голову скульптурного льва. И вдруг пропала.

Эмма терпеливо ждала приглашения. Все знатные дамы этим вечером собрались в малой гостиной Ее милости. А сама мама пребывала в самом центре. В большущем камине трещали сухие ветки. Исходящий от них жар наполнял тепло роскошно обставленное помещение. Мама демонстрировала подругам и служанкам подарки. Муж одарил ее по случаю беременности новыми нарядами и украшениями. Эвелин от радости кружилась, словно она юная девчонка, которая пребывает в ожидании любимого человека, чтобы сообщить столь благостную весть. Дамы хлопали в ладоши и охали. Абсолютно каждая успела восхититься дороговизной ткани и искусной работой ювелира.

— Леди Энн, бедняжка!

— Даже в семье не ведают, куда подевалась...

— А леди Донна...

Эвелин заметила свою дочь и жестом предложила ей войти и посидеть с ними.

— Как пожелаете, Ваша милость, — тихо пробормотала Эмма.

Эвелин взглядом указала на пустое место у камина. На кресло с золотыми подлокотниками, где обычно леди Энн читала Ее милости любовные романы. Дамы охнули. А Эмма не спешила входить. Из темного угла повеяло холодом, а потом бордовая рука скользнула по перилам узенькой лесенки. Тихий смех. И смеялась не мама, или ее гости. Хихикал кто-то еле слышно, по-черному, шепча и лаская слух. Свистел. В воздухе промелькнуло мохнатое щупальце, у самого потолка, загасило одну свечу в люстре и пропало. Потом видение. Призрачное. Укутало сидящих вокруг матери дам и тоже исчезло. Эмма вздрогнула.

— Ну же, смелее, Ваша милость! — возмутилась Эвелин.

Эмма вздохнула и неохотно подчинилась приказу. У камина она вытянула руки да так, чтобы озябшие пальцы после долгой прогулки по улицам как следует прогрелись. Теплое лето постепенно сменяла дождливая осень. Только в ее гардеробную был специально поставлен шкаф. И полки в этом шкафу ломились от невероятного количества подаренных отцом шуб, от меховых накидок и теплых муфт. Простой люд не спешил менять летнюю одежду на осеннюю.

— О чем-то задумалась, дорогая дочь моя? — спросила мама. — Не стоит грустить, к пяти подадут горячий чай и новый десерт. Вчера леди Блон и леди Ива пришли в восторг от изысканного вкуса.

— Да, Ваша милость, Его милость столь заботлив и великодушен в последнее время, — подтвердила слова Эвелин леди Блон.

— Спасибо, — Эмма поблагодарила мать. — Я останусь и с удовольствием попробую ваш десерт.

Эвелин вновь обратилась к своим дамам, а Эмма глянула на горящее пламя и вдруг представила в жарких языках картины из старой жизни. Она не хотела думать о прошлом, но оно постоянно напоминало о себе. Черное облако и склизкое щупальце не давало дышать. Эмме казалось, что оно всегда рядом, смотрит в затылок, после тянется к вазе с фруктами, шипит... Слюна течет из округлого рта. Угольные глаза блестят. Оно тянет мохнатое щупальце к вазе на овальном столике. Спелое яблоко с красным бочком вянет на глазах. Эмма в испуге задрожала. Хотела крикнуть нет, но мама успела взять порченный фрукт, и даже надкусить. Дамы засмеялись. А мама захохотала громче остальных:

— О, огородник Его милости — просто чудо! Такой урожай! — воскликнула Эвелин и велела плечистому слуге подавать десерт.

— Ваша милость, смотрите, у вас округлился живот, вы точно подарите верховному правителю мальчика, истинного наследника.

Слово «наследник» заставило Эмму очнуться. Она вдруг ощутила некую особенность и исключительность от осознания того, что когда-то ей позволят принять титул папы. Она станет в замке главной. Все будут почитать ее, кто-то станет бояться, а кто-то привыкнет по первому мгновению исполнять любое желание... Леди Ива приложила руку к животу Ее милости и с улыбкой стала расхваливать еще не родившееся дитя. Эмма вдруг почувствовала себя лишней в этой роскошно обставленной комнате. Женщина, которая всем здесь заправляла, никогда не была особо близка. Эмма не могла делиться с ней страхами и

переживаниями, как с папой. Мама ни разу не пришла в комнату поиграть с ней или почитать. Виделись они чаще всего на официальных праздниках или на завтраке.

— Дамы, вот и угощение! — воскликнула Эвелин.

Слуга вкатил в гостиную Ее милости большую тележку, сервированную чашками и круглыми блюдечками. Десерт, похожий по форме на перевернутый стакан неровной формы, привлек внимание Эммы. «Стакан» был украшен ягодкой клубники и полит сладким сиропом. Дамы быстро расселились, а Эвелин махнула рукой, и слуги стали подавать угощение и чай каждой гостье на отдельном подносе. Эмме, как дочери Ее милости, достался самый большой кусок. И она искренне восхитилась нежным вкусом, а потом решила, что неплохо бы угостить им и детей на городских улицах. Она отсыпала бы повару матери очень много золота, лишь бы он согласился поработать хотя бы одну ночь сверхурочно и смог бы выпечь как можно больше вкусных «стаканов».

Эмма думала, а дамы запивали десерт чаем и шепотом желали Ее милости счастливого рождения наследника. Будущая мать после каждой лести ставила кружку на столик и начинала поглаживать свой живот. Она намеренно села так, чтобы все присутствующие в гостиной заметили его округлость. Особенно Эмма.

После чая дамы еще раз пожелали Ее милости счастья, успехов и одна за другой покинули малую гостиную. Эмма выходила последней. Уже на пороге она успела заметить бордовый силуэт, проскользнувший в комнаты мамы через балкон. Силуэт пролетел от двери к камину и опустился в кресло леди Энн. Эмме стало интересно, кто же имеет право навещать ее мать тайно ото всех. Она быстро покинула дамский кружок, проскользнула в кабинет отца, открыла портал, снова вошла в покои Эвелин и едва успела прыгнуть за спинку дивана. Мама словно почувствовала тяжелый взгляд и обернулась. Но тот угол, в котором пряталась Эмма, оказался пустым. Эвелин вернулась к беседе с господином Жуаном.

— Все идет по плану, Ваша милость, — доложил он. — Муж ваш ежедневно посещает по две-три деревни. Фермеры восстают против него. Он обращается с речью, а они не верят красивым словам. На это так смешно смотреть, Ваша милость. Деревенские поддерживают нового лидера. Даже аббат и его крысы отныне не помеха.

— Это вы? — Эвелин усмехнулась.

— Конечно да, — похвастался Жуан. — Я прекрасно осведомлен, что им обещает замок, поэтому имею возможность предлагать больше. Вы бы видели их жалкие глазенки, Ваша милость. Они стоят и смотрят то на правителя, то на меня. Всегда зачарованно и с воодушевлением. Чуть-чуть выдашь им правды против Тельмана и все они резко называют его лживым и поворачиваются к тебе. Настроишь их против себя, они захотят иметь дело с правителем. Фермеры сами отдадут мне власть, Ваша милость. Тельман не желает, так силой возьму.

— Скорее муж мой уничтожит вас, — заметила Эвелин. — Вы не представляете Тельмана в гневе.

— Я первым уничтожу Его милость. Запомните. И вы будьте осторожнее. К вам будут ходить шпионы, дамы станут расспрашивать о беременности. Вас будет навещать лекарь по приказу правителя. Он помешается в ожидании сына, а думы о том, что его доченька не станет великой, помутят рассудок. А я тем временем нанесу главный удар. Или даже два. Хотите раскрою еще один секрет?

— Что же это? — поинтересовалась Эвелин.

— Правда, которую очень долго скрывают.

Жуан склонился над ухом Эвелин и зашептал в него. Эмма напряглась. Кто-то заблокировал ее силу, могущественный и коварный, и она не смогла узнать «секрет». Как ни пыталась. Она почему-то подумала о старике... Звон ударил ей в виски... Она едва не вскрикнула от боли, но сдержалась... Глянула в сторону камина и боль утихла...

— Мне нужно помочь папе, — прошептала Эмма.

— Так вот в чем дело! — Эвелин с поднятыми руками подбежала к лесенке балкона. — Подонок! Как же я раньше не догадалась! Вот это новости, господин Жуан.

— Успокойтесь, Ваша милость, — сказал силуэт. — Я обязательно выступлю перед фермерами. «Секрет» еще больше настроит их против Тельмана.

— Откуда вы узнали об этом? И почему я должна вам верить?

Эвелин оттолкнула господина Жуана и не позволила ему поцеловать ручку.

— Неважно, Ваша милость. Отныне вашему мужу конец. Крышка. Он еще будет просить у вас помилования и прощения за унижения. Вы же этого хотите?

— Да, я хочу этого. Но я также хочу кое-кому подрезать крылья. Пришло время узнать о настоящей жизни. Как считаете?

Господин Жуан откупорил бутылку с вином. Эвелин с горящими от ненависти глазами приняла кубок и глотнула обжигающую губы жидкость. Ей стало тепло и хорошо. Вино растеклось по жилам, напитало каждый сосуд энергией. Жуан поднял свой бокал и тоже выпил.

— За вас, Ваша милость, — произнес он. — Не подведите меня.

— Конечно, — пообещала ему Эвелин. Она открыла портьеру, и господин Жуан вышел на винтовую лестницу, о существовании которой знали только в семье правителя. Эмма воспользовалась случаем, поспешно открыла небольшой портал и переместилась из покоев матери в свою спальню.

Там было пусто. И тихо. Только за дверью суетились слуги. Служанки радостно покрикивали и много шутили. Дежурившие гвардейцы играли в карты, ели и пили за счет отца. Эмма сбросила туфли, ляжки начали давить на ноги, забралась в кровать и обняла мишку с оторванным ухом. У него не было одного глаза и клетчатый жакетик совсем затерся. И лапка шаталась... Мадам Эдмон только и успевала чинить. Пройдет неделя и новая неприятность случалась с любимой игрушкой. Эмма настойчиво требовала дружбы, а медведь как будто отвергал ее. И она отчетливо помнила все события, связанные с его получением. Что случалось с платьями, украшениями и другими подарками папы, Эмма редко задумывалась. Устаревали прежние, отец приносил новые.

Эмма укрылась одеялом и попыталась заснуть.

— Ведьма! — именно эти слова сына рыбака крутились у нее в голове. Как и «секрет» господина Жуана.

— Тильда поможет мне! — пришла догадка к Эмме. Она откинула одеяло, бросила медведя на подушку и подумала, что же милый друг Чарльз скажет, когда узнает о волшебстве, саде с голубыми крышами у домиков и вгоняющими в дурман птицами, черном облаке и о страшной мести.

— О! — крикнула Эмма. — Бедный Чарли умертвит меня взглядом и забудет, что я дочь правителя. — Тут она открыла портал и полетела в Академию.

Двадцать вторая- двадцать третья

— Ваша милость, пришло время представить будущую правительницу официально. Вы сами стали свидетелем упаднических настроений. Ваша дочь обязана помочь восстановить порядок, пока не поздно.

В просторной комнате было душно и шумно. Тиль принес с собой стрелу с блестящим наконечником и положил перед собой. За длинным столом собрались двадцать верных его идеям и порядкам человек. Они были разных возрастов и разного достатка — кто-то беднее, кто-то богаче, кто-то влиятельнее, а кто-то менее знатный, кто-то искусный в лести, а кто-то простодушный и верный собственным принципам. Но все они явились на его собрание по первому зову, клику. Перед каждым лежали бумаги. Кто-то чертил пером ровные линии, кто-то внимательно читал, а кто-то слушал Милтона Джона или поглядывал на молчавшего в темном углу худого человека, сморщенного в лице, с вялыми глазенками и неестественно поджатыми губешками. Он держал обтянутые бледной кожей руки у груди и в особых случаях просто наклонял голову и показывал всем присутствующим круглую шапочку на затылке.

Милтон Джон терялся, когда видел эту шапочку. Особенно сейчас, когда простудная боль пронизывала с ног до головы, вгоняла в пот и мешала думать. Советник достал из кармана шелковый платок и показал аббату. Личный духовник правителя скривился в усмешке и что-то зашептал на ухо Тельману. Тиль услышал, выпрямил спину и взял свою стрелу. И глаза у него заблестели, и скулы разгладились.

— Ваши предложения, господин Главный советник, — сказал Тиль.

— Смею повторить, Ваша милость, — Милтон Джон старался говорить как можно увереннее. — Во-первых, я предлагаю организовать раздачу золота, именно золота, после утренней службы по воскресеньям, во-вторых в нашу Академию теперь сможет по конкурсу отобраться любой желающий, империи нужны таланты и умы. Ее милость начитана, она могла бы и сама приезжать к некоторым ученикам и следить за их обучением, и, в-третьих, я составил обращение. Будет лучше, если его зачитает с балкона Ее милость. Как преемница...

Милтон Джон рухнул на свой стул. Шепот аббата не давал ему покоя. Этот человек ходил теперь по кругу, смотрел в окно, возвращался к столу и чего-то ждал. Особенно. Важного.

Тиль велел Милтону Джону дать ему глянуть на текст обращения.

— Конечно же, — советник вновь встретился взглядом с холодными глазницами аббата.

— Что это! — возмутился Тиль, едва ознакомился с идеями в первом абзаце. — Намек на программу развития? Какую еще программу развития?

— Именно так, Ваша милость. Программа уже составлена.

— Дайте-ка глянуть, — пробурчал Тиль и Милтон Джон передал слуге толстую подшивку. Чернобровый паренек передвинул бумаги на противоположный конец стола и вручил правителю. Милтон Джон затрясся в своем кресле. Аббат прищурился и склонился над спинкой кресла Тельмана. Текст заинтересовал даже его и слишком.

Тиль зачитал вслух первые предложения. Глянул на свою стрелу, получил неодобрение на лице аббата, на вторую страницу даже не обратил внимания, перелистнул сразу на десятую... Двадцатую... Сороковую. И отшвырнул подшивку в центр стола да так, что

успевшие заснуть советники вздрогнули и разогнули поясицы.

— Я скрывал от вас мои идеи несколько лет, Ваша милость. Как бесполезные. Но сейчас...

Тельман покачивал головой. Губешки аббата растягивались в улыбке, а Милтон Джон выглядел поникшим, казалось ждал беды. Он как безумный юнец надеялся на досрочное восхождение Эммы, потому что только с юной женой сына его план мог быть реализован. Но сейчас судьба человека, который должен был вознести свою дочь, висела на волоске, и этот волосок подрезал более сильный игрок.

— Можно только обещать, Ваша милость, — пробормотал Милтон Джон довольно угрюмо.

— Я понял вас, господин главный советник, — отрезал Тельман. — Но стану рассматривать документ после того, как увижу на нем визы остальных. В том числе и нашего несравненного аббата.

— Как прикажете, Ваша милость.

— Думаю, с делами на сегодня покончено. Все предложения, касающиеся выступления Эммы, я одобряю.

Милтон Джон забрал свою подшивку, положил сверху ладонь и как бы мысленно защитил свое детище от врагов, которым дали санкцию на вторжение в личное пространство. Слово взял аббат.

— Думаю, стоит обсудить, Ваша милость...

— Замужество Ее милости?

Аббат кивнул.

— Вижу, вы намерены пустить стрелу в одну горную страну, мешающую своим положением контролировать нам устье реки. Страну близкого друга, Ваша милость. Но он скончался... Буквально пару недель назад.

— Так, так, — быстро затараторил Тельман.

Милтон Джон вновь заерзал на своем стуле. Аббат вещал абсолютно другие мысли. Не из письма.

— У этого человека есть сын. Смышлёный паренек. И он бы составил Ее милости достойную пару. И стрела может не пригодиться...

Аббат взял реликвию Тельмана и выбросил в окно.

— После захвата устья, многие другие будут вынуждены присоединиться к союзу, Ваша милость... Храбрость и упорство горцев...

— Все свободны, — резко объявил Тельман. — Следующее заседание состоится по плану. Господин главный советник, проследите за подготовкой к выезду моей дочери. Помните, что вы в ответе за Эмму. Господин аббат, задержитесь на минутку.

— Как прикажете, Ваша милость, — произнесли советник и личный духовник в один голос. Милтон Джон с раннего детства наизусть заучил эту фразу, и она застряла у него в голове. Так хотелось высверлить, избавиться и обрести ту свободу, о которой нужно мечтать еще как минимум пять лет.

Советники один за другим покинули кабинет. Аббат подошел к окну и смело заявил.

— Есть кое-какие странности в поведении Ее милости, Ваша милость. Я бы настоял на расследовании.

Он повернулся, сверкнул холодным взглядом и теперь правитель Тельман заерзал на своем стуле. Искушенное лицо духовника казалось вполне серьезным, озабоченным.

— Она опасна, Ваша милость! Я чувствую!

— В чем же, дорогой мой аббат?

— Верная мне служанка говорит, что в спальню Эммы кто-то приходит и говорит с ней перед сном. Иногда перед утренним одеванием. Она слышит голоса — мужской, женский. Иногда они кричат, возмущаются, Ее милость забывает о расписании, протоколе. Сегодня отпоролась на глазах у всех оборку на юбке и дамы получили возможность лицезреть деревянные башмаки и голые лодыжки! Ваша мать едва не лишилась чувств!

Тельман засмеялся и жестом велел аббату прекратить.

— Понимаю, вы привязаны к этой девочке... Но... — Аббат поднял кривой палец к потолку и тело его, худое и костлявое, затряслось в судороге. — Хорошо, что Ее милость в положении и вскоре мы получим достойного наследника. И тогда сведем его с сестрой сына вашего другого друга и получим плодородные земли на юге!

Тельман непроизвольно ударил кулаком.

— Вон! — крикнул он и поднялся. Теперь аббат съежился, правда стоя. Правитель шел на него грозной волной. Большие длинные руки тряслись, меховая накидка съехала с левого плеча на правое. — И верните мою стрелу, господин аббат! — приказал Тиль и снова упал в свое кресло.

Просторная комната в миг опустела. Слуга открыл окно и свежий воздух залетел в некогда душное помещение. Тиль вспомнил женщину, которую видел недавно в толпе во время выезда. Ее же он видел у озера и на дорожке сада. И неземного цвета глаза были так похожи на глаза девушки, которая когда-то кружилась в своем солнечном танце. Тиль развернулся и выглянул в окно. Его жена прохаживалась по парку в окружении разодетых в шелк и бархат дам. Они смеялись, прикладывали кокетливо веер к губам и шутками веселили Эвелин. Тиль никогда не видел свою жену такой воодушевленной и такой жизненной.

— Папа!

Заплаканный голос заставил отвлечься. Тиль увидел свою дочь. Эмма влетела в зал заседаний без стука и особого предупреждения и со слезами в уголках глаз бросилась к нему в объятия.

— Ну что случилось с моей маленькой девочкой? — ласково спросил Тиль. — Присядь на кушетку, — велел он.

Эмма покорно подчинилась. Она положила голову отцу на колени и пожелала больше не рыдать. Не выходило. Слезы непроизвольно лились, уши разрывал невыносимый шум, виски атаковала новой силы боль. Один взгляд в сторону служанок или людей из свиты, и Эмма непроизвольно теряла равновесие и корчилась в судороге. Спасали ласковые слова или мимолетная улыбка, а ответное спасибо на время притупляло звон.

— Расскажи, кто обидел мою крошку. Обещаю, виновник твоих бед, дорогая, будет наказан. Гвардейцы поймали даму в платье с голубой оборкой. Я хотел показать тебе, а потом подумал — не нужно...

— Все хорошо, папа, — Эмма постаралась придать голосу твердость. — Сама не знаю, почему расчувствовалась, я шла к тебе, и слезы полились ручьем. Я так напугала гвардейцев, что мне хотели вызывать лекаря еще в галерее. Но я быстро растолкала их всех и ворвалась к тебе. Как хорошо, что Совет разошелся...

— У моей Эммы плохое настроение? — Тиль потянулся к полке у них над головой и взял оттуда собранные в небольшую пачку бумаги. — Папа сейчас развеселит свою малышку, — сказал он и показал чертеж. — Смотри.

Эмма села поудобнее и увидела план большого дома.

— Что это?

— Замок, который я велел выстроить к твоей свадьбе, милая, — ответил Тиль. — Хотел сделать сюрприз, но Милтон Джон доложил, что Чарльз разболтал тебе...

Эмма услышала из уст отца имя друга и снова заплакала. Она пыталась успокоиться, звала на помощь магические силы и Тильду. Но никто и ничто не могло заглушить столь ужасный звон. Раздирающий виски на части. Эмма вдруг представила, что не папа тонет в слякоти и грязи в ее сне. А она. И сила не вытолкнула ее из земли на твердую поверхность, как отца. Ее засасывало, и с каждым днем все глубже.

— Выходи почаще на улицы, Эмма, — предлагала Тильда. — Одаришь бутонами роз десяток людей и две ночи проведешь спокойно.

Седой не унимался и обещал помочь.

— Я избавлю тебя от боли, девочка, — вещал он. — И от влияния черного облака. Доверься мне...

— Ну же, Эмма! — Тиль не на шутку обеспокоился очередной истерикой дочери. Эмма уткнулась головой в отцовское плечо, хныкала и пару раз начинала бормотать не связанными предложениями правду. Но губы ее быстро немели, и тогда она просто рыдала. Чарльз был ей дорог как друг детства. Но близкие отношения со служанкой... С сегодняшнего вечера Эмма решила держать парочку на расстоянии.

— Ну что опять случилось, дорогая! Расстроилась, что холм для замка выбрали без твоего участия? Не переживай, я могу отписать его леди Алисии, а тебе мы построим новый. Какой хочешь ты.

— Нет, папочка, мне все понравилось, — Эмма вытерла слезы. — Я плачу от радости и удивления, поверь. Я пришла к тебе не жаловаться. А по делу. Мне нужно золото.

— Золото?

— Да, я хочу заказать двадцать четыре платья к празднику осени. Я буду менять их каждые полчаса. И красивую диадему, с большим сапфиром. Вчера к маме приходила леди Ива на чай. Она поведала, что муж ее к предстоящим торжествам переманил у союзников двух братьев. Один шьет платья, а другой мастерит украшения. Он был проездом в городе, где они жили, и случайно забрел в лавку. Муж леди Ивы пожелал купить ей что-нибудь в подарок, остался восхищен и посмел предложить мастерам постоянную работу. И те согласились, папа. Теперь леди Ива лучше всех одета в замке. Да так, что я и мама просто меркнем, теряемся в ее присутствии. Но леди Ива пообещала, что уступит мне мастеров... На время.

Тиль встал и подошел к высоченному шкафу. Ключом, который висел у него на шее, открыл один из ящиков и вытащил самый толстый и довольно объемный мешок. Монеты в нем так и звякнули.

— Достаточно? — спросил он.

— Да, — воскликнула Эмма. Она тут же забыла о слезах, звоне в висках и быстро приценилась. В мешке было столько золота, что его хватит и на платья, и на диадему, и на два уличных праздника. — Папочка, ты лучший!

Она поцеловала отца в морщинистый лоб. Тиль крепче обнял дочь и вспомнил о предупреждениях аббата. Нет, столь милое сокровище и создание, не может обманывать его, как и предать. Если бы не Эмма, он бы не знал, ради кого жить. Он спас ее, Эмма спасает его. И когда-то давно он пожертвовал жизнью другого ради счастья этой чудной малышки.

О, если бы она только знала!

— И не забудь, вначале месяца я объявлю тебя преемницей. Милтон Джон уже написал речь... Тебе нужно будет ее выучить. Но ты справишься. Все, а теперь беги.

23

Тильда вышла на центральную площадь промозглым утром. Холодный ветер хорошенько обдувал со всех сторон и разгонял тяжелые тучи, повисшие в небе. Сквозь сизый туман просочились первые лучи солнца и ударили просветом. Тильда вознесла руки. Ветер усилился, вырвал из волос голубую ленту и растрепал их. Тильда ликовала. Их черных уст сыпались на каменистую дорогу слова, значение которых понимала лишь она. И все в ярких красках разлеталось на осколки и кружилось у нее перед глазами. Пустынную площадь украсили стеклянные витрины. У стен кособоких домишек выросли длинные прилавки под зеленым тентом. Справа — амфитеатр. Из фонтана полилась вода. Площадь ожила. И скоро она впустит первый поток посетителей.

— Все готово? — услышала Тильда голос Эммы и обернулась. Воспитанница ее, одетая в желтое платье с черными полосками, улыбалась, а потом пару раз покружилась, и Тильда увидела пришитые к лопаткам кружевные крылышки. В руках Эмма держала толстую пачку карточек.

— Приглашения, — пояснила она.

— Как ты их размножила? Заставила трудиться всю ночь подневольных девушек-служанок?

— Нет, немного магии и любой лист превратится в такую карточку.

— Ты не хотела использовать силу, — заметила Тильда.

— Не хотела, но я замечаю, что все чаще пользуюсь твоим даром. Черное облако. Оно душит меня во сне. Грозит убить папу, если я не помогу ему. Не скажу, как отыскать вход в сад и как пройти к Белому Камню. Как будто все по-настоящему происходит. И у этого существа вместо пальцев щупальца... Поначалу я вырывалась и дралась. Теперь просто нашептываю огненные символы, и враг отступает.

Тильда моргнула и все прилавки застелила узорчатая ткань.

— Черное облако добивается, чтобы ты ослабла! Реже воюй с ним. Потом ему будет легче одолеть тебя. И прошу, не читай при врагах огненные символы!

— Я нашла его логово...

— Что? — от неожиданности Тильда сорвалась со скамейки, на которой сидела. Эмма рассказывала о походе в дремучий лес так, словно добилась победы. Она страстно жестикулировала, крылышки на спине дрожали, она вешала о густом тумане, пауках и звоне в висках. Колючие заросли поцарапали ручку. Эмма показала свежие ранки Тильде, и та взглядом залечила их.

— Ох!

— Я вошла в его хижину. Кровать да стул. И потухшая свеча на столике у квадратного окошка. У него даже книг нет. Все полки покрыты пылью. Я нашла один листик. Вот... Почерк леди Энн...

— А пауки?

— Пауки отступили, как увидели меня на тропинке. А если бы и напали — я бы сожгла их огненными шарами.

— Эмма! Облако играет тобой, пойми... Завтра к полудню будь готова. Пойдем к Белому Камню.

— Но у меня прогулка с отцом!

— Скажись больной! Чем быстрее мы расшифруем оставшиеся символы, тем скорее одолеем врага. А после ты будешь свободна, девочка.

Тильда присела на коленки, откинула железную крышку деревянного сундучка и спросила:

— Что в нем?

— Твое платье и костюмы для мальчиков. Я подумала, что мы сегодня будем много и усердно работать, а люди, наши гости, отдыхать.

— Забавно. Я позвала жонглеров и комиков. У прилавков будут раздавать еду, на сцене амфитеатра выступит хор, у фонтана поставим скамейки... — Тильда приложила платье к груди и восхитилась мягкостью ткани. — А твой портной искусен.

— Но главным угощением будет десерт. Повар мамы отказался помогать мне, тогда я стащила хитростью у его слуги рецепт и заказала пять сотен штук городским пекарням. Знатные дамочки хвастались, что за стенами замка подобное лакомство не найти. Но я готова сделать так, что «стакан» получит каждый, кто придет на мой праздник.

Тильда присела на скамейку. Небо прояснилось. Но солнце пока вышло.

— Я одобрила твою идею, Эмма, а теперь мне кажется, что мы далеко зашли. Ты предупредила отца?

— Конечно нет! Сегодня ты леди Тильда, а я твоя дочь.

— Праздник привлечет внимание гвардейцев. Соберется толпа, будет шумно. Может отменим? Нам нельзя рисковать...

— Нет, — уперлась Эмма и топнула ножкой. — После скандала с леди Алисией я поняла, что папа простит мне все проделки и никогда не накажет.

— Но не господин аббат, Эмма. Я же просила быть осторожной.

Тут Тильда повернулась, и Эмма увидела глаза наставницы. Казалось, она и плачет, и радуется, и смеется одновременно. В них таилось и тепло, и строгость, и забота, и даже страх. Тильда обняла Эмму, задела рукой ее крылышки — они были пошиты из кружевной ткани, проволока помогала держать форму, а выглядели такими легкими, неземными... Вот бы всегда ощущать эту легкость. Не думать о грязи, песчаной слякоти и не видеть дремучий лес и ползущих по земле пауков с мохнатыми лапками.

— А кто он такой, Тильда? — еле слышно спросила Эмма.

— Очень опасный тип. Иссушенный такой. Говорит одно, делает другое. А речь! Звучит убедительно, ласково, доверчиво. Потом оглянешься, а у тебя на спине гниет кровавая рана от брошенного им ножа.

Два одиноких путника забрели на главную площадь к полудню. Ветер к этому времени прекратился, солнце невыносимо пекло в спину и вызывало жажду. В тесном переулке один из них вспомнил о высоченном фонтане, из которого когда-то давно в любую погоду лилась чистая и прозрачная вода.

— Идем туда.

Но увиденное действие поразило их. Тот который был выше ростом, постройнее, и сидел верхом на спине выючного осла, прыгнул на землю и кинулся в толпу. Смеющиеся люди были везде. Кто-то тянулся к прилавкам за сладостями и мясом, а кто-то аплодировал на каменных ступенях амфитеатра. Комики и жонглеры показывали небывалое действие. Звенел бубен в руке притоптывающей в ритм девушки с гибким станом. И музыка текла по закопченным переулкам, вылавливала грустных и обиженных, и они сами прибегали на площадь. И у фонтана их встречала пчелка. Некоторые хмурились, никак не желали улыбаться. А были и такие, кто сразу пускался в пляс. И никто, ни счастливые, ни унылые внимания на картинку на серых столбах не обращал.

Второй путник, тот который вел осла, подошел к первому и спросил:

— Не стоило нам приходить.

— У нас есть миссия, дорогой друг.

— Если кое-кто узнает о вашем интересе, конфликта не миновать...

— Знаю, Жан, я все знаю. Но тем, у кого нет лишних средств, чтобы бороться с могущественным осьминогом, готовым пустить свои щупальца еще дальше, на восток, победить врага можно хитростью. Ты лучше набери мне воды и пойдем жилье поищем. Нужно что-нибудь скромное по цене...

Второй путник вынул из мешка жестяную чашку и стал пробираться сквозь гудящую под звуки бубна толпу к заветному кранику. К путнику на осле подошла молодая девушка в желтом платье и протянула листок.

— Приглашаем на праздник леди Тильды. У прилавков вы можете угоститься и отведать горячие блюда, а на сцене амфитеатра уличные комики не дадут вам заскучать.

— Какова входная плата? — поинтересовался молодой человек.

— Леди Тильда денег не берет. Проходите, обещаю, что не пожалеете.

Путник привязал осла к покосившемуся столбу и увидел «странные картинки». Вооруженные всадники пускали стрелы в бегущих по заповедным местам овец. Один всадник был кучерявый, одет в коричневый тулуп с меховым воротником. Глаза его горели от наслаждения, а в карман ему летели монеты за каждого убитого зверя...

— Вы идете?

Замолк бубен... Путник очнулся и пошел за пчелкой. Неведомая сила вела его. В толпе он увидел Жана, дернул друга за рукав рваной туники да так, что он не удержал жестяную чашку и вода пролилась на плечо толстого мужчины. Гость леди Тильды тут же накинута на обидчика с кулаками и толкнул юношу словно пушинку. Жан пролетел над землей, а потом шлепнулся на булыжники. Первый путник бросился в защиту. Но получил сопротивление. Силач ловко увернулся, а потом надавал храбрецу по челюсти и вдобавок громко расхохотался. Смех покатился по рядам горожан. Громкие аплодисменты резанули

слух того, кто сидел минут десять назад на выючном осле. Он быстро поднялся на ноги и со всей злостью, скопившейся за короткие секунды унижения, врезал силачу. Мужчина покачнулся и рухнул на колени.

— Что здесь происходит? — услышал путник сердитый голос и поднял глаза. Никого не увидел, зато атлет бросился на него вновь, резко полоснул чем-то острым и колючим его щеку, и молодой путник взвизгнул от боли. Он дотронулся пальцами до скулы и розовато-белые подушечки окрасились в алый цвет.

Эмме удалось пробраться сквозь поредевшую толпу к фонтану — многие уже разбежались к амфитеатру и прилавкам. Она опустила на коленки и рукой прикоснулась к израненной щеке юноши. Но он забыл о собственных увечьях — бросился к спутнику и пытался привести в чувство.

— Объясните, что здесь произошло? — повторила свой вопрос Эмма.

— Мой друг облил вон того силача. Жан упал, потерял сознание, а мужчина покалечил и меня, и его.

Эмма махнула рукой и к фонтану явились четыре мальчика.

— Отведите пострадавших в тень, — приказала она. — И дайте все, что они попросят.

Атлет от помощи отказался, нашел у прилавка с десертами жену и детей и велел отправляться домой.

— Но...

— Я сказал домой, идем!

А вот уставшие после долгого пути Жан и его спутник согласились отдохнуть за сценой амфитеатра. Там уже стояла кушетка, а на столике жестяной кувшинчик с водой для питья. Эмма с прямой спиной восседала на стуле с остроконечной спинкой и мочила в не глубокой по размеру чаше бинты. Мальчики положили Жана на кушетку и удалились. Первый путник присел рядом с Эммой.

— Леди Тильда, как понимаю, это вы? — спросил он, наблюдая, как Эмма ухаживает за его другом. Для отвода глаз она прикладывала ко лбу паренька бесполезные тряпки, а сама мысленно зачитывала короткие заклинания.

— Леди Тильда — моя мать, — резко ответила она, рассердившись, что навязчивый юнец в заплатанной рубахе помешал сосредоточиться. Она забыла важную строчку... — Я Эмма.

— Эмма, — повторил юноша. — Милое имя. — Он глянул на ее руки и вдруг захотел, чтобы пальцы этой девушки коснулись и его лба тоже. — Налью себе чистой воды? — спросил он.

— Берите, — Эмма мимолетным взглядом показала, где взять кружку.

— Я Эмори Уилл, — представился путник. — Можно просто Уилл.

Эмма бросила бинты, приложила обе руки ко лбу пострадавшего и сосредоточилась. Она слышала отдаленный шепот Тильды и седого старика. О чем говорили отец и дочь Эмма не понимала и не стремилась разбирать. Она хотела только помочь бедному Жану. И силы вернулись к нему. Он открыл глаза и закашлял. Эмори Уилл бросил опустевшую кружку на землю.

— Где я? — Жан бегло глянул сначала на Эмму, потом на Эмори Уилла.

— Милая девушка спасла тебя, дорогой мой Жан. У нее волшебные руки, — Эмори Уилл улыбнулся. Он любовался тем, как Эмма наклонила голову, как дотянулась до мочки уха и убрала выпавший локон под шапочку пчелки, как затряслись кружевные крылышки, и

как она нервно топнула ножкой в башмачке с желтым бантиком.

Эмма, наоборот, смотреть на приставучего чужеземца в залатанной рубаше не желала. Чернобровый, и брови слишком густые, нависают над глубоко посаженными глазами, кажутся свирепыми. Сам он кучерявый, короткие волосы так и вьются, походят на шапку из мелких завитков.

— Думаю, моя помощь вам больше не потребуется, — резко бросила она. — В кувшине вода. Там еда и сладости. Если будете в состоянии, можете прийти посмотреть спектакль, начало в половине пятого.

Тут Эмори Уилл схватил ее за локоть. Эмма не спешила вырываться. Стала смотреть на него. Внутренний голос подталкивал к побегу и заставлял думать о дружбе с милым Чарли. Но ее как магнитом тянуло к кучерявому брюнету.

— На вашем платье десять полосочек, — доложил Эмори Уилл и отпустил Эмму.

Она же свободы не ощутила. Темные глаза чужеземца теперь любовались ее лицом.

— Веселитесь, — только и успела сказать Эмма. Мысленно она надеялась, что больше никогда не встретит этих людей.

— Стойте! — крикнул Эмори Уилл. — Объясните, зачем?.. Зачем вы устроили эти гуляния? Я удивился, когда узнал, что все здесь просто приходят и берут.

— Вам интересно? — Эмма усмехнулась. — Хорошо, я отвечу. Когда я планировала праздник, то представляла действо иным. Думала, соберутся горожане, фермеры, я стану их угощать, мальчики помогут их развлечь. И все на пару часов подобреют, забудут обиды. А вышло, что ловкие и упертые побывали и у дальних прилавков, и у близких, им достались лучшие куски, десерты и развлечения... К тому же силач... Думаете, вы первый, кто подрался? Только и занимаюсь тем, что выхаживаю покалеченных. Простите, но мне нужно помочь леди Тильде.

— Но, — вдруг сказал Эмори Уилл и коснулся щеки рукой. — Вы помогли моему другу, помогите и мне. Силач порезал мне лицо... Моя рана станет язвой, если вы уйдете сейчас.

— Вам? — Эмма прищурилась. — Не вижу у вас царапин.

Она засмеялась и вышла на площадь. А Эмори Уилл посмотрел на кончики пальцев. Они были абсолютно чистыми. И Жан ранок у него не заметил.

25

Эмма вернулась за прилавок. Тильда уже не успевала раздавать десерты и еду всем желающим, очередь выстроилась до самого фонтана. Девушки на входе прекратили раздавать бумажки. Они взяли часть потока на себя. Люди кричали, выхватывали полученную еду и грубили. В амфитеатре уже никого не было. Все только и мечтали побольше ухватить. Никого не интересовали имена организаторов праздника. Эмма следила, как несколько пар рук, Тильды и помогавших ей пчелок, переплетались и тянулись с гостинцем к первому номеру. Стоящий в очереди долго думал, рассматривал, что лежит на тарелках и подносах, затем просил заворачивать все подряд и по четыре порции. Гул потянулся в самом хвосте. Многие беспокоились, что головные унесут все и им не достанется даже жалких крох. Понеслись грубые выкрики. Эмма закрыла уши. Среди ожидающих своей очереди она увидела Эшли и Чарльза. Чарльз мило подхватил «подругу» под локоток, а вечно хмурая Эшли сейчас премоило кокетничала с ним и показывала пресолнечную улыбку. Даже тусклые волосы пепельного цвета теперь были яркими, сочными. И румянец на круглых щечках заигрывал с сочинителем пьес. И налитые счастьем раскосые глаза блестели и одаривали душевным светом. Никогда Эмма не видела Чарльза

таким воодушевленным. Эшли смеялась, а он, подняв руку к небу, зачитывал новый стих... Звон ударил в виски.

Тильда отпустила очередного гостя. Эмма замерла, как статуя, казалось, она сейчас проберется к фонтану, сорвет с себя нелепое платье с крыльями, топнет ножкой и закричит от боли и разочарования. Чарльз и Эмма приближались к прилавку. Они обсуждали акт из его пьесы и смеялись.

— Интересно, когда меня поставят в известность?

— По-моему, они просто дружат или вживаются в роли, — заметила Тильда.

— Вижу их такими во второй раз. Эшли! Моя верная «подруга» приходит из Академии, запирается в комнате и предпочитает делиться своим счастьем со всеми, кроме меня! Он же... Чарли стал так редко навещать меня...

— Эмма!

— Пойду проведу наших «больных», — сказала она Тильде. — Не нужно, чтобы они меня здесь видели.

26

Правитель Тельман сидел в мягком кресле. Явился с докладом господин Дюре. У старшего гвардейца был взволнованный вид. Левой рукой он сдавливал пальцы правой. В камине пылал огонь. Сухой треск доносился до Тиля, как и хруст костяшек гвардейца.

— Я назначил вас ответственным за безопасность моей дочери. И что у нас с вами получилось? — суровый взгляд Тиля полоснул лицо Дюре. — Вы уверяли, что дама в платье с голубой оборкой поймана и наказана, но свидетели господина аббата докладывают иное — уже после фактической смерти эта женщина прохаживалась по моему парку и снова посмела напугать мою дочь! И сейчас моя дочь пребывает неизвестно где!

— Гвардейцы из покоев Ее милости доложили, что Ее милость не покидала замок в течение дня. Для верности я приставил стражников и к двери на потайную лестницу.

— Но Эмма пропала, чему мы могли убедиться полчаса назад, — Тельман встал, подошел к окну и выглянул в сад. — Можете идти, — бросил он Дюре, — но помните каждую минуту и каждую секунду — ваша карьера теперь зависит от того, упадет с головы моей дочки хотя бы один волосок или не упадет.

Дюре поклонился. Гвардеец распахнул перед ним дверь. Он вышел в галерею и тяжело выдохнул. Из темноты выскочил Милтон Джон, схватил за руку и придавил острой коленкой к стене:

— Что с тобой, друг? — закричал Главный советник. — Забыл, что такое виселица или как уютно в холодном подземелье? Тебе что было приказано? Следить хорошенько за милой Эммой и выяснить, чем она занимается в последние месяцы! Ты сделал это? Подставил и меня, и себя. Я тебя рекомендовал Тельману! Я!

— Я увеличил количество гвардейцев в приемной Ее милости...

— Это знают все! А что мы наблюдали утром? Храпящих стражников и пустую кровать. Обслуга понятия не имеет, где госпожа. Как и верная Эшли. Кстати, а вот и она. Иди, действуй, расспроси «подругу».

Милтон Джон хотел задернуть занавески окна в галерее, но его привлек заросший затылок. В глубине деревьев, у небольшой беседки, кто-то был. Его сын! Чарльз держал Эшли за ручки. Вдвоем они кружились и читали свои монологи. Легкость и безумство посетили эти юные головы. Затем Эшли вспомнила о времени, быстро попрощалась и

побежала по дорожке в замок. Чарльз с потерянными видом опустился на скамейку и забарабанил пальцами по столу.

— Иди и только попробуй упустить мисс Эшли! — Милтон Джон отпустил Дюре, а сам поспешил в парк. Сына он нашел все в той же беседке. Чарльз на плотный лист бумаги переносил из своего воображения картинку — два голубя присаживаются на холодную землю и острыми клювиками подбирают хлебные крошки.

— Твой театр сведет тебя с ума, когда-нибудь, или уже свел! — крикнул Милтон Джон.

— Поясните? — Чарльз вычеркнул слово, показавшееся ему лишним.

— Я видел тебя и ту девку! Хочешь романчиков, заводи, но не в замке! А если бы вместо меня у окна с таким замечательным обзором стояли правитель или Эмма! Что бы ты сделал?

— А мне все равно! — закричал возбужденный Чарльз и изодрал листок в клочки. Отец своим появлением сбил с мысли и все покатилося вкривь и вкось. По наклонной. — Вы, отец, как пиявка засосали мою душу и не даете дышать. Только и мечтаете о скорейшей свадьбе, а правитель терпит меня, потому что я мил его несравненной Эмме. А сама Эмма вертит мной, как хочет.

— Сиди тут, я позову лекаря...

— Не нужно, отец, — Чарльз схватил советника за рукав камзола. — Я намерен разорвать все отношения с Эммой. Этот образ меня более не вдохновляет!

— Красавицу затмила чернавка? — Милтон Джон засмеялся. — Только ты многого не знаешь о тихоне.

— Эшли самая восхитительная. С ней можно говорить и говорить. Жалею, что не замечал ее раньше.

Милтон Джон вздохнул. Неприятность с Дюре это так пыль, засорившая один глаз, одно ухо. Новость, которую подкинул Чарли волновала куда больше.

— Тебе дорога эта служанка?

— Я соберу труппу, и мы будем гастролировать.

— Если доживете, — хмыкнул Милтон Джон. — Он, — советник кивнул в сторону замка, — лепешку из тебя сделает, а в первую очередь поиздевается над твоей новой актриской, так как она главная причина слезок любимой дочурки! Сейчас он чуть не впечатал бедного Дюре сразу в стену!

— Он же... он должен понимать, — вымолвил Чарльз.

— Он ничего не должен. Я в этой ситуации вижу рыдания Эммы и гнев правителя. Так что, дорогой сын, тебе не отступить.

Милтон Джон похлопал сына по плечу и встал. Он был рад, что нужные слова так легко нашлись. Сначала он хотел кричать, повышать голос, но потом подумал, что больше подойдет спокойствие и твердость.

Чарльз молчал. Он решил говорить вечером с Эммой. Она должна понять... Другое детства.

— Господин главный советник! — Милтон Джон увидел бегущего к беседке гвардейца. — Беспорядки! Две дамы устроили такое! Они раздают еду и сладкое всем желающим, поставили прилавки, откуда-то появилась сцена и каменные ступеньки для зрителей! Вы должны это видеть! Когда мне рассказали ребята... Одним словом, они сами были удивлены! И меня удивили. А потом выяснилось, что мероприятие проходит с раннего утра!

— Как! — затопал ногами Милтон Джон. — Личность преступниц выяснили?

— Нет, — гвардеец покачал головой. — К прилавкам сложно подобраться. На площади собрался весь город с коробками, тарелками, со всем, что есть в доме! А кто эти две дамы, никто не интересуется.

— Готовь носилки. Едем сейчас же, пока новость не облетела замок, — велел гвардейцу Милтон Джон. Единственной мыслью было, чтобы об празднествах не узнал правитель.

Серебряные плащи Эмма заметила сразу. Гвардейцы шли к площади выстроенной по протоколу колонной. Еще минут десять пути, они свернут в переулок, а потом самым коротким маршрутом выйдут к фонтану. Отряд возглавлял господин главный советник. Эмма не могла не узнать отца Чарльза. Тильда перекинулась с воспитанницей взглядом и молча кивнула. Волна нахлынувшего ветра тут же смела с площади остатки людей, неведанная сила разрушила прилавки с едой, повалилась в непроглядную пропасть сцена и замер фонтан. Мальчики и девушки через портал отправились в сад. Упал на каменный булыжник сухой листок. Эмма подняла его. Из переулка выплывали первые гвардейцы. Тильда открыла портал и обе они исчезли, а площадь растворилась в темном сне.

У Милтона Джона застучало сердце, то ли от удивления, то ли от радости, когда он увидел пустую площадь и неработающий фонтан. Гвардеец, принесший ему весть, спрыгнул с лошади и побежал к носилкам.

— Уверю, господин главный советник. Час назад здесь работал даже фонтан, который много лет никто не может отремонтировать.

— Я верю тебе, — Милтон Джон приподнял шторку. — Ты слишком медленно бежал, чтобы доложить о событиях, происходивших здесь. И как прикажешь искать виновных? Что мне докладывать правителю?

Гвардеец молчал.

— Ладно, иди, пропись и надейся, что правитель не узнал о случившемся. А теперь уж никогда не узнает.

Милтон Джон махнул рукой. Слуги развернули носилки к замку, а сам он ликовал — хотя бы одна неприятность позади — и был готов петь песню, как и мечтать о том, чтобы к его возвращению нашлась еще бы и Эмма. Тогда правитель еще больше признал бы его заслуги и наградил за помощь.

Два одиноких путника забрели на главную площадь к полудню. Ветер к этому времени прекратился, солнце невыносимо пекло в спину и вызывало жажду. В тесном переулке один из них вспомнил о высоченном фонтане, из которого когда-то давно в любую погоду лилась чистая и прозрачная вода.

— Идем туда.

Но увиденное действие поразило их. Тот который был выше ростом, постройнее, и сидел верхом на спине выючного осла, прыгнул на землю и кинулся в толпу. Смеющиеся люди были везде. Кто-то тянулся к прилавкам за сладостями и мясом, а кто-то аплодировал на каменных ступенях амфитеатра. Комики и жонглеры показывали небывалое действие. Звенел бубен в руке притоптывающей в ритм девушки с гибким станом. И музыка текла по закопченным переулкам, вылавливала грустных и обиженных, и они сами прибегали на площадь. И у фонтана их встречала пчелка. Некоторые хмурились, никак не желали улыбаться. А были и такие, кто сразу пускался в пляс. И никто, ни счастливые, ни унылые внимания на картинку на серых столбах не обращал.

Второй путник, тот который вел осла, подошел к первому и спросил:

— Не стоило нам приходить.

— У нас есть миссия, дорогой друг.

— Если кое-кто узнает о вашем интересе, конфликта не миновать...

— Знаю, Жан, я все знаю. Но тем, у кого нет лишних средств, чтобы бороться с могущественным осьминогом, готовым пустить свои щупальца еще дальше, на восток, победить врага можно хитростью. Ты лучше набери мне воды и пойдем жилье поищем. Нужно что-нибудь скромное по цене...

Второй путник вынул из мешка жестяную чашку и стал пробираться сквозь гудящую под звуки бубна толпу к заветному кранику. К путнику на осле подошла молодая девушка в желтом платье и протянула листок.

— Приглашаем на праздник леди Тильды. У прилавков вы можете угоститься и отведать горячие блюда, а на сцене амфитеатра уличные комики не дадут вам заскучать.

— Какова входная плата? — поинтересовался молодой человек.

— Леди Тильда денег не берет. Проходите, обещаю, что не пожалеете.

Путник привязал осла к покосившемуся столбу и увидел «странные картинки». Вооруженные всадники пускали стрелы в бегущих по заповедным местам овец. Один всадник был кучерявый, одет в коричневый тулуп с меховым воротником. Глаза его горели от наслаждения, а в карман ему летели монеты за каждого убитого зверя...

— Вы идете?

Замолк бубен... Путник очнулся и пошел за пчелкой. Неведомая сила вела его. В толпе он увидел Жана, дернул друга за рукав рваной туники да так, что он не удержал жестяную чашку и вода пролилась на плечо толстого мужчины. Гость леди Тильды тут же накинута на обидчика с кулаками и толкнул юношу словно пушинку. Жан пролетел над землей, а потом шлепнулся на булыжники. Первый путник бросился в защиту. Но получил сопротивление. Силач ловко увернулся, а потом надавал храбрецу по челюсти и вдобавок громко расхохотался. Смех покатился по рядам горожан. Громкие аплодисменты резанули

слух того, кто сидел минут десять назад на выючном осле. Он быстро поднялся на ноги и со всей злостью, скопившейся за короткие секунды унижения, врезал силачу. Мужчина покачнулся и рухнул на колени.

— Что здесь происходит? — услышал путник сердитый голос и поднял глаза. Никого не увидел, зато атлет бросился на него вновь, резко полоснул чем-то острым и колючим его щеку, и молодой путник взвизгнул от боли. Он дотронулся пальцами до скулы и розовато-белые подушечки окрасились в алый цвет.

Эмме удалось пробраться сквозь поредевшую толпу к фонтану — многие уже разбежались к амфитеатру и прилавкам. Она опустила на коленки и рукой прикоснулась к израненной щеке юноши. Но он забыл о собственных увечьях — бросился к спутнику и пытался привести в чувство.

— Объясните, что здесь произошло? — повторила свой вопрос Эмма.

— Мой друг облил вон того силача. Жан упал, потерял сознание, а мужчина покалечил и меня, и его.

Эмма махнула рукой и к фонтану явились четыре мальчика.

— Отведите пострадавших в тень, — приказала она. — И дайте все, что они попросят.

Атлет от помощи отказался, нашел у прилавка с десертами жену и детей и велел отправляться домой.

— Но...

— Я сказал домой, идем!

А вот уставшие после долгого пути Жан и его спутник согласились отдохнуть за сценой амфитеатра. Там уже стояла кушетка, а на столике жестяной кувшинчик с водой для питья. Эмма с прямой спиной восседала на стуле с остроконечной спинкой и мочила в не глубокой по размеру чаше бинты. Мальчики положили Жана на кушетку и удалились. Первый путник присел рядом с Эммой.

— Леди Тильда, как понимаю, это вы? — спросил он, наблюдая, как Эмма ухаживает за его другом. Для отвода глаз она прикладывала ко лбу паренька бесполезные тряпки, а сама мысленно зачитывала короткие заклинания.

— Леди Тильда — моя мать, — резко ответила она, рассердившись, что навязчивый юнец в заплатанной рубахе помешал сосредоточиться. Она забыла важную строчку... — Я Эмма. Кни/г/о/л/ю/б . нет

— Эмма, — повторил юноша. — Милое имя. — Он глянул на ее руки и вдруг захотел, чтобы пальцы этой девушки коснулись и его лба тоже. — Налью себе чистой воды? — спросил он.

— Берите, — Эмма мимолетным взглядом показала, где взять кружку.

— Я Эмори Уилл, — представился путник. — Можно просто Уилл.

Эмма бросила бинты, приложила обе руки ко лбу пострадавшего и сосредоточилась. Она слышала отдаленный шепот Тильды и седого старика. О чем говорили отец и дочь Эмма не понимала и не стремилась разбирать. Она хотела только помочь бедному Жану. И силы вернулись к нему. Он открыл глаза и закашлял. Эмори Уилл бросил опустевшую кружку на землю.

— Где я? — Жан бегло глянул сначала на Эмму, потом на Эмори Уилла.

— Милая девушка спасла тебя, дорогой мой Жан. У нее волшебные руки, — Эмори Уилл улыбнулся. Он любовался тем, как Эмма наклонила голову, как дотянулась до мочки уха и убрала выпавший локон под шапочку пчелки, как затряслись кружевные крылышки, и

как она нервно топнула ножкой в башмачке с желтым бантиком.

Эмма, наоборот, смотреть на приставучего чужеземца в залатанной рубаше не желала. Чернобровый, и брови слишком густые, нависают над глубоко посаженными глазами, кажутся свирепыми. Сам он кучерявый, короткие волосы так и вьются, походят на шапку из мелких завитков.

— Думаю, моя помощь вам больше не потребуется, — резко бросила она. — В кувшине вода. Там еда и сладости. Если будете в состоянии, можете прийти посмотреть спектакль, начало в половине пятого.

Тут Эмори Уилл схватил ее за локоть. Эмма не спешила вырываться. Стала смотреть на него. Внутренний голос подталкивал к побегу и заставлял думать о дружбе с милым Чарли. Но ее как магнитом тянуло к кучерявому брюнету.

— На вашем платье десять полосочек, — доложил Эмори Уилл и отпустил Эмму.

Она же свободы не ощутила. Темные глаза чужеземца теперь любовались ее лицом.

— Веселитесь, — только и успела сказать Эмма. Мысленно она надеялась, что больше никогда не встретит этих людей.

— Стойте! — крикнул Эмори Уилл. — Объясните, зачем?.. Зачем вы устроили эти гуляния? Я удивился, когда узнал, что все здесь просто приходят и берут.

— Вам интересно? — Эмма усмехнулась. — Хорошо, я отвечу. Когда я планировала праздник, то представляла действо иным. Думала, соберутся горожане, фермеры, я стану их угощать, мальчики помогут их развлечь. И все на пару часов подобреют, забудут обиды. А вышло, что ловкие и упертые побывали и у дальних прилавков, и у близких, им достались лучшие куски, десерты и развлечения... К тому же силач... Думаете, вы первый, кто подрался? Только и занимаюсь тем, что выхаживаю покалеченных. Простите, но мне нужно помочь леди Тильде.

— Но, — вдруг сказал Эмори Уилл и коснулся щеки рукой. — Вы помогли моему другу, помогите и мне. Силач порезал мне лицо... Моя рана станет язвой, если вы уйдете сейчас.

— Вам? — Эмма прищурилась. — Не вижу у вас царапин.

Она засмеялась и вышла на площадь. А Эмори Уилл посмотрел на кончики пальцев. Они были абсолютно чистыми. И Жан ранок у него не заметил.

25

Эмма вернулась за прилавок. Тильда уже не успевала раздавать десерты и еду всем желающим, очередь выстроилась до самого фонтана. Девушки на входе прекратили раздавать бумажки. Они взяли часть потока на себя. Люди кричали, выхватывали полученную еду и грубили. В амфитеатре уже никого не было. Все только и мечтали побольше ухватить. Никого не интересовали имена организаторов праздника. Эмма следила, как несколько пар рук, Тильды и помогавших ей пчелок, переплетались и тянулись с гостинцем к первому номеру. Стоящий в очереди долго думал, рассматривал, что лежит на тарелках и подносах, затем просил заворачивать все подряд и по четыре порции. Гул потянулся в самом хвосте. Многие беспокоились, что головные унесут все и им не достанется даже жалких крох. Понеслись грубые выкрики. Эмма закрыла уши. Среди ожидающих своей очереди она увидела Эшли и Чарльза. Чарльз мило подхватил «подругу» под локоток, а вечно хмурая Эшли сейчас прेमилко кокетничала с ним и показывала пресолнечную улыбку. Даже тусклые волосы пепельного цвета теперь были яркими, сочными. И румянец на круглых щечках заигрывал с сочинителем пьес. И налитые счастьем раскосые глаза блестели и одаривали душевным светом. Никогда Эмма не видела Чарльза

таким воодушевленным. Эшли смеялась, а он, подняв руку к небу, зачитывал новый стих... Звон ударил в виски.

Тильда отпустила очередного гостя. Эмма замерла, как статуя, казалось, она сейчас проберется к фонтану, сорвет с себя нелепое платье с крыльями, топнет ножкой и закричит от боли и разочарования. Чарльз и Эмма приближались к прилавку. Они обсуждали акт из его пьесы и смеялись.

— Интересно, когда меня поставят в известность?

— По-моему, они просто дружат или вживаются в роли, — заметила Тильда.

— Вижу их такими во второй раз. Эшли! Моя верная «подруга» приходит из Академии, запирается в комнате и предпочитает делиться своим счастьем со всеми, кроме меня! Он же... Чарли стал так редко навещать меня...

— Эмма!

— Пойду проведу наших «больных», — сказала она Тильде. — Не нужно, чтобы они меня здесь видели.

26

Правитель Тельман сидел в мягком кресле. Явился с докладом господин Дюре. У старшего гвардейца был взволнованный вид. Левой рукой он сдавливал пальцы правой. В камине пылал огонь. Сухой треск доносился до Тиля, как и хруст костяшек гвардейца.

— Я назначил вас ответственным за безопасность моей дочери. И что у нас с вами получилось? — суровый взгляд Тиля полоснул лицо Дюре. — Вы уверяли, что дама в платье с голубой оборкой поймана и наказана, но свидетели господина аббата докладывают иное — уже после фактической смерти эта женщина прохаживалась по моему парку и снова посмела напугать мою дочь! И сейчас моя дочь пребывает неизвестно где!

— Гвардейцы из покоев Ее милости доложили, что Ее милость не покидала замок в течение дня. Для верности я приставил стражников и к двери на потайную лестницу.

— Но Эмма пропала, чему мы могли убедиться полчаса назад, — Тельман встал, подошел к окну и выглянул в сад. — Можете идти, — бросил он Дюре, — но помните каждую минуту и каждую секунду — ваша карьера теперь зависит от того, упадет с головы моей дочки хотя бы один волосок или не упадет.

Дюре поклонился. Гвардеец распахнул перед ним дверь. Он вышел в галерею и тяжело выдохнул. Из темноты выскочил Милтон Джон, схватил за руку и придавил острой коленкой к стене:

— Что с тобой, друг? — закричал Главный советник. — Забыл, что такое виселица или как уютно в холодном подземелье? Тебе что было приказано? Следить хорошенько за милой Эммой и выяснить, чем она занимается в последние месяцы! Ты сделал это? Подставил и меня, и себя. Я тебя рекомендовал Тельману! Я!

— Я увеличил количество гвардейцев в приемной Ее милости...

— Это знают все! А что мы наблюдали утром? Храпящих стражников и пустую кровать. Обслуга понятия не имеет, где госпожа. Как и верная Эшли. Кстати, а вот и она. Иди, действуй, расспроси «подругу».

Милтон Джон хотел задернуть занавески окна в галерее, но его привлек заросший затылок. В глубине деревьев, у небольшой беседки, кто-то был. Его сын! Чарльз держал Эшли за ручки. Вдвоем они кружились и читали свои монологи. Легкость и безумство посетили эти юные головы. Затем Эшли вспомнила о времени, быстро попрощалась и

побежала по дорожке в замок. Чарльз с потерянными видом опустился на скамейку и забарабанил пальцами по столу.

— Иди и только попробуй упустить мисс Эшли! — Милтон Джон отпустил Дюре, а сам поспешил в парк. Сына он нашел все в той же беседке. Чарльз на плотный лист бумаги переносил из своего воображения картинку — два голубя присаживаются на холодную землю и острыми клювиками подбирают хлебные крошки.

— Твой театр сведет тебя с ума, когда-нибудь, или уже свел! — крикнул Милтон Джон.

— Поясните? — Чарльз вычеркнул слово, показавшееся ему лишним.

— Я видел тебя и ту девку! Хочешь романчиков, заводи, но не в замке! А если бы вместо меня у окна с таким замечательным обзором стояли правитель или Эмма! Что бы ты сделал?

— А мне все равно! — закричал возбужденный Чарльз и изодрал листок в клочки. Отец своим появлением сбил с мысли и все покатилося вкривь и вкось. По наклонной. — Вы, отец, как пиявка засосали мою душу и не даете дышать. Только и мечтаете о скорейшей свадьбе, а правитель терпит меня, потому что я мил его несравненной Эмме. А сама Эмма вертит мной, как хочет.

— Сиди тут, я позову лекаря...

— Не нужно, отец, — Чарльз схватил советника за рукав камзола. — Я намерен разорвать все отношения с Эммой. Этот образ меня более не вдохновляет!

— Красавицу затмила чернавка? — Милтон Джон засмеялся. — Только ты многого не знаешь о тихоне.

— Эшли самая восхитительная. С ней можно говорить и говорить. Жалею, что не замечал ее раньше.

Милтон Джон вздохнул. Неприятность с Дюре это так пыль, засорившая один глаз, одно ухо. Новость, которую подкинул Чарли волновала куда больше.

— Тебе дорога эта служанка?

— Я соберу труппу, и мы будем гастролировать.

— Если доживете, — хмыкнул Милтон Джон. — Он, — советник кивнул в сторону замка, — лепешку из тебя сделает, а в первую очередь поиздевается над твоей новой актриской, так как она главная причина слезок любимой дочурки! Сейчас он чуть не впечатал бедного Дюре сразу в стену!

— Он же... он должен понимать, — вымолвил Чарльз.

— Он ничего не должен. Я в этой ситуации вижу рыдания Эммы и гнев правителя. Так что, дорогой сын, тебе не отступить.

Милтон Джон похлопал сына по плечу и встал. Он был рад, что нужные слова так легко нашлись. Сначала он хотел кричать, повышать голос, но потом подумал, что больше подойдет спокойствие и твердость.

Чарльз молчал. Он решил говорить вечером с Эммой. Она должна понять... Другое детства.

— Господин главный советник! — Милтон Джон увидел бегущего к беседке гвардейца. — Беспорядки! Две дамы устроили такое! Они раздают еду и сладкое всем желающим, поставили прилавки, откуда-то появилась сцена и каменные ступеньки для зрителей! Вы должны это видеть! Когда мне рассказали ребята... Одним словом, они сами были удивлены! И меня удивили. А потом выяснилось, что мероприятие проходит с раннего утра!

— Как! — затопал ногами Милтон Джон. — Личность преступниц выяснили?

— Нет, — гвардеец покачал головой. — К прилавкам сложно подобраться. На площади собрался весь город с коробками, тарелками, со всем, что есть в доме! А кто эти две дамы, никто не интересуется.

— Готовь носилки. Едем сейчас же, пока новость не облетела замок, — велел гвардейцу Милтон Джон. Единственной мыслью было, чтобы об празднествах не узнал правитель.

Серебряные плащи Эмма заметила сразу. Гвардейцы шли к площади выстроенной по протоколу колонной. Еще минут десять пути, они свернут в переулок, а потом самым коротким маршрутом выйдут к фонтану. Отряд возглавлял господин главный советник. Эмма не могла не узнать отца Чарльза. Тильда перекинулась с воспитанницей взглядом и молча кивнула. Волна нахлынувшего ветра тут же смела с площади остатки людей, неведанная сила разрушила прилавки с едой, повалилась в непроглядную пропасть сцена и замер фонтан. Мальчики и девушки через портал отправились в сад. Упал на каменный булыжник сухой листок. Эмма подняла его. Из переулка выплывали первые гвардейцы. Тильда открыла портал и обе они исчезли, а площадь растворилась в темном сне.

У Милтона Джона застучало сердце, то ли от удивления, то ли от радости, когда он увидел пустую площадь и неработающий фонтан. Гвардеец, принесший ему весть, спрыгнул с лошади и побежал к носилкам.

— Уверю, господин главный советник. Час назад здесь работал даже фонтан, который много лет никто не может отремонтировать.

— Я верю тебе, — Милтон Джон приподнял шторку. — Ты слишком медленно бежал, чтобы доложить о событиях, происходивших здесь. И как прикажешь искать виновных? Что мне докладывать правителю?

Гвардеец молчал.

— Ладно, иди, проспись и надейся, что правитель не узнал о случившемся. А теперь уж никогда не узнает.

Милтон Джон махнул рукой. Слуги развернули носилки к замку, а сам он ликовал — хотя бы одна неприятность позади — и был готов петь песню, как и мечтать о том, чтобы к его возвращению нашлась еще бы и Эмма. Тогда правитель еще больше признал бы его заслуги и наградил за помощь.

Эмма думала об Эмори Уилле, путнике с праздника. Она сидела в темной спальне, у окна, и смотрела, как над круглыми башенками сгущаются сумерки. Ночная стража зажигала в парке факелы. Вдалеке мама прохаживалась в компании того же господина. Эмма узнала его по расшитому серебром плащу. И вспомнила, что папе грозит опасность.

— Нужно узнать! — воскликнула она и сорвалась из кресла в приемную.

В передней в кружок выстроились служанки и гвардейцы, но Эмма тенью промелькнула мимо и не удостоила никого взглядом, словом или вниманием. Нестерпимый звон напомнил о себе. Эмма покачнулась, бросила пару ласковых слов незнакомым людям в арочной галерее и боль утихла.

Праздник настолько ее вымотал, что она забыла о подслушанном разговоре в комнатах матери. Потом все мысли ее заполняла трогательная беседа Чарльза и Эшли.

«Подруга» не походила на привычную себя. Тень воплотилась в тело. Даже взгляд стал веселым, одурманенным. Утром Эшли расчесывала гребнем волосы Эммы, а сама смотрела и скорее мечтала, когда же солнце перевалит за полдень и ее отпустят в Академию на репетицию.

Сегодня Эмма вздумала спросить «подругу» напрямую. Но стала придирается к сделанной работе — к прическе, к мятому покрывалу, к прохуdivшемуся пологу, который никто не думал менять, к потертому коврику, к пятнышкам на полу, к засохшим в вазе бутонам. Эшли краснела на месте, забивалась в свою тень, но переживала все неприятности в смежной комнате. Она спешила закончить работу как можно скорее, чтобы после обеда убежать из замка к Чарльзу. Только на сцене у нее получалось расправлять крылья, только там она могла цвести, только там первый пункт плана осуществился, и она понимала, что готова к свершению второго.

В одной из ниш Эмма увидела Чарльза и резко пригнулась, пока он ее не заметил. О чем говорить с другом она не знала, а продолжать молчать тоже больше не могла. Чарльз ушел, а Эмма сбежала по лестнице в нижнюю галерею и через арочную дверь вылетела в парк. Мама не ушла. Она стояла в тени горящего факела и куталась в бордовый плащ спутника, которого сейчас при ней не было.

Эвелин заметила раздетую дочь на крыльце. Улыбнулась.

— Прохладное время для прогулок, Ваша милость, — пробормотала она и пальчиком шевельнула в черном воздухе. Ее душа пела и радовалась, а ухмылка на губах походила на улыбочку кота, который вдруг оказался доволен и счастлив после съеденной втайне от хозяев вкусной сметаны.

Эмма подумала, что план матери и ее сообщника начал работать. Или начнет в ближайшее время. Она подождала, пока мама поднимется на второй этаж и только потом побежала дальше. Дул холодный ветер и на плечи падала черная мгла. Эмма, заглушая звон в висках, мчалась сама не зная куда. Она была раздета, но ей было тепло-тепло, а если удавалось пробежать под светом горящего факела, то она замирала и глядела в ту сторону, где было озеро. Самое любимое ее место. У озера она впервые встретила Тильду, у озера узнала правду о себе, у озера Чарльз впервые предложил исполнить роль девушки в розовом платье. Теперь все героини списывались с Эшли. Чарльз снял с «подруги» серый наряд, на

страницах пьес передел в яркие цвета и небывалая энергия заиграла в хрупком тельце Эшли. И очень разрушительная по своей силе.

— Нет, не будет этого! — Эмма топнула правой ножкой и плюхнулась на белый камень. Именно здесь она обычно выслушивала нравоучения Тильды.

Мысленно она позвала седого, но старик в конусообразной шапке не отзывался. Только он знал и мог забрать силу Белого Камня. И дар этот Эмма теперь расценивала несколько иначе. Она твердо решила вернуться к прежней жизни, заменить прогулки по улицам праздниками до утра, требовать у отца как можно больше денег и тратить их на бесполезные вещицы, а также приказывать, чтобы к озеру ее отныне доставляли в носилках и в сопровождении свиты. И отец будет рад, что любимая дочка перестанет теряться. Эшли получит по заслугам... А Чарльз... Бедный Чарли поймет, как много упустил, променяв верность подруги детства на осколки призрачного театра.

— О чем думаете? — Эмма услышала голос и прыгнула с камня. Рукой смахнула сухие слезы. У самой кромки воды, ковыряясь ногами в остывшем песке, сидел он, путник с праздника.

— Как вы попали сюда? Здесь опасно! — тихо пробормотала Эмма.

— Чудесная ночь, — сказал Эмори Уилл тоном, как будто Эмма и не предупреждала его об угрозе. — По-летнему тепло, слегка ветрено, ясно и звезды сверкают над головой, как сотни маленьких огоньков. Плеск воды завораживает. А черная гладь так и тянет, туда, в сизую дорожку. Смотрите. Полная луна светит, чертит линию. Интересно, если пройти по этому пути, он приведет к свету или свободе?

— Уходите! — снова крикнула Эмма. — Этот парк примыкает к замку, жилищу правителя. Горожанам бывать здесь запрещено.

— Но вы же не струсиле? — усмехнулся Эмори Уилл. — По-вашему, вам можно, а остальным нельзя?

Он вынул ноги из песка, обулся и с недоверием глянул на Эмму. Девушка, прыгнувшая с камня, уже мало походила на пчелу с городского праздника. Сам удивился, что признал ее. И дело было не в цвете и дороговизне ее наряда. Дело было в манере держать себя и в повелительном тоне.

— Нет, что вы! — вымолвила Эмма. — Каждый вечер я надеваю это платье и пролезаю в дырку у восточных ворот. Прихожу сюда и думаю вон на том камне. В одиночестве. Знаете, к утру голова свободна ото всех проблем.

— А у вас есть проблемы? — с недоверием спросил Эмори Уилл.

— А у кого их нет! Вот нам сейчас нужно спрятаться. Хотя бы в те кусты! Видите, между веток мелькнул серебряный плащ. Не поздоровится, если гвардеец обнаружит нас и схватит.

Эмма шустро схватила его за руку и Эмори Уилл силой перетасил ее за высокие, недавно посаженные кустарники. Гвардейцы прошли мимо.

— Уходите, — велела ему Эмма.

— Кто вы? — поинтересовался Эмори Уилл. — На простую девицу из деревни вы совсем не похожи.

— А я и есть простая девица из деревни! Прожила с матерью в покосившемся доме почти всю жизнь. А два месяца назад, вы не поверите, но такое бывает, я узнала, что мой отец был приближен к самому правителю! Он оказался очень богатым, и все состояние отписал мне. Моя жизнь изменилась. Я вроде должна была бы получить счастье, и... не

получила. Вместе с золотом и большим домом пришли несчастья. Законная семья отца меня ненавидит, как и мою мать. Жена его ищет способы забрать наследство. Вы не верите? — вдруг спросила она.

Эмори Уилл молчал.

— Я сам приехал в ваши края не просто так. Скажите, а вы бываете в замке?

— Конечно.

— И могли бы устроить мне знакомство с влиятельным человеком? Я хорошо играю на скрипке и пишу стихи... Мне нужна работа...

Эмма задумалась. Потом увидела полный диск луны и... Седой не пришел выручать ее. Что ж! Она сама отыщет тот лес, избышку, книгу, прочет заклинание и Белый камень заберет свой дар. И ли на худой конец можно сдать отца и дочь черному облаку. Что за сад? Такой ли замечательный он на самом деле? Блестят ли голубые крыши на ярком солнце или виной всему магия? Магия!

— Не смей! — прошептал кто-то рядом. Голос принадлежал старику. — Должен признать, что дочь моя была права.

Эмори Уилл никак на данную речь не прореагировал. Он не слышал никого кроме Эммы. Как и не видел.

— Так вы поможете?

Эмма кивнула и увидела языки пламени в кострах, которые разожгли слуги главного советника на другом берегу озера. Там был праздник, веселье и суета. Она придвинулась к Эмори Уиллу. Теперь в нем она видела друга и внутренний мир колебался в самой груди. Тильда требовала немедленно спасти сад от врага, а отец призывал к хорошенькой мести Чарльзу и жестокой забаве с милым путником в заплатанной рубашке. Эмма смотрела в глаза едва знакомому человеку, а думала о боли, которую причинит бедному Чарли.

Эмори Уилл тоже почувствовал какую-то энергию, но совладать не мог. Его тянуло к этому красному, жгучему платью...

— Я приду утром, — сказала Эмма и поднялась.

— Буду ждать.

— До встречи?

— Пока.

В спальне был отец. Эмма сразу же поникла, едва заметила яростный блеск у него в глазах.

— Гвардейцы доложили, что моя дочь сбежала, Эмма, — папа махнул рукой и его слуги один за другим покинули комнату. Эмма рухнула на кровать.

— Я была у озера, папочка, — беззаботным голоском доложила она, но взгляд отца не смягчился. Он насупил морщины на лбу, свел мохнатые брови в угрюмую линию и немного развернулся. Эмма заметила красный след у него на щеке и небрежно заправленную в штаны рубашку. На руке болталась рыжая веревочка с золотым кулончиком.

— Одна? — поинтересовался Тельман.

— Да. Мне нравится бывать там. У белого камня. Вросшего в землю.

Тут он покачнулся слегка, но равновесие все же удержал.

— А ту женщину ты больше не видела?

— Нет, папочка.

Эмма поднялась и захотела подойти к отцу, но он жестом осадил порыв чудо-ребенка. На этот раз проказницу музыка серебряной флейты не спасет.

— И все же — мое решение, Эмма. В замке не безопасно. Пропали две леди. И леди Алисия ночью жаловалась, что кто-то пришел душить ее в комнатах. К тому же мой отряд со дня на день выступит против горцев. Поэтому мадам Эдмон и Эшли будут ночевать в вашей комнате. Это приказ.

— Папа!

— Нет, Эмма. Приходи утром. Тогда и поговорим. Если я буду свободен, конечно.

Быстрым шагом правитель Тельман покинул спальню дочери. Таким озабоченным Эмма еще не видела его. Своего любимого папочку.

— Рыжая красотка охмурила, — шептались влетевшие в комнату служанки. Одна складывала в шкатулку драгоценности, другая переливала из кувшина в жестяную миску мыльную воду. — Уже второй замок отписал ей. Главный советник и тут корни пустит. Вот увидишь. — Обе захохотали, но заметив гневный взгляд Эммы, выпрямились.

— Ваша милость! — Эшли бросилась к ногам Эммы, но она не подпустила «подругу» к себе.

— Мне поможет леди Ива.

За час до сна слуга мадам Эдмон притащил лежачее кресло, и старшая няня удобно расположилась в нем, подсунув под спину подушку. Эмма легла в постель, Эшли задула свечи и села рядом с мадам Эдмон. Они болтали о чем-то. И под тихий шепот Эмма заснула.

А среди ночи вдруг открыла глаза. Нет не лил дождь, и не клевала засов на решетке окна птица. Кто-то смеялся в самом темном углу. И еле слышно беседовал...

— И что? — спрашивала мадам Эдмон.

— Это случилось, мадам Эдмон, он увлекся мной.

— А я предупреждала, что у всех мужчин случаются подобные проблемы... Вам, Эшли, не следовало ходить туда.

— Как будто меня спрашивали! Господин Дюре схватил в галерее и отвел в его комнаты. А я ровесница Ее милости!

— Да, бедный Тиль всегда любил только Эмму. И что за девчонка, испорченная? Отец все для нее делает, а она упрямиться вздумала.

Мадам Эдмон глянула на изголовье кровати. Эмма для достоверности захлопнула мокрые от слез ресницы. Ей почудилось, что если она видит Эшли и мадам Эдмон, то они могут заметить, что и она не спит. К тому же правая нога затекла, и Эмма через боль терпела неудобное положение.

— Правитель, — Эшли чихнула. Эмма вздрогнула в своей постели. — Явно звал меня не для того, чтобы угостить ужином. Он глянул на мою руку, вот на этот палец, и велел господину Дюре проводить до комнат.

— Странная история.

— Да! — Эшли вздохнула и глянула в темное окошко. — Скажите, а вы хорошо знаете правителя? Что ему нравится?

— Мне известно только одно — Тиль все тот же маленький мальчик, который когда-то рассуждал о справедливости и честности. Только морщины лоб изъели.

— А кто Ее милость для него?

Мадам Эдмон задумалась.

— Эмма — единственный человек на белом свете, которому Его милость никогда ничего не сделает. Вы уж верьте мне. Он уничтожит всех, кто влезет в их отношения, а потом будет как одержимый бороться за любовь и признание дочки. Даже если она предаст

его.

— Поэтому он недолго любит Чарли?

— Возможно, Эшли, возможно. Только я не знаю точно. А предполагаю.

Под тихий шепот женщин Эмма снова уснула. А во сне ее осенило — зачем Эшли понадобилось внимание ее отца, если она уже отобрала у нее Чарли?

29

Тильда во сне пробралась к Эмме и потащила воспитанницу к Белому камню. Эмма вновь ощутила небывалую лёгкость и ночное путешествие в сад даже порадовало. Мадам Эдмон сторожила ее в комнате, а Эмма все же вырвалась и теперь пролетала над зеленеющими лугами, лучи солнца били в голубые крыши. И на полянке их ждал седой. Впервые он улыбался. И даже морщинки возле сухих губ разгладились.

Эмма приземлилась вслед за Тильдой.

— Днем не безопасно, Эмма. Тебя уже не выпустят в парк, как раньше. Гвардейцы станут ходить по пятам. Может быть и тайно. Умоляю, будь осторожна. Оно в логове? — теперь Тильда обратилась к седому.

Старик кивнул. Конусообразная шляпа слетела с его головы и замкнула вокруг себя по желанию отца Тильды мерцающее свечение.

— Как только цепь разорвется, мы будем знать, что оно вылетело на охоту.

— Тильда! — крикнула Эмма.

— Что, девочка?

— Папа злился вечером. Позволь мне рассказать ему о тебе. Он ничего не сделает, обещаю. Я попрошу осыпать тебя золотом и подарить замок. Он завел себе рыжую... Он заберет у нее подарки, если я захочу. Тильда!

Седой засмеялся. А Тильда презрительно шепнула:

— Нет, Эмма. Не время твоему отцу вмешиваться в наши дела. Прикладывай ладонь.

— Скорее, девочка. Черное облако проснется, и мы упустим шанс.

Эмма замолкла. Отпечаток чужой ладони манил. Ей казалось, что у папы точно такая же рука — твердая, сильная, уверенная. А как он стучит кулаком по столу в своем кабинете. Пугается даже опасный, по мнению Тильды, господин аббат. Но никто в замке не знает, что папа обожает сидеть у огня и греть руки, что он спит в колпаке с кисточкой. Нет, это известно Гастону. Эмма закусила розовую губку и стала обдумывать как убрать из жизни папы и рыжую, и Эшли... Эшли...

— Эмма! Проснись же! — заорала Тильда и Эмма поднесла ладошку к отпечатку на камне. Только свет не озарил поляну, огненные символы не мерцали перед глазами и текущей по рукам силы Эмма тоже не ощутила.

— Да что же такое! — недоумевала Тильда и тоже зашептала. Ей стал помогать старик, а потом вдруг засуетился и велел прекратить — светящийся круг разомкнулся, а потом и вовсе пропал. Но Тильда не могла позволить себе отступить. Она придавила ручку Эммы, и та всхлипнула. Ей казалось, что ее чем-то полоснули острым, горячим. Она убрала ладонь и увидела покрасневшую кожу, а от камня валил в небо витиеватые столб черного удушающего дыма.

Потом тучи набежали на ясное небо. Седой заметал огненные шары. Тильда набрала воздух в легкие и дунула что есть мощи. Эмма увидела мохнатое щупальце, оно просунулось сквозь небольшую брешь, прикоснулось к груди повалившейся на траву Тильды и стало сосать из нее силу. Эмма подумала об отпоре и щупальце сначала задрожало,

закочевряжилось. Потом поднялось и пропало. Тильда открыла глаза, взмыла к небосводу.

— Проснулось и нашло еще один вход! — седой затопал ногами, и велел своей шляпе взлететь. — Нужно усилить защиту. Собирай остальных. Время чтения и игр прошло.

Тильда спустилась с неба и повалилась спиной на белый камень. Из вздымавшейся груди текла кровь. Заляпала голубую оборку платья. Эмма бросилась к наставнице.

— Нет, я сам, — возмутился седой. — Не хватало, чтобы и тебя ослабило.

— Да что здесь происходит? — закричала Эмма.

— Оно играет с нами, Эмма. Возвращайся к отцу. А я приду в себя и в избушку. Книга не могла обмануть.

Эти слова были последними. Эмма проснулась в поту в своей кровати. Черное облако остановило время и теперь покачивалось в обличии знатного господина на скамеечке папы. Было темно и Эмма не смогла разглядеть его лицо, к тому же она боялась смотреть на него, а потом все же стянула одеяло с глаз и увидела, что враг маскируется. Она видела его черным облаком, небольшого размера, круглым и с торчащими ручками.

— Не время, — произнес он ревушим голосом и, казалось, стены замка уже задрожали и вот-вот рухнут. И спящая в кресле мадам Эдмон не защитит. Призрачная стена отделила ее. И оглушила во сне.

Эмма натянула одеяло, но говоривший сдернул единственную защиту и требовал смотреть на него.

— Тебе решать, красавица. Не отдашь добровольно то, что тебе не принадлежит, займись любимым папочкой.

— Эмма, не смей бороться, — зашептал седой. — Терпи...

— Ну же, давай, прогони меня! Прогони! — закричал враг и раздулся до больших размеров. Эмма лишь заморгала глазенками, а после велела подать ей одеяло и укрыть.

Облако затряслось. Оно металось по комнате, летало от одной стены к другой, сильный ветер бил в створку, подгонял его. После оно превратилось в черную точку и пропало. Хлопнула решетка окна. Призрачная стена разрушилась. Мадам Эдмон очнулась и бросилась к кричащей воспитаннице. Из смежной комнаты вылетела Эшли. А папа не пришел. Дверь спальни так и не открылась. Эмма ждала его, но в этот раз ее успокаивала только няня.

Эмори Уилл проснулся от яркого солнца. Эмма, уже в другом платье, сидела на камешке.

— Спина не затекла? — весело пробормотала она. — Я вам поесть принесла. — Эмма подала плетеную корзинку. Запах свежего хлеба одурманил путника. Еще там лежал красный помидорчик и холодная ножка, посыпанная листиками петрушки. Как же давно он не ел! Нормально. Нужно будет обязательно оставить Жану...

— Да нет, — Эмори Уилл потянулся и набросил на себя то, что скромно называлось — рубаха. — Вы сдержали обещание.

— Сдержала, — Эмма усмехнулась. Хотя ей многое приходится теперь преодолевать, чтобы выбраться из спальни, покидать которую запрещено и мадам Эдмон, и Эшли. Но обе так вымотались после ночной истерики, что уснули, а Эмма воспользовалась шансом и открыла портал. Она бежала на встречу с Эмори Уиллом, а в голове крутилась одна мысль — мечь Чарльзу. О лунном притяжении она даже не вспомнила. А потом вдруг подумала о том, что устроит отец слугам за очередной побег... Плохие сны... Истерику... Испугалась... И спрыгнула с камня.

— Прогуляетесь со мной по городу? — предложил Эмори Уилл.

— У меня очень мало времени! — воскликнула Эмма. — Давайте в другой раз, если я не успею на завтрак... И моя мама... узнает о встречах... Впрочем, я не советую вам с ней встречаться.

Эмма ближе подошла к юноше и прошептала на прощание:

— Обещайте не удивляться, если встретите меня где-нибудь в другом месте.

После она убежала, а растерянный Эмори Уилл поднял корзинку с едой и побрел к дырке в заборе. Странная девушка, подумалось ему, но он точно не сможет забыть ее улыбку и теплоту голоса.

Жан поджидал спутника в небольшой комнатке с двумя кроватями. Временное жилье друзья нашли в одном из гостевых домов. Номерок был мал и скромно обставлен. Круглое окошко в дальнем углу едва впускало солнечный свет, стол теснился у дальней стены, рядом два стула, при чем у одного была поломанная ножка. А железная печка совсем не грела. Хозяйка пожаловалась на нехватку дров.

— У вас же леса!

— А что, разве наши?

Жан лежал на одной из кроватей и резко вскочил, едва Эмори Уилл отворил низенькую дверь.

— Уже не знал, что и думать! Ушли, ничего не сказали. А мы в опасности! Каждый день!

— Мой дорогой Жан, не говори глупостей... — Эмори Уилл сел на стул и мечтательно произнес. — У меня случилась волшебная ночь... Представь... Озеро, полная луна, призрачный шепот веток, темный парк и зажженные костры на другом берегу.

— Вы снова повстречали ту единственную и несравненную... В какой же раз? Впрочем, неважно... Имя хоть спросили?

— Спросил, Жан, спросил. — Эмори Уилл открыл шкатулку. Внутри лежало золотое

кольцо. — Пойди лучше продай вот это. И раздобудь еды. Я голоден. В корзинке есть кое-что, но оставим на ужин. Согласен?

Жан увидел аппетитную ножку и всхлипнул от счастья, а Эмори Уилл вздохнул и глянул в окно. Залитые солнцем переулки постепенно заполнялись людьми. Они были на улицах, за прилавками, кто-то копошился в грязи или пытался вытащить из каменного колодца ведро с водой. Черпнуть. Женщина в чепце тащила вязанку дров на горбатой спине. Острые колючки царапали шею, но она уверенно тянула свой груз дальше, к кособокому домишке под соломенной крышей в дальнем переулке. Разодетый в меха вельможа чинно попивал пенный напиток на пороге одноэтажного заведения. Совсем рядом перекачивался на руках уличный артист — колокольчики забавно звенели на зеленой шапочке.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Потом речи. Усатый толстяк забрался на дырявую бочку и стал разбрасывать листовки. Горцы убивают диких зверей, горцы загрязняют реки, горцы пресмыкаются. Их нужно учить. Облагородить. И правитель Тельман готов спасти этих людей от гнета молодого тирана.

Собравшаяся вокруг толстяка толпа гудела. Он призывал всех идти в палатку на главной улице и записываться добровольцами. Особенно молодых.

— Ваши родные получат...

Потом фермер крикнул:

— Не верьте! Ведьма! Его дочь...

Люд набросился на мужчину, сдал гвардейцам и фермера увели куда-то...

Жан вернулся в течение часа с завернутыми в чистую тряпку кусками белого хлеба с сыром. Питевой водой в кувшине поделилась хозяйка гостевого дома.

— Садись, давай, — бросил ему Эмори Уилл. — Нужно хорошенько подкрепиться, прежде чем мы пойдем шататься по улицам. Ты видел?

— Конечно. Они уже не готовятся выступить, а упорно идут.

Жан сел на пустой стул.

— Знаешь, она чудесна, — вдруг сказал Эмори Уилл. — А в красном платье походила на алую розу. С острыми колючками, которые не ранят. Скорее на дикую розу.

— Кто она?

— Да, точно, я же не сказал тебе ее имя. Помнишь пчелку с праздника?

— Вы снова встретились?

— Да, — подтвердил Эмори Уилл. — У озера в парке. Я провел там бессонную ночь, дорогой Жан. Чудесную ночь. Она необыкновенна. Таких девушек я еще не встречал. Жаль наш связной так и не явился. Наши планы? Где теперь искать его? Когда мы даже не знаем, кто он.

— Я ведаю одно — вам нужно успеть заполучить секретные бумаги с планом нападения. А общение с девицами вас только отвлекает!

Эмори Уилл стряхнул крошки с холщовых брюк.

— Абсолютно точно, дорогой мой Жан. Только у этой девушки, замечу, есть связи в замке, правда не уверен, что она не солгала. Только там мы можем узнать что-то существенное. Куда подевался наш связной, например. И существует ли он...

— Вот это правильные мысли.

— Идем скорее, — крикнул Эмори Уилл, когда закончил есть. — Лидер тайного отряда должен был письмо передать в трактир...

— А после дела можно заскочить на главную площадь. Я слышал, как казначеи

говорили торговцам, что правитель представит сегодня свою дочь-наследницу.

— Дочь? — приподняв брови спросил Эмори Уилл. — Всегда думал, что у Его милости сын. Хотя... Мне никогда не казалась интересной его жизнь, чтобы за ней следить.

— Дочь, и как сказал торговец хлебом, очень красива. Он видел ее один раз в носилках. И я бы посоветовал вам обратить на нее внимание.

— Да никогда! — Эмори Уилл заметался по комнате. — Грядет честный бой, милый Жан. И если я не получу в ближайшую неделю нужные бумаги, то достойно погибну, но правитель ничего не получит из моих рук добровольно. Запомни это.

Жан молчал. Судьба страны горцев висела на волоске. Даже на рынке в открытую обсуждали, что правитель Тельман способен захватить любую территорию. При чем за пару дней.

— Вы путаетесь у него под ногами.

— Знаю. И торжественно клянусь, что собираюсь защищать границы от его мерзких ручонок. Идемте, Жан.

31

Эмма увидела суровые брови отца и поняла, что опоздала. Слуга помог ей забраться в носилки и опустил шторку.

— Не знала, какое выбрать платье, — оправдалась она. — В столь важный день я не могу подвести моего папочку.

— Я не могу сердиться на тебя, Эмма, — сказал Тиль. — Скажи, ты помнишь как в замок попала твоя подружка? Кажется, ее зовут Эшли...

Опять эта Эшли... За последний час от кого только не слышала Эмма имя служанки. Мадам Эдмон хвалила за усердную работу и упорство, Чарльз успел восхититься талантами новой актрисы на сцене, мама повысила ей жалование. Теперь и отец...

— Впервые я увидела Эшли у кованых ворот.

— Точно?

— Папа! — крикнула Эмма.

— Я просто спрашиваю.

— Именно так, — еле слышно пробормотала Эмма и отвернулась. — Я боюсь, папа.

Тиль прижал свою дочку к плечу.

— Понимаю. У самого когда-то ноги подкашивались. А в клятвах я забыл озвучить важный абзац. Но, как видишь, окреп.

— Скажи, а обладание властью захватывает?

— Да, Эмма. Просто невероятные ощущения. Энергия. Мощь. Особенно, когда стоишь на балконе и эти глаза смотрят на тебя. От одного произнесенного слова будет зависеть их судьба. Твоя же решилась, едва я положил тебя в затянутую пологом колыбель...

Носилки остановили вблизи здания городского суда. Широкий балкон с кованными перилами выходил на большую, оцепленную гвардейцами площадь. Справа высилась железная крыша управы наместников, слева блестели на солнце стены здания казначейского ведомства, а немного позади кованный забор окружал темницу. Башню из серого и холодного камня. Рядом высились шесты. И покачивались на ветру, облепленные... Эмма закрыла глаза. И старалась больше не смотреть в ту сторону.

Для подготовки к церемонии ей выделили отдельную комнату. Как только дверь закрылась, она вызвала Тильду. Тильда через портал явилась в ту же секунду, вытянула руки и восхитилась интересным кроем платья. меховая мантия лежала у Эммы на плечах, а в

волосах сверкала новая диадема.

— Я не могу! — воскликнула Эмма. Она сняла с себя корону, мантию и бросила все на стул. — Отец позволяет мне занимать чужое место!

— О чем ты? — Тильда повысила голос. — Я не узнаю! Эмма! Где твоя самоуверенность! И что тебе сказала мама, расскажи...

— Мама и один господин замышляют против отца заговор. Они узнали некий секрет папы и собираются его огласить. Мне страшно, Тильда. Мне кажется, я выйду туда, на балкон, и все потеряю.

— Не потеряешь, — Тильда махнула рукой и на Эмме вновь оказалась диадема и меховая мантия. Эмма глянула на себя в зеркало и увидела искаженное отражение незнакомой ей девушки. Это был кто-то другой, но с ее глазами и лицом. Та, которой раньше не существовало.

— Где твоя мать? — быстро затараторила Тильда.

— В соседней комнате. Ее одевают.

— Не грусти, дорогая. Так и быть, говори с отцом. Он должен сам разобраться со своей женой. А черное облако отныне будет иметь дело только со мной. Твоему папе с ним, к сожалению, не справиться.

— Кто он в облике человека? Ты его знаешь? Это седой старик?

Тильда засмеялась.

— Нет, Эмма, они похожи, но это совершенно разные люди. Иди с отцом и не переживай. Я буду стоять у тебя за спиной, даже если меня ты не увидишь.

Тильда исчезла. Найти комнату Эвелин оказалось не сложно. Ее милость вертелась у зеркала в окружении самых близких дам. Все они ругали верховного правителя за необоснованность решения назначить Эмму наследницей, когда Ее милость в положении. Эвелин, напротив, была спокойна. Она прикладывала к груди шелковые шарфы и завязывала их различными узлами.

Тильда вошла в комнату через дверь, чем вызвала удивленные взгляды. Эвелин потянулась к колоколу, но Тильда, прищурив глаза, заявила:

— Не советую вам это делать, Ваша милость.

— Как вы сюда попали, милочка? — вставила слово леди Ива и дернула остреньким подбородочком. — Нужно непременно поговорить с Его милостью, охрана Ее милости совсем ненадежна.

Другие дамы поддержали леди Иву и зашептались.

— Замолчите все, — рявкнула Эвелин. — Выйдите и ждите за дверью!

Дамы покорно оставили тесную комнату. Эвелин села на стул. Тильде пришлось стоять.

— Так-то лучше, — сказала она и без разрешения стянула с вешалки накидку. Намотала на шею и склонилась над Эвелин.

— Немедленно говорите, зачем явились и убирайтесь, — гаркнула Эвелин.

— Хорошо, — Тильда засмеялась. — Вы забудете о «секрете», а взамен ваш муж никогда не узнает о предательстве, обмане и покушении на его жизнь.

Эвелин засмеялась, но Тильда явно ощутила скрытый испуг в ее голосе, как и уязвимость.

— Как вы смеете! — Эвелин повысила тон. — Думаете я вам поверю? Вашим сказкам? Мой муж не глуп, и он уж точно станет слушать то, что ему скажу я, его жена, а неизвестная дама с сомнительным происхождением. Стража!

Дверь открылась. Гвардейцы тут же окружили жену правителя, но Тильда видела метавшиеся глаза Эвелин. Их обеих притягивало друг к другу, как два магнита, и казалось, что та, которая отпустит соперницу, тут же проиграет.

— Как угодно Вашей милости, — заметила Тильда. — Думайте сами, кому из нас поверит правитель. Я же предупредила. — Тильда поспешила к двери. — Времени у вас не так немного, но, думаю, вы справитесь и примете верное решение, что вам дороже — своя судьба и жизнь, или принципы, обиды и чувства.

Тильда ушла. Эвелин отпустила гвардейцев. Затем встала и опрокинула в золоченой раме зеркало.

Тридцать вторая-тридцать третья

Эмма вышла на балкон ближе к полудню. И заняла кресло с удобной спинкой по правую руку от родителей. Мама как-то странно прищурилась, стоило ей появиться. Эмма минут десять справлялась с дрожью и нерешимостью, прежде чем велеть гвардейцу открыть створку.

Час назад в галерее на первом этаже ее поймал господин аббат. Нагло вцепился иссушенными и костлявыми пальцами в ее запястье, придавил глухо к холодной стене и обвинил в заговоре.

— Ведьма. Я найду доказательства...

Эмма собрала всю имеющуюся у нее волю.

— Не бойтесь? — спросила она.

А потом шепнула презрительно, да так, что аббат покачнулся на каменных плитах, шмыгнул носом, выпрямился и пошел своей дорогой. Эмма долго смотрела ему в спину — прямую, костлявую, затянутую в черный с белой каймой хитон. А его круглая шапочка так и горела огнем на седой голове.

Впервые за всю беззаботную жизнь она испугалась. И поняла одно — папа не вечен и уже через пару лет ей самой придется защищать себя. А для этого ей нужно закалять характер и учиться показывать силу. Именно эти мысли заставили Эмму ступить на твердую плитку балкона, нацепить на прежде охваченное страхом лицо маску безразличия и подготовиться принять то, что ей полагалось по праву рождения. Ей стало абсолютно безразлично, что подумают они, стоящие за живым коридором гвардейцев и размахивающие шапками при виде своего правителя, и поверит ли доказательствам аббата отец.

Но в данный момент папа поднял руку и опустил в свое кресло. В людской толпе зашептались, гул голосов пронесся справа-налево и обратно. Милтон Джон и его сын сидели на специальных скамейках, установленных для знати прямо на площади. Милтон Джон одарил наследницу взглядом, а глаза Чарльза были пусты. Казалось, что он материально здесь, готов поддержать, а мыслями все же в заброшенном амфитеатре или в новом акте пьесы, и любитесь он ненаглядной Эшли. От досады Эмма топнула. Отец тревожной хваткой вцепился в липкое от пота запястье и спросил:

— В чем дело?

И Эмма солгала. А потом вдруг ужаснулась — она никогда не врала отцу так часто. Он все про нее знал. Ее мысли и чувства всегда были для него открыты, а теперь она почти всегда обращалась за советом к Тильде.

Часы на башне отбили двенадцать раз. Четыре трубача духовым воем оглушили собравшихся. Солнце ужасно палило в спину, не смотря на осень, пришедшую на смену лету. Эмма пожелала сдернуть с себя меховую мантию, но традиции и заведенный порядок требовали терпеть все неудобства до завершения церемонии.

Первым со скамейки поднялся Милтон Джон. Он поклонился и рассказал подробно о цели сегодняшнего, почти народного собрания, подчеркнув, что Его милости не безразлична судьба империи и поэтому на площадь допустили и простой люд. Громкие хлопки раздались за спиной Милтона Джона. Толпа в переулках засвистела, загудела, затопала. Даже фермеры. Милтон Джон окончил речь и предоставил слово правителю. Эмма отпустила руку

отца и вдруг увидела в последнем ряду Тильду. В меховой накидке она терялась среди других дам.

Правитель Тельман радостным голосом благодарил всех собравшихся и объявил о недавнем дне рождения его дочери. На этот раз Эмма слышала только аплодисменты приближенных к отцу людей. Толпа молчала. Эмма видела их лица и безликие взгляды, которые были устремлены на нее одну. Она хотела магией заставить всех восхищаться собой, но Тильда вмешалась и показала укоризненный кулак. Правитель помог своей дочке встать и поднял ее руку. Коленки Эммы дрожали. Мама смотрела ей в затылок, а папа громогласно и заглушая вой труб заявил, что с нынешнего дня его дочь является законным приемником и главным посредником по урегулированию всех социальных вопросов.

Громкие аплодисменты знати... И тихое молчание народа... Маска самоуверенности Эммы растеклась по лицу. Кусочки чего-то липкого пропитали кожу, непонятная жидкость щипала глаза. И папа, не опуская ее руки, продолжал свою речь:

— Отныне, каждую неделю по воскресеньям, на главной площади под присмотром Ее милости будет раздаваться золото. К тому же в городе откроют четыре бесплатные школы. Одной из них будет покровительствовать Ее милость. В нее попадут только самые достойные. Также, каждый из вас, — правитель кивнул головой в толпу, — сможет обсудить с Ее милостью любую проблему, его волнующую. Все просьбы можно будет направлять в устной форме в специальный кабинет, в котором дежурит ответственный секретарь Ее милости.

Правитель Тельман отпустил руку дочери. Эмма закуталась в свою мантию. Теперь молчали советники, придворные, аббат. Но ликовал народ. Их возбудило и обрадовало страстно произнесенное сообщение о раздаче золотых монет, нежели вопрос о школах и возможности решить проблему в замке.

Правитель Тельман передал слово главному советнику. Милтон Джон поднялся со своего места и минут сорок озвучивал свои идеи. В подготовленную им программу развития входили пункты по изменению судебных законов и порядков, которые ужесточали меры наказания для грабителей, душегубов и предателей; указ об обязательном образовании; повышение налога для имущих поданных и снижение для неимущих; строительство школ, развлекательного театра; поддержка литераторов, драматургов, актеров, преподавателей и ученых; завоевание устья реки, плодородных земель за горами...

Милтон Джон закончил читать и вернулся на скамейку. В толпе ликовали. Эвелин увидела господина Жуана и напряглась. Он вопросительно смотрел на нее. Она опустила глаза, лицо ее залила багровая краска, рука в перчатке вцепилась в кованые перила... Эвелин кликнула слугу и потребовала отвести ее в здание.

— Голова разболелась, Ваша милость, — шепнула она мужу. Но правитель ничего не сказал жене.

Господин Жуан вскочил со своего места, запахнул бордовый плащ и решительным шагом отправился к зданию суда. Дорогу ему преградили гвардейцы.

— До вечера вход воспрещен.

— Черт, — выругался Жуан, быстро юркнул в ближайший переулок и едва не сбил с ног кучерявого юношу. Лицо его показалось ему знакомым. Сам же юноша был чем-то озабочен. У него был умный и слегка потерянный вид. Его спутник, напротив, торопил друга. Они пробирались сквозь толпу. Жуан напрягся, улыбнулся и от радости хлопнул в ладоши самому себе. Он решил проверить свою догадку и пристроился за странной парочкой.

Юноша, который привлек его внимание, тихо возмущался. Второй расталкивал судачивших о раздаче золота по воскресеньям торговцев и фермеров и говорил, что нужно успеть переправить домой бумагу хотя бы с «новостями» о скором нападении.

— Нет Жан, нам нужно что-то более важное... Существенное... Что заткнет все притязания... Она не пришла... Советник мог бы дать пропуск в замок. Связной ждет еще сутки, а потом отбой. Что мне делать?

— Но вы не виноваты, что советнику изменили маршрут!

— Как же его перехватить?

— О, столько золота потратили на бесполезные сведения... Предупреждал же, не надо верить! А вы кинулись в неизвестность. Тот малый просто заработать хотел...

— Жан, ты заговариваешься!

— Я приставлен к вам отцом говорить, что думаю.

— Жан, Жан, — юноша покачал головой и вдруг замер в тени переулка. По улице катилась большая телега и медленно перебирала скрипящими колесами. Управлял ей веселый человек в остроносой шапочке с дыркой на правом отвороте. Руки его были грязны, в земле, он ехал и напевал шутливую песенку, а сухая трава сыпалась на каменные булыжники.

Эмори Уилл быстро перебежал дорогу. Жан следом за ним, а господин Жуан ликовал — его догадка оказалась правильной. Этого человека он узнал бы и в старых лохмотьях, как сейчас, или в одежде более для него статусной.

— А дочь правителя ничего, — шепнул Жан. — Торговец правду поведал...

Эмори Уилл усмехнулся:

— Со спины, в расшитой нитью меховой мантии, все красивы, дорогой Жан. Идем, нам здесь более нечего делать.

Толпа потоком хлынула в узкие дворы. Жуан почти потерял юношей из виду. Люди отталкивали его и разделяли их, но он успел заметить, что друзья свернули в темный переулок. Он настиг их у ветряной мельницы. Эмори Уилл снял шапку и с неким удовольствием смотрел, как крутятся деревянные лопасти. Большие. Массивные. Мимо пронеслась закутанная в дырявый платок старушка. Жан бросил ей медняк и монета застряла между булыжниками. Но нищенка быстро подобрала желаемое, поблагодарила, но Жан отмахнулся от странной женщины.

33

Вечером был праздник. Эмма сменила наряд и не отлучалась из спальни ни на час. После новой атаки черного облака она решила на время забыть о Белом камне и вернуться к прежней жизни. Она вдруг захотела стать полезной отцу и велела Эшли достать учебники и тетради с правилами и выкроила после обеда лишний час на освоение и зубрежку важных бумаг Милтона Джона.

Потом забралась в уголок и с необыкновенным усердием стала перечитывать труды историков. Она делала пометки в особо важных местах, которые хотела запомнить, но события и даты никак не запоминались. От досады Эмма бросила тетрадки и велела принести новый роман популярного при дворе автора.

В назначенное время пришли служанки. Они помогли надеть новое платье из белого атласа и украсили правый рукав бутоном цветка из кружева. В приемной поджидал сюрприз. У дверей ожидали выхода Ее милости пять девушек... Свита... А во главе... Эмма увидела Эшли и вдруг обмякла. «Подруга» в кремовых одеждах заметно похорошела — серовато-

землистый оттенок кожи сменился на розовый, губы заалели, а во взгляде появился уверенный блеск, гордость. В пепельных волосах разноцветными огнями засияла диадема.

— Его милость распорядился, — пояснила одна из служанок.

Эмма лишь презрительно шепнула, распрямила плечи и понеслась в мягких туфельках к выходу. Юбка платья казалась воздушной, мягкие ткани ласкали кожу. Она подумала об Эмори Уилле, о том, как бросила его одного у озера, о том, как предала нового друга — и не явилась на встречу, о том, как посмеялась над бедным парнишкой — или правильнее будет сказать, обманула.

Эмма остановилась. Резко. Решительно. Эшли жестом скомандовала остальным девушкам замереть. Все пять превратились в безмолвные статуи. Кто-то открыл мозаичное окно напротив лестницы. Огромное, во всю стену. И лунный свет залил своим блеском площадку первого этажа. Отзвуки скрипичной музыки доносились снизу. Гости уже начали веселиться... Эмма двинулась вперед. Эшли за ней. Девушки следом.

Она не ошиблась — в танцевальном зале уже собралась вся знать. Казалось, время вернулось вспять, и Эмма переместилась через портал в тот памятный для нее день, когда рука главного советника положила в отверстие в стене важную бумагу.

— Ваша милость...

Эмма шла к возвышению, а разряженные в шелк и бархат дамы учтиво улыбались ей, поздравляли с важным назначением, желали хорошего вечера. А Эмма чувствовала себя одинокой в этом заполненном людьми помещении с низкими потолками и вьевшимся запахом свечного воска. И знать кружилась, знать ликовала, знать позволяла чувствовать себя особенной.

Толчок и Эмма остановилась. Замерла у ступенек. Эшли была позади, но поддержки от «подруги» не исходило. Что-то другое... Эмма не смогла распознать. Отец вытянул руки и велел подниматься. Эмма приподняла струящуюся редкими складками юбку. Единственный человек в этом чужом мире казался прежним — добрым и участливым. Была еще Тильда. Но после церемонии на площади Эмма наставницу не видела.

Она присела на низенькую скамеечку подле ног отца и положила голову на подлокотник его кресла. Девушки из свиты сгруппировались за ее спиной. Кто-то из них шепнул, что господин Чарльз пригласил друзей из Академии. Все пятеро юны и любят развлечения.

Эмма не видела лица Эшли, но догадалась, что подруга побледнела, напряглась. Папа спустился в зал. Он искал кого-то. Эмма привстала. Чарльз! Отец тащил за ворот камзола нарядного жениха к любимой дочке.

— Все же отыскал его, Ваша милость, — сказал правитель и уселся в свое кресло. — Ну же, доставьте радость старику. Хочу видеть улыбки. — И он захлопал в ладоши.

Эмма улыбнулась и приняла протянутую руку бывшего друга. В глазах Чарльза мелькнул испуг. Заостренный кончик носа шевельнулся. Он подумал, что Эшли в данную минуту смутилась. Если бы не обязанности старшей в свите, его главная актриса давно бы сбежала с праздника, который стал для нее пыткой, ломавшей сердце и разбивавшей его на мелкие кусочки... Если бы она могла, она бы спряталась в своем углу, в своей тесной кроватке и плакала бы, как в детстве, когда она пряталась от побоев приемной матери...

Чарльз глянул на нее... Но в глазах Эшли не было и тени сомнений. Она переместилась за спинку кресла правителя и даже вцепилась ладошками в край обивки.

Отец Эммы смеялся и хлопал в такт. Сама Эмма тащила жениха в толпу. Зазвучала

другая музыка. Гости предоставили начинать танец молодым. Чарльз сделал первое па и потянул за собой Эмму. Между ними проскользнуло напряжение. На празднике, в честь ее дня рождения, он исполнял роль партнера более чувственно и с искренним желанием, а не по приказу.

— Ты забыл обо мне, — нарушила Эмма молчание. — Мне скучно без твоих пьес.

— Ты же в курсе, — отрезал он. — Я занят переделкой не понравившегося тебе акта и репетициями. Скоро премьера. Для правителя.

— Не придумывай, Чарли, — пожаловалась Эмма. — От тебя веет холодом. Если бы не отец, ты бы танцевал с другой.

— Эмма! Дело в новом варианте акта! У меня нет последней фразы! Финала. И проблема почти не разрешима.

Эмма сделала поворот. Ее лоб соприкоснулся со лбом Чарльза. Они смотрели друг другу в глаза. Эмма боролась с желанием бросить его у всех на глазах...

— Не ври мне, Чарльз. Ты знаешь, я могу стерпеть безразличие, но не ложь.

— Я не лгу тебе, Эмма, — настаивал на своей правоте сын советника.

Музыка утихла. Эмма подошла ближе, силой положила беспомощные, висящие, как садовые шланги руки, себе на талию. И они закружились в более быстром танце. Чарльз успевал вести ее в ритм, но в светлых глазах, как и прежде, таился испуг, таилась тревога.

— Bravo, — услышала Эмма громкие хлопки отца. — Репетиция свадебного танца удалась!

Эмма вернулась на свою скамейку, а потерянный Чарли попал в круг друзей из Академии. Его разрывали на части. Всем им было что-то нужно — рослый брюнет требовал принести переписанный текст пьесы, рыжий паренек с торчащими в разные стороны вихрами просил договориться о его постоянных визитах в замок, а прихрамывающий на левую ногу молодой академик умолял представить приглянувшейся ему знатной даме.

Эшли убрала руку со спинки кресла отца Эммы. Чарльз обещал покончить со всем фарсом еще утром, но он продолжал играть возлюбленного, чтобы угодить правителю.

— Видите, как все удачно, сложилось, — Эшли услышала шепот главного советника. — Его милость счастлив. Несравненная Эмма улыбается...

— Не уверена, — сказала Эшли твердым голосом. — На лице жениха так и красуется желание убежать подальше. А Его милость... Если подумать... Ее милость уже не имеет такого влияния на отца, как прежде.

— Дерзите, милочка, — произнес Милтон Джон. — Но вас много вокруг, таких девчушек с чернявыми личиками, в которых сын мой находит образы простушек для своих пьес. Придет время ставить новую, ему приглянется кто-то свежее и колоритнее, в том числе и сердцу. А слезы Ее милости — печаль вам обоим. Правитель в порошок сотрет и вас, и Чарли, если вдруг узнает, что вы или мой сыночек причина горя любимой дочурки...

— Посмотрим, — съязвила Эшли. — Свадьба Ее милости уже не так беспокоит Его милость. Дела поважнее нарисовались, господин главный советник.

— Так вы и хамить научились? Bravo, мисс!

— Это вы хам, при чем самый отъявленный.

— Я бы на вашем месте...

Эшли перебила его.

— Это я бы на вашем месте...

И тут она глянула... Милтон Джон пошатнулся. Глаза его переполняла тревога, злость,

отчаяние. Он смотрел на Эшли и губы его дрожали. А она не единой мышцей круглового лица не подвала виду, что сломалась — Милтон Джон добился своего. Она вот-вот треснет и упадет в бездну, где пусто и ничего нет, кроме страхов и внутреннего голоса, который шепчет, что она не достойна своей цели.

— Я уже не прошу, а умоляю, — Милтон Джон вцепился в холодное запястье девушки. — Скажите сыну, что он пишет плохие пьесы. Вы же знаете Эмму, она не отступит, пока не добьется желаемого. Если захочет сделать вас несчастной, она сделает, будет сама страдать, но и будет радоваться, что Чарли не достался ни вам, ни ей.

Милтон Джон исчез.

— Веер мой принеси, — услышала Эшли голос Эммы.

— Да, Ваша милость, — отозвалась Эшли. Она смотрела на свою госпожу и не верила что эта хрупкая и капризная девчонка способна на то, о чем ее предупреждал главный советник. И правитель глаз не спускал со скупающей дочки и безмолвного Чарльза, который был в зале. Друзья из Академии торжественно поднимали кубки в его честь, а на лице милого Чарли не было радости. Он сдержанно улыбался, брал кубок в ответ и делал вид, что комплементами доволен. Правитель поманил пальцем Милтона Джона. Главный советник одернул ворот камзола и склонился над ухом Его милости. Эшли прислушалась. Правитель интересовался:

— Ваш сын сегодня сдержан. Он чем-то расстроен? Если так, то мы дело это поправим. Смотрите, как грустна моя Эмма. Не танцует.

— Не стоит переживать, Ваша милость. Чарли занят постановкой пьесы для Вашей милости. Никак не могу объяснить ему, что жениху дочери верховного правителя не положено быть сочинителем... А он все просит меня помочь ему с реставрацией заброшенного амфитеатра...

— Вот в чем дело! — воскликнул Тиль. — Что ж, если печаль вашего сына только в этом, дадим ему театр. Я слышал о театрах... Весело... Актеры... Толпа смотрит, воодушевляется и верит. Отличная идея... Знаете, зайдите-ка ко мне утром с главным казначеем, мы все обсудим.

— Конечно, Ваша милость.

— И еще, вы знаете, что моя дочь для меня все. Если ваш сын заставит ее страдать, то я забуду, что вы не только мой главный советник, но и друг.

— Да, Ваша милость.

Тиль одернул ворот Милтону Джону и отпустил.

Эшли плакала за спинкой кресла Его милости. Ее все же сломали. Слова. Его слова. Слезы потекли по щекам сами по себе. Горячие и обжигающие. У нее было одно желание, сбросить с себя диадему, платье, собрать вещи и сбежать из замка, который стал для нее не золотой клеткой, а адом. На помощь пришла Эмма. Она пожаловалась отцу на шум в висках.

Правитель Тельман поинтересовался, не нужен ли ей доктор.

— Нет, папа, я справлюсь.

— Ну иди тогда.

Тиль поцеловал ее и позволил уйти. Эшли вздохнула. Мучения закончились. Она собрала остальных девушек и все они вернулись в комнаты Эммы. Служанки подготовили спальню ко сну, а сама Эмма заперлась в своей комнате и зажгла свечу. Круглое окошко впустило лунный свет. Эшли забралась в кровать и попросила только одного, счастья и исполнения цели...

Внезапно подул слабый ветерок, похожий на дымок, и струйкой нарисовал тени на выбеленных стенах коморки. Эшли обернулась. На коврике стояла женщина в платье с голубой оборкой.

— Кто вы? — Эшли забилась в самый дальний уголок кровати. — Как попали сюда?

Тильда протянула к ней руку.

— Неважно, кто я. Просто пришла спросить, веришь ли ты в чудеса?

— В чудеса?

— Да. В чудо!

Эшли присмотрелась к женщине. Ее лицо было знакомо. Как и глаза. Где-то она видела такие же... Чарльз, роль в театре, все последние дни пронеслись перед ней, площадь, работающий фонтан. Точно. Эта женщина раздавала еду за прилавком.

— Кто вы?

— А ты догадайся! — Тильда приложила палец к опухшим губам. — Я добрая фея. Сказки эти ты читала маленькой девочкой. Помнишь? Ты попала в замок и тебя обучили грамоте. Сначала ты рассматривала красивые картинки, а потом научилась понимать и смысл букв.

— Я боялась спросить у Эммы и брала книжки с полки по ночам, когда она уснет. А потом она увидела меня со свечой и утром подарила самые любимые.

— Вам весело было вдвоем?

— В детстве я ощущала себя ее сестрой, нежели служанкой.

— Тебе дорог Чарльз?

Вопрос женщины смутил Эшли. Она крепче прижала подушку к груди.

— Мне нравится играть на сцене.

— А другой мужчина? Более влиятельный?

Тильда засмеялась.

— Он покровительствует мне. Отчего — не могу знать.

— Хорошо. Скажи мне еще...

Эшли придвинулась ближе к Тильде. Она слушала эту женщину в платье с голубой оборкой внимательно. Ее голос был ласков, вселял надежду, свет и... Эшли убрала подушку.

— Что вы желаете узнать?

— Эмма иногда покидает замок. Ты знаешь?

Эшли задумалась.

— Каждый день ее ищем. А начальник гвардейцев едва не лишился жизни за то, что Его милость не нашел однажды дочь в своих покоях. Казалось, правитель был готов убить и нас всех.

— Эмма бродит по городу. Вместе со мной. Я ее наставник.

— Ее милость?

— Да, Эмма одаривает теплотой каждого, кому требуется поддержка. Словом она исцеляет душевные раны, делом — заботится об обездоленных. А люди и не знают, что имеют дело с капризной дочкой правителя. И праздник на площади — идея Эммы.

— Праздник? — переспросила Эшли.

— Да... Может было бы лучше, если бы его не было, она путалась в мыслях, что есть добро, а что зло. После запуталась еще больше. Но я вижу, как Эмма радуется. Она ощущает небывалую легкость в те минуты, когда меняет атласный наряд на белую тунику и венки! Она падает на траву, смотрит как ярко светит солнце и мечтает. Прошедший праздник ее

смутил. Она увидела, что зло может жить в людях независимо от его статуса, положения и кошелька, будет он работать целый день в поле или угнетать народ. Зло тут, — Тильде показала рукой на сердце.

— Зачем вы пришли?

— Не догадываешься?

Тильда встала. Вышла на лунную дорожку, и вся засветилась в вечном платье с голубой оборкой. Эшли передвинулась в свой темный уголок.

— Не желаешь отвечать... Что ж... Время придет...

Тильда открыла портал и исчезла. Эшли ущипнула себя, чтобы проверить сон ли это был, или видение. Она ощупала матрас — он был мягок как и прежде, выглянула в окно, затем затушила свечу и легла в кровать.

Утром она получила записку, что ей выделены собственные комнаты в галерее этажом ниже.

Эмма не могла уснуть. Она вертелась в своей широченной кровати. Малиновый полог над головой мозолил глаза. Мокрые волосы рассыпались по подушкам, а призрачный свет, лившийся дорожками из больших окон, рисовал причудливые узоры на высоких колоннах, подпирающих потолок, и на плиточном полу.

Эмма откинула одеяло, встала и распахнула арочные створки. Свежий воздух ворвался в спальню. Она сделала глубокий вдох, набросила на плечи забытый на стуле у зеркала халат и исчезла. Просто растворилась в воздухе. В этот день она научилась перемещаться в пространстве без помощи портала. Новая сила росла в ней, укрепляла изнутри.

Она появилась возле белого камня. Он был там. Спал, положив голову на твердую поверхность. Шляпой прикрыл глаза.

Эмма присела на корточки и дотронулась до его плеча. Шляпа слетела. Он открыл глаза и заулыбался.

— Привет, — поздоровался Эмори Уилл. — Я могу так сказать?

— Можешь, — голос Эммы звучал для него как ласковый прибор. — Идем. Холодно. Я покажу другое место.

Эмма протянула руку. Эмори Уилл встал и как зачарованный побежал за ней к дырке в заборе. У нее была изящная походка. Она летела в воздухе, который был затянут дымкой. Бледно-голубой. Прозрачной. Ее мутный силуэт иногда растворялся в черных ветках деревьев и верхушках стриженных кустов. Изредка она оборачивалась и манила его пальчиком, плавным изгибом тела. Эмори Уилл пролез в узкую щель в кованом заборе. Эмма выбрала ускользящую в глухой лес тропинку. Эмори Уилл мчался следом. Его тянуло к ней...

— Быстрее, — звала она. — И углублялась в лесную просеку.

Она привела его к деревянному домику на расчищенной поляне. Двери были заперты, окна темны. Рядом был пруд с затемнённой водой. Бледные кувшинки на зеленых блюдечках уже распустили лепестки. А под деревянным мостом, ускользящим в самую даль, в дремучий лес, квакали лягушки.

Эмма отыскала ключ под большим камнем — она как-то видела, что Гастон прячет его там — и отворила дверь. Засовы скрипнули. Стекла зацокали от порыва ветра. Внутри зияла чернота, но Эмори Уилл решительно вошел в незнакомый ему дом. Эмма в сумраке нащупала его руку и потащила к лестнице на второй этаж.

— Ступеньки скрипят, аккуратнее, — она засмеялась. Эмори Уилл пожалел, что не мог видеть ее лицо в тот момент — расслабленное от всяких забот и с розоватым оттенком. Но он лишь спросил, полусшепотом:

— Где мы?

— В гостях, — ответила она и втокнула в тесную комнату. — Здесь будет удобнее спать, чем у озера на камне. Я приду утром.

После дверь захлопнулась. Эмори Уилл нащупал на подоконнике жестянку и зажег свечу. Ничего кроме кровати и шкафа здесь не было. Он вздохнул и повалился на мягкие подушки. Деревянный потолок давил на него. Он думал и прислушивался к шуму ветра, затем закрыл глаза и проспал спокойным сном до самого утра. Как вошла Эмма — не

заметил. Она с разбега бросилась ему в постель и резко спросила:

— Ты друг мне?

Эмори Уилл приподнялся. Протер слипшиеся глаза и ответил вяло:

— Друг.

— Тогда увези меня, — упрямо попросила она и отвернулась. Эмори Уилл не спешил отвечать — он любовался ее спиной, как сквозь тонкий халат выпирают две лопатки, как кончики золотистых волос скользят вдоль поясицы.

— Ну же, отвечай! — она вцепилась ему запястье и опять засмеялась той самой улыбкой. И на круглой щеке появились два красных пятнышка. Эмори Уилл кончиком пальцев дотронулся до каждого из них.

— Не смей, — она одернула его руку и как-то странно уселась. Встала. — А вообще я хочу есть. Оставайся тут. Я сейчас что-нибудь раздобуду на кухне.

В коридоре Эмма съехала по деревянным перилам вниз. Она знала, что в дом каждое утро приходит одна женщина с мужем. Вдвоем они присматривали за погребом и вещами, а в дни охоты обслуживали гостившую у отца знать.

Громкий возглас напугал Эмму. Она прижалась к стене и не решилась сойти с самой нижней ступеньки. Потом увидела того самого мужчину — в вечном костюмчике зеленоватого цвета, хорошенько потертом в плечах и в остроконечной шапочке с отворотом. Мужчина стоял с оружием и дуло было направлено на нее, Эмму. За его спиной суежилась женщина в чепце и желтом передничке с кармашком. Признав дочку правителя, она ахнула, сдвинула мужа и кинулась на колени. Мужчина убрал ружье и поступил так же.

— Ваша милость, — лепетала женщина. — Умоляю, ради двух деточек, не выдавайте. Благоверный мой не признал. Помилуйте! Мы подумали грабитель залез в дом Его милости. Вчера объявили о новых наказаниях. Мы не желаем быть сваренными в кипятке. Кто будет кормить деток... Ваша милость...

— Встать! — рявкнула Эмма и уверенной походкой вошла в просторную комнату с камином. — Никто вас варить в кипятке не собирается. — Она забралась с ногами в кресло-качалку отца. — Лучше накройте стол, и поживее, достаньте из погреба лучшую еду и напитки. Наверху отдыхает важный гость Его милости. И вас точно сварят в кипятке, если он пожалуется Его милости на ваше не гостеприимство.

— Как прикажете, Ваша милость, — мужчина поднялся с колен. Женщина в переднике еще три раза поклонилась и заковыляла по узкой лесенке в погреб.

— И разожги камин! — приказала Эмма. — Развели тут стужу.

— Все будет сделано, Ваша милость.

— Эй, ты... — Эмма обратилась к выскочившей из подвала служанке. Она несла кувшин и едва не обронила его. Настолько громок был голос дочки правителя. — Предупреди мужа, чтобы перестал обращаться по титулу. Или пусть молчит, пока я не велю говорить.

— Конечно, Ваша... — женщина осеклась и тут же поклонилась. — Вы нас не заметите.

— Так — то лучше, — Эмма встала. — Оставь кувшин. Идем наверх, поможешь мне одеться.

— Суровое наказание грозит мне, если я посмею коснуться... — залепетала женщина и отказалась подниматься выше первой ступеньки. Распахнула беззубый рот...

— Суровое наказание последует, если не пойдешь со мной! — крикнула Эмма уже с площадки второго этажа. — Ну же, живее!

Женщина трясущимися руками передала кувшин мужу и неуверенной походкой последовала за Ее милостью. Эмма с ноги толкнула незапертую дверь и влетела в свою комнату. Кровать была расправлена. Она бросилась в кресло, а служанка распахнула шкаф.

— Пожалуй, красное.

— Как прикажете, Ваша...

Сердитый взмах ресницами и дама в переднике замолчала — приступила к церемонии одевания.

— Интересно, что скажет папочка, если я расскажу ему?

Эмма через плечо увидела серый чепец и кармашек желтого передничка. Служанка завязывала пояс на талии и не спешила отвечать. Эмма сделала вывод сама.

— Верно. Отцу не за чем знать.

Женщина и на этот раз промолчала.

— Спускайтесь вниз, — приказала ей Эмма, а сама побежала к своему гостю, но прежде заскочила в комнату папы и стащила из шкафа его любимый костюм.

Эмори Уилл лежал в кровати, закинув обе руки за голову.

— Я слышал шум, — пожаловался он.

— Слуги правителя. Я их напугала. Смотри в этом платье ходит дочь Его милости, а это для тебя. Она бросила костюм на деревянную спинку и закружилась по комнате. Эмори Уилл подумал, что ему нравился красный, особенно на ней. Он поймал ее, когда она повалилась на подушки.

— Сумасшедшая, — сказал он. — Что ты им сказала?

Она засмеялась.

— Что ты важный гость. И если тебе не будут оказаны особые почести, то Его милость не покусится на наказание.

— Жестокая, — произнес Эмори Уилл. — Нравятся приключения?

— Обожаю, — Эмма встала и снова закружилась по комнате. В затемнённом углу поняла, что кожа ее начала светиться. Она зажала пятно пальцем, но свечение растекалось дальше по руке. Сердце ее волнительно застучало. Она глянула на Эмори Уилла. Он стоял спиной к ней и застегивал пуговицы.

— Что будет, если нас поймают гвардейцы? Бросят в темницу?

Но вопрос остался без ответа. Эмори Уилл обернулся и увидел лишь приоткрытую дверь. Эмма сбежала. И нашел он ее в столовой. Горел камин и было не просто тепло... Жарко.

Слуги правителя постарались на славу. Стол ломился от закусок. Эмма усадила своего гостя в кресло отца и жестом отослала супружескую чету подальше. Чтобы не мешались.

— Его милость не бедствует, — заметил Эмори Уилл. В последние они с Жаном питались довольно скудно. Даже у себя дома.

— А бывает иначе?

— Бывает.

После завтрака Эмма привела его к пруду. Дул неслабый ветер. Деревья раскачивались, листья шептали свою призрачную музыку. Эмори Уилл подумал, что лесной гул, призрачная дымка и мрачный силуэт среди веток впечатлили куда более, чем ясные очертания холмистого берега за еще одним деревянным мостом и гуляющие под кружевными зонтиками знатные дамы. Изредка они поглядывали на небо. Солнце то выходило, то пряталось за облаком. Таким белым. Воздушным.

— Увезешь меня? — еще раз задала свой вопрос Эмма.

Она и ее гость сидели на краешке причала и смотрели вдаль. Свисавшие веревки раскачивались и тени от них ложились причудливыми узорами на мутной воде.

— Куда? — поинтересовался Эмори Уилл. Эмма пожала плечами.

— Куда-нибудь.

— Есть одно место... Но ты точно хочешь уехать?

Эмма закивала головой. Прислушалась. Нет, это шелестел ветер, как и прежде. Тильда и седой старик не беспокоили ее.

— А как же твоя мать?

— Какая?

— Ты же говорила, что живешь с матерью?

— Ах, да... Мама отпустит меня. Скажу ей, что ты мой друг и все.

— Может я сам?

Вдруг Эмма оттолкнула его.

— Не нужно. Просто сделай, о чем прошу...

— Хорошо. Вечером, мы с Жаном как раз планировали вернуться домой. Можем встретиться у восточных ворот.

— Мне холодно, — вдруг сказала она. — Идем в дом. Я хочу кипятка.

Эмма поднялась с подмостков первой. Эмори Уилл любовался ей, как во вторую встречу. Розоватые щечки, волосы до поясницы и оборка красного платья — навсегда останутся в его памяти.

35

Эмма бродила по городу. Они расстались с Эмори Уиллом около пяти, но она не рискнула пойти к восточным воротам. Просто свернула в переулок, прошла мимо фонтана, зеленого парка, в котором были собраны лучшие образцы коллекционных кустарников и цветов. Высадкой занималась ее мама, она лично руководила садовниками и самостоятельно планировала, куда какие растения следует посадить. Эмма обожала любоваться уже сделанной работой. Она постояла у кованой решетки, кивнула розоватой клумбе в ответ на тихое покачивание бутончиков и пошла дальше. Она бродила по городу в своем красном платье. Улицы были полны. На главной улице выстроилась внушительная очередь к палатке на запись в отряд правителя. Рядом дежурили гвардейцы, следили за стоящими и мгновенно реагировали, если кто-то желал уйти.

Впереди Эммы шли веселые торговцы. Лица и руки их были в муке. Они обсуждали перемены в законах, замке и совете. У одного была смешная шапочка — котелок. Он без конца поправлял ее. Их путь лежал через переулок, где стояла палатка... Оба замерли, а после резко свернули в другой, более тесный и глухой.

Эмма дошла до городской площади. Там было весело. Кто-то смастерил театральные подмостки и сейчас их окружили зрители с круглыми лицами, мамочки с детьми и даже полноватые вельможи. На подмостках играли уличный спектакль. Молодые актеры карикатурно изображали папу, маму, Милтона Джона и ее.

Эмма решила задержаться и присела на деревянную ступенечку крыльца ближнего к ней дома. Молоденькая девчушка в стареньких обносках крутилась на одной ноге на самом высоком ящичке. К подобию платья были пришиты цветы, сделанные из изодранных лент и выцветшего кружева. На голове как бы сияла диадема из колючих веток. Драгоценные камни заменили вялые бутоны. Трое мужчин и одна девчонка в лохмотьях покорно склонили

головы перед девушкой на ящике и не смели смотреть в глаза. Обладательница веточной короны хмыкнула, вздернула подбородочек и быстро подошла к самому краю. А потом поочерёдно пнула ногой всех пришедших за милостью. Актеры, игравшие правителя и его жену, громко аплодировали.

Хохот потек по рядам восхищенной толпы. Громкие возгласы и крики браво раскалили слух Эммы. Она закрыла уши и сорвалась со своей ступеньки. Девушка-актриса спрыгнула на землю и протянула черную шапку для медняков. Горожане не скупились. Монеты падали туда, звеня...

Эмма увидела вооруженный отряд гвардейцев во главе с их начальником Дюре. Она улыбнулась и скорее побежала туда.

— Господин Дюре! — крикнула Эмма.

Дюре поднял глаза, оглянулся, присмотрелся... Перед ним стояла дочь правителя.

— Ваша милость! — воскликнул он и взглядом велел старшему гвардейцу найти женское седло. Юноша из первого ряда быстро отделился от остальных и скрылся в переулке. — Как же так! Вы одна, без свиты, охраны!

Эмма забралась на приведенную специально для нее лошадь и велела:

— Арестуйте всех актеров на площади. И приведите ко мне. Они играют плохо.

Дюре жестом велел отряду исполнять приказ, а сам вызвался лично сопровождать дочь правителя, чтобы быть спокойным, что она больше никуда не сбежит. Стражники прищипорили коней. Эмма слышала крики и возмущенные недовольства. Горожане негодовали. Торговцы дергали серебристые плащи. Но их сталкивали в общую кучу и гнали к стене. Кого-то ранили штыком, и алая кровь холодной струей брызнула на каменные плиты. Гвардейцы вязали всех, кого находили в суматохе и кто не успел сбежать. Поймали и девчущку-актрису. Она обронила кепку. Медняки покатались по серым булыжникам... Часть из них застряла в выемках. Девчущка упиралась, вырывалась из сильных рук, но гвардейцы умело сжимали запястья и вязали их тугой веревкой. Она потеряла диадему из веток и несколько бутонов выпали из украшения. Актер, исполнявший роль правителя, возмущенно спрашивал, по какому праву их предали аресту. Гвардейцы требовали молчания и повиновения, если им дорога жизнь.

Арестованных комиков бросили к ногам Эммы. Она попросила у Дюре золотую монету и швырнула ее девчущке. Актриса лежала у копыт ее лошади. Связанная и беспомощная. Затем их взгляды встретились.

— Всех в темницу! — Эмма прищипорила коня и вырвалась вперед. Гвардейцы подняли невольников и крепко связанной колонной поволокли к башне. На небе Эмма увидела черное облако. Оно показало ей мохнатое щупальце. Затем появился седой. Он почему-то плакал и впервые сам снял свою шляпу. Без магии.

В спальне Эмму поджидала Тильда. Едва она вошла, глаза наставницы тут же вспыхнули огнем, губы задрожали, щеки насупились, голубая оборка платья стала ярко синей, лента выползла из золотой косы и стала кружиться бесконтрольная в воздухе. Эмма хохотала, а Тильда во весь голос орала:

— Все, забираю из этого ада! Будешь жить там, где тебе отныне предназначено! Когда в последний раз была в городе и работала?

Эмма демонстративно присела в кресло, на самый краешек, и немного развернула корпус.

— Ну же, отвечай! — попросила Тильда еще более настойчиво. Взглядом поймала свою ленту и спрятала в карман.

— Никуда я больше ходить не буду! Я хочу жить с отцом, как раньше. Выйду замуж за Чарли, устрою Эшли, чтобы не мешала, стану правительницей и все будут исполнять мои указы — захочу, чтобы улыбались, будут улыбаться, захочу, чтобы грустили и плакали — значит так и будет. А если не поймут по-хорошему, значит, я покажу мою истинную силу! И, пожалуйста, пока я не позову, не приходи!

Резкий, покалывающий звон сразил голову Эммы. Она скорчилась в пояснице от боли, ей было трудно дышать. Тильда бросилась к ней. Опустилась на колени и побила по щекам.

— Девочка моя! Умоляю, борись. Если бы ты только знала! Это оно виновато! — Тильда встала.

— Это ты хочешь переделать меня, — зашипела Эмма. — Я всегда была такой. Всегда! Слышишь!

Новый приступ. И слова благодарности в адрес не присутствующих в комнате людей, как раньше, уже не помогали. Эмма с трудом приподнялась на своем кресле и вдруг крикнула истошно:

— Проваливай!

После она упала, рукой дотянулась до колокольчика и позвонила.

Тильда едва успела исчезнуть. Она просто растворилась в воздухе. Как маленькая пылинка из большой спальни. Эмма велела служанке позвать лекаря, другой разобрать постель, третьей принести мыло.

В каменном бассейне с теплой стало намного легче. Как и помощь девушкам — одной она подарила платье, другой золото, третьей титул и прочее, прочее. Главное звон оставил ее и гудящая боль не так сильно напрягала виски. После она выгнала всех, чтобы полежать в полном одиночестве и при свете коротеньких свечей. Из воды Эмма наблюдала за тенями на стене, хотела пересчитать, не получилось. И вдруг зарыдала, как в детстве, когда ее пугали ночные видения. Слезы не останавливались. Перед глазами пронеслись последние месяцы ее жизни: белый камень и обретенная сила, уроки с Тильдой, танец с Чарли, прогулки по улицам и переулкам, праздник еды, прощание с Эмори Уиллом в домике отца, церемония на балконе и комичный спектакль на площади. Эмма сильно ударила рукой. Брызги выплеснулись за край бассейна и загушили часть свечей. На шум прибежали служанки. Одна с полотенцем для головы, вторая для тела, третья для ног. Эмму подняли, как следует вытерли, закутали в халат и отвели в спальню. Теперь она не сказала никому ни слова.

Черты лица ее заморозились, охладели. Уже в постели она свернулась калачиком и представила, что едет с Эмори Уиллом в его страну. Так было легче уснуть. Она закрыла глаза и увидела крыши сияющих на солнце башенок восточных ворот.

37

Тиль сидел за столом в своем кабинете и подписывал важные бумаги. Перо дрожало в его руке. И морщинистый лоб был максимально сосредоточен. Эмма влетела без стука и рухнула на диванчик вблизи его рабочего места. Тиль неудачно отложил перо. Капелька чернил запачкала ему ноготь. Он растер пятно пальцем, но черная краска хорошенько впиталась под кожу.

— Что с тобой происходит, Эмма? — спросил Тиль. — Я не понимаю. Я объявил тебя наследницей, и ты должна думать о назначении, а не бродить по улицам и переулкам. Господин Дюре доложил мне о твоих похождениях.

— Я хочу расторгнуть помолвку, — решительно заявила Эмма, показывая отцу, что уже никогда не поменяет своего желания порвать с Чарльзом.

Правитель вздохнул. Спинка его кресла закричала. Створка окна приоткрылась от дуновения ветра. В душное помещение влетела порция свежего воздуха. Эмма жадно глотала каждую крупицу, напивалась им и сила росла в ней, растекалась по рукам и ногам. Она едва не взлетела к потолку, но вовремя остановилась. Суровый взгляд отца заставил вспомнить, где она сейчас.

— И в чем же причина? — поинтересовался Тиль. — Если наш сочинитель обидел тебя, то ты знаешь, я не поскуплюсь на наказание. Пострадает и его отец.

— Никто меня не обижал! Я просто не хочу дружить с ним. Он скучный.

— Чарльз виноват в этом?

— Нет, не он. Между нами была искра на сцене, но в жизни она быстро угасла.

— Я бы на твоём месте все обдумал прежде. Союзникам руку твою отдать никак не могу. Уж прости. Врагам тем более...

— Я не хочу более иметь дел с Чарли, отец, — упрямо заявила Эмма. — И прикажи отпустить актеров, которых арестовали вечером.

Правитель Тельман взял перо.

— Эмма, твоя безрассудность сведет с ума когда-нибудь и меня. — Он засмеялся. — И чем же помешали тебе нищие шарлатаны? Ты бы видела лицо господина Дюре, когда он докладывал, что встретил тебя одну, на главной площади, среди оборванцев. Ты можешь объяснить, почему начальник моей гвардии нашел мою дочку не в парке, не в саду, не у озера, а там, где кипит жизнь поданных?

— Я гуляла.

— Немногословный ответ, — Тиль качнул головой. — Господин аббат уверяет, в твоих комнатах видели ту женщину, Эмма...

Эмма задрожала. Впервые отец так смотрел на нее.

— Какую женщину, папочка?

— Ты знаешь, какую... Иди и поразмышляй немного на свежем воздухе. В юной головке сумбур и все смешалось. Эмма! Ты же всегда делилась со мной.

— Не могу папочка, но как только пойму, что нужно выговориться, обещаю, сразу приду к тебе.

Эмма тяжело выдохнула и натянула на ручки прогулочные перчатки, которые лежали у нее на коленях. Она ждала от отца поцелуя или пожелания удачного дня. Но он не выходил

из-за стола. Только сидел и смотрел на нее. Затем склонился над бумагами, показывая, что более не задерживает. Эмма вышла. А правитель Тельман пригласил господина Дюре. Начальник гвардии тут же явился в кабинет:

— Вы увеличили число стражников?

— Да, Ваша милость, трое лучших из высшего отряда официально включены в свиту Ее милости. Они следуют за ней даже, когда она гуляет по замку. Я увеличил численность и в комнатах... Их нет только в спальне, но если вы прикажете...

— Не нужно пока, — правитель Тельман покачал пальцем. — Что у вас по исчезновениям леди Энн и леди Донны? Сегодня к завтраку не вышла и леди Алисия. Я нашел платок. Смотрите.

Господин Дюре прищурился. Правитель зажимал пальцами желтоватый кусок ткани с багровыми пятнышками на кружевной. А еще он увидел грязь. Господин Дюре замешкался. После открыл коробочку, вынутую из нагрудного кармашка, и показал Его милости пряжку.

— Эту вещицу я нашел в комнатах леди Энн.

Тиль взял украшение. Иголка уколола ему палец. Кровь запачкала платок.

— То есть вы понятия не имеете, куда подевались служанки моей жены?

Господин Дюре не спешил отвечать.

— Ваша милость! Склонен верить господину аббату. Козни ведьм... Одна из дам Ее милости, леди Ива показала, что видела всех троих девушек этой ночью в арочной галерее. Девушки кружились в воздухе у большого окна, держась за руки. Уверяет, что ошибиться не могла. Волосы... У одной жидкие, у другой кучерявые, а у третьей густые... Только цвет одинаковый — призрачный... И вместо глаз — черные дырки... Лекарь все еще у госпожи Ивы...

— Хорошо, — Тиль спрятал платок и пряжку в ящик стола, после запер на ключ. — Передавайте дело в ведомство господина аббата. Что по актерам?

— Ничего нового, Ваша милость. Главный в труппе свидетельствует, что они приехали из деревни, а в городе играют уличные спектакли, которые пользуются спросом у простого люда. Проживают в пансионе где-то на окраине.

— Содержание вчерашнего?

— Каюсь, не видел, Ваша милость. Мы не успели опросить зрителей. Горожане быстро разбежались по переулкам.

— Больше на актеров ничего нет?

— Нет, Ваша милость.

Правитель Тельман задумался. В парке гуляла с другими дамами Эшли. Девушка словно почувствовала, что он смотрит на нее, задрала пепельную головку к небу и выставила ручку да так, что Тиль увидел то самое кольцо. И этот золотой блеск не давал ему покоя последние дни.

Нет, не может быть! — думал он по ночам, засыпая в объятиях рыжей Алисии, пока она приходила к нему. — Но кольцо-то есть! Мозолит мне глаза. Как же так? В ту ночь лил дождь, было грязно, слякотно. Сумрак души. Никто не мог узнать. Никто! Как я мог забыть о столь важной улике? Дурень! Дурень!

Тиль очнулся. Господин Дюре околачивался на пороге в ожидании приказа. Тиль жестом поманил начальника гвардии. Дюре приблизился и получил из руки правителя скрученный сверток. С левого края свисала коричневая печать.

— Эмма попросила отпустить комиков, — сказал правитель. — Но согласитесь, Ее

милость не стала бы приказывать вам арестовать их, если бы у нее не было явного повода?

— Я уже докладывал Вашей милости, Ее милость была напугана, а когда увидела нас, словно обрела защиту. Я вызвался сопроводить Ее милость в замок, а отряд отправил исполнять приказ. Гвардейцы швырнули актеров к ногам Ее милости, а Ее милость бросила девице золотой, той, которая была в диадеме из веток.

— Точно, — Тельман хлопнул в ладоши. — Оборванка посмеялась над моей малышкой! Как же хорошо я знаю мою дочку! До рассвета пусть посидят в темнице, а в полдень всех повесить. И сгоните на площадь как можно больше зрителей. Посмотрим, какими аплодисментами люд оценит мой спектакль...

— Все будет, как вы приказали, Ваша милость, — господин Дюре поклонился и готовился уйти, но правитель остановил его.

— Да, а как продвигается дело о цветочницах? — Тельман вынул из ящика свою стрелу и стал крутить ее. Взгляда с окна не спускал. Эшли вошла в беседку и о чем-то заговорила с дамами. После появилась Эмма. И женщины сразу замолкли.

— Без изменений, Ваша милость. Три дня прочесываем переулки. Никаких цветочниц мы не обнаружили.

— Плохо ищите, господин Дюре. Они больше месяца доставляют некие неприятности и мне, и господину Милтону Джону, и вам. Вы же докладывали, что в уличной толпе только и ходят слухи о добреньких цветочницах. Их ждут, понимаете, к ним идут, к ним тянутся. Как только хромой или прокаженный заметит алое платье и окликнет имя. И мне они нужны живыми. Это вам ясно?

— Да, Ваша милость. Переодетые в одежды лавочников и крестьян гвардейцы патрулируют самые густонаселенные кварталы, рынок, площадь с фонтаном, речной порт... Как только дамы появятся, их сразу же схватят.

— Об этом деле знаете только вы, я и Милтон Джон. Я надеюсь на вас обоих.

Господин Дюре поклонился и вышел, а правитель Тельман спрятал стрелу и закрыл глаза. Он пригласил Гастона и велел ему привести мисс Эшли.

Эмори Уилл шел пешком. Жан немного позади. К тому же он тащил на спине узел с вещами. Осли пришлось продать, чтобы расплатиться за комнату в пансионе. За лесом, на границе, путников ждал вооруженный отряд. Бойцов специально оставили стеречь палатки, лошадей и необходимые для месячного похода вещи. Эмори Уилл мечтал вымыться в ручье и надеть чистую одежду. Костюм, подаренный Эммой, он повесил в шкаф. Предпочел уйти в лохмотьях. А она не постеснялась присвоить платье Ее милости, сказала, что у нее никогда такого не было.

— Она не поехала с нами? — спросил Жан.

— У нее есть тайна, дорогой Жан. Когда я заговорил о знакомстве с матерью, она даже позабыла, что мама у нее имеется. Но Эмма красива, обаятельна, — Эмори Уилл поднял голову. — У нее безрассудный характер, она любит приключения и опасность. Я еще не встречал таких девушек. Когда же узнал в чей дом она меня привела ночью, ты бы видел мое лицо, дорогой Жан.

— Я буду искренне надеяться, что вы еще встретитесь.

— Думаешь ей следовало сказать, кто я? Может ее привлекло хотя бы мое положение?

— Возможно. Она нечестна с вами, вы не честны с ней. Если когда-нибудь ваши правды откроются, вам не в чем будет винить друг друга.

— Жан тебе нужно работать мудрецом. Как умело ты все разложил в моей голове. Но я не могу не думать о ней, — внезапно Эмори Уилл остановился. — Все. Я решил. Мы вернемся обратно, как только дойдем до нашего лагеря. Я вымоюсь, возьму приличное одеяние. К тому же нам нужны деньги, чтобы снять гостиницу. Более приличную.

— Возвращаться во вражеское логово! — Жан бросил узел на пыльную дорогу. — Мы потратили столько золота на эту поездку. Впустую! Деньги необходимо беречь. Как никогда. И почему, этот советник изменил маршрут. А связной не пришел даже к озеру! Что случилось? Я же говорил, нас предадут... — Глаза Жана загорелись. — Знаю! Тот мальчик был шпион Тельмана. Как только получил свой кошелек, тут же сдал нас и доложил о приезде Его милости! О, все пропало! Вы уверены, что отряд наш ждет в роще?

Тут лицо Эмори Уилла напряглось. Да, его волновало красное платье. И призрачная дымка все еще тянулась по веткам перед глазами. Даже днем. Он вдруг подумал, что в данную минуту может потерять все. Или уже потерял. Дом, горы, заповедники. Лесной ручей и устье реки. Он обожал окунаться в холодную воду, чувствовать брызги у себя на коже или просто плескаться. Радоваться теплым лучам и не думать о черных угрозах, о терпком запахе, от которого всегда тошнило, он падал, мир кружился, лес, а листья шептали свою музыку...

— Я должен принять важное решение, если хочу заполучить Эмму. Я соглашусь подписать любой договор, лишь бы найти ее.

— Вы готовы пожертвовать независимостью горцев ради девчонки-выскочки? А она уже солгала вам! — Жан обошел Эмори Уилла. — А если она воровка? Вполне вероятно. Ваш отец оставил вам страну в надежде, что вы не уступите властному мерзавцу! Образувайтесь! Вы можете бросить меня в темницу за дерзкие слова, но знайте, что я исполню мой долг перед вашими родителями.

— Жан, я принял решение, — Эмори Уилл положил руку ему на плечо. — Мы вернемся. Официально. Я пойду в замок... И там узнаю нужные мне сведения. Поиграем?

Услышав такие слова, Жан улыбнулся, поднял свой мешок и пошел дальше.

— Правильно мыслите!

Но Эмори Уилл не спешил сворачивать на лесную тропинку. К ним приближался скачущий в сером-желтом облаке пыли господин в бордовом плаще.

— Ух! Еле догнал!

— Что вам угодно? — Эмори Уилл взял обычный тон, свойственный его положению.

— Господин Жуан, — представился путник и спрыгнул на дорогу. — У меня к вам деловое предложение.

— Я бы не хотел иметь с вами никаких дел, — возразил ему Эмори Уилл и сделал знак Жану следовать к роще.

— Выслушайте меня! — не унимался Жуан. — Когда я увидел вас в переулке, то сразу узнал и вспомнил о договоре с вашим отцом! Вы же знаете, что Тельман и его союзники, или подданные, называйте, как хотите, собирают войско и вот-вот выступят в горы, полагаясь на вашу молодость, беспечность, безрассудность! Решение это уже было принято на Совете две недели назад. Еще через одну станет известна дата похода. Я же обещал вашему отцу, что сообщу или ему, или приемнику, как только узнаю что-то существенное...

— Вы предупредили, — Эмори Уилл отвесил рукой поклон. — Спасибо и вам, и отцу, и тем, кто за вами стоит. Я могу и дальше придерживаться принципов и с гордостью удерживать власть. А кто-нибудь из нас, правителей, подумал хотя бы раз о бедных людях, которые вынуждены терпеть все ужасы, кровь, смерть близких, голод, холод!

— Что вы несете? Ваш батюшка десять раз успел перевернуться в гробу, в склепе, — воскликнул Жан и перекрестился.

— Не ушел, значит?

— Речь, достойная верховного правителя! — воскликнул Жуан. — Ваш слуга прав. Вы должны бороться за независимость горцев. Тельман уже покориł многие земли, не позволяйте ему завоевать так легко и ваши! Он держит фермеров, советников, свиту в страхе. Сегодня приказал повесить актеров, которые осмелились поставить карикатурный спектакль. Высмеяли любимую дочку! И вы хотите такой судьбы себе, подданным! Я думаю каждый из них будет готов умереть, лишь бы не стать рабом!

— В ваших речах есть смысл, — заметил Эмори Уилл. — Отныне я намерен добиваться мирного решения этого спора.

— Хотите мир? — Жуан задумался. Бордовый палец приложил к воспалившейся губе и заморгал ресницами. — Что ж, попробуем. Вы удивитесь, как быстро разрешится ваша проблема.

— Что вы знаете? Говорите скорее! — крикнул Эмори Уилл.

— Просто идите в замок и потребуйте у правителя Тельмана беседу.

— И все?

— Уверяю, будет достаточно.

— Именно это я и собирался делать! — сказал Эмори Уилл и махнул отяжелевшей от дум и невзгод рукой. — Жан, торопись. К утру мы должны быть в замке, со свитой, охраной и ясными предложениями.

Жан кивнул, а Жуан вскочил на лошадь. Ему еще нужно успеть поговорить с Эвелин. Он ликовал. Эмма сама загнала себя под гнев любимого папочки.

Она увидела Чарльза у себя в приемной. Он сразу же поднялся, задел вазу. Служанки и гвардейцы разбежались по периметру. Эмма указала на диванчик с изогнутой спинкой у круглого окошка и велела присесть. Чарльз покорно исполнил приказ. Кружевная занавеска качнулась от сквозняка. Эмма ожидала, когда свита оставит их, но девушки и стражники господина Дюре по-прежнему толпились у порога и даже не пытались отвернуться. Эмма неспешно заговорила.

— Если пришел сказать мне, что собираешься расторгнуть помолвку, то я уже сообщила об этом отцу, утром. Он дал мне время подумать. Вечером папа ждет окончательный ответ.

Испуганные глаза Чарльза хаотично заметались, он сжался в комок на своей половинке дивана и вцепился руками в горячий подлокотник. Эмма так и не могла понять, почему так долго общалась с человеком, который был совсем не способен управлять своей судьбой. Судьбами героев — да, но не своей. Иногда ей казалось, сейчас он встанет, найдет свободный стул, заберется на сиденье, выставит правую ногу, как обычно делал его герой на сцене, поднимет левую руку, чуть выше плеча, и задекламирует:

О, госпожа в розовом платье! Юноша понял, что ошибался...

Но Чарльз сидел неподвижно. Даже острый кончик носа не шевелился.

— И ненужно так на меня смотреть. Я не винила в разрыве ни тебя, ни Эшли... Просто попросила найти мне другого жениха.

Эмма встала, а Чарльз вцепился в ее ладонь — поникшую и охладевшую.

— Не усложняй, — быстро заговорила она. — Дверь там. Уходи и знай... — она сделала паузу. — Отныне у меня нет желания дружить с тобой. Все, что было в детстве — серый пепел на каменных ступеньках. Что завис? Давай же, беги смелее к красотке Эшли и продолжай лепить идеал из чернобровки. И не только в амфитеатре.

Чарльз ничего не сказал. Поднялся с дивана, одернул воротник камзола и двинулся к выходу. Эмма тяжело выдохнула. Гвардейцы тут же окружили ее, они были готовы сопровождать Ее милость дальше, но она изъявила желание уединиться в спальне. Как только служанка прикрыла дверь, Эмма снова расплакалась, как в комнате для купания. Ей было трудно удерживать на лице холодную маску безразличия. Сердце вот-вот лопнет, внезапно, от тоски и боли, она упадет в роскошную постель, а на помощь не придет даже самая верная служанка.

Эмма уловила голоса в приемной. И приложила глаз к замочной скважине, чтобы лучше видеть происходящее. Девушки образовали кружок. Они шептались о ночных видениях леди Ивы и о судьбе брошенных в темницу артистов, которых арестовали по приказу Эммы, — она увидела укоризненные упреки в сторону двери, — и что правитель приказал согнать на площадь всех, кто будет по близости.

— Я же просила, — сказала сама себе Эмма. — Они понесут наказание по моей глупости и беспечности. Нет... Я не могу допустить.

Она решила вызвать Тильду, но потом передумала. У нее есть главное оружие — магия. И она научилась владеть ей. Эмма быстро взлетела к потолку и поняла, что более не желает избавляться от дара.

— Слышите, меня господин черное облако! Сила — моя! — крикнула Эмма и пару раз прокрутилась в воздухе. Она летала по комнате, как перышко. Падала на подушки и снова взлетала. У окна вдруг повисла. В парке гуляли дамы. Лесенку на балкон стерегли гвардейцы. Вылететь из комнаты сразу на улицу никак нельзя. Эмма вздохнула, опустилась

на коврик, потом повернула ключ в замке, переоделась в платье цветочницы и растворилась в воздухе.

Арестованных держали в темной башке, в сыром подzemелье недалеко от главной площади. Эмма приземлилась в просторном коридоре с низкими потолками. Было сыро, промозгло и она сомкнула обе ручки на уровне груди. Недалеко капала и плескалась в лужицах гнилая вода, звенели цепи. Толстые глухие стены, сложенные из немного камня, отражали эхом гулкие стоны, вздохи. Пронзительно-страдальческие голоса вызывали в отяжелевших висках Эммы звон, шум и нетерпимость. На подгибающихся ногах она по стеночке ползла к самому дальнему и самому темному коридору. Эшли рассказывала когда-то, что всех обвиненных в заговорах содержат там. Вход с мрачной решеткой стерегут тридцать три гвардейца. В замке ходили и другие легенды. Служанки сплетничали, что попавшие в этот коридор, назад более никогда не возвращались.

— Там влажно, холод пробирает до костей, а большие крысы пищат и шевелят в сене мохнатенькими хвостиками, — смело заявила леди Энн в комнатах мамы и запила смех горячим чайком.

А маленькой Эмме стало интересно. Той же ночью она сбежала из спальни, дождалась утра у кованых ворот башни и проскользнула в подzemелье за одним гвардейцем. Он вел в камеру виновного в краже. С избитым лицом. Капли крови падали на плиточный пол и Эмма старательно обходила пятна, чтобы не запачкать подошвы новых башмачков. Но опасных преступников увидеть юной дочке правителя не удалось. В одном из длинных переходов, который был освещен горящими факелами, она натолкнулась на ноги господина Дюре. Начальник гвардии на просьбу показать крыс и плохих дядь пообещал, что если Ее милость будет и дальше себя плохо вести, или попробует вновь без спроса спуститься в подzemелье, то он лично засадит Ее милость в самую холодную камеру, где нет даже подстилки из сена для сна. Зато есть голодные крысы и злые преступники.

После господин Дюре отвел Эмму к отцу и рассказал, где обнаружил потерявшуюся дочку правителя. Эмма зарыдала, когда папа прижал ее к груди и поцеловал в мокрый лобик. И папа спросил, почему его малышка плачет, и Эмма рассказала, что страшный дядя в серебряном плаще напугал голодными крысами и хотел засадить в холодную темницу. Господин Дюре покраснел и в тот же вечер сам испытал на собственной шкуре все прелести своего обещания, так как именно его заточили в камеру, и не на одну ночь, а на три. А на прощание, когда старшего гвардейца уводили его же подчиненные, Эмма показала ему язык и скорчила рожицу.

На этот раз серебряные плащи Эмма заметила сразу. Стражники ходили по часовой стрелке вперед и обратно. А заметив девушку, сгруппировались и прицелились. Эмма одним взмахом отбросила их и пошла дальше. Противники разом рухнули на каменный пол, кто-то ударился головой о стену, потерял сознание и толстым носом впечатался в прелую лужицу. А Эмма поочередно поднимала решетки. Они взмывали вверх, стучали, скрипели. Преступники, а среди них Эмма, признала даже бывших советников отца, актеры — все копошились в последней, самой дальней камере. Эмма выпустила всех.

Девушка сразу узнала ее и закрыла лицо руками. В волдырях и ссадинах, и щека у нее была подбита, а рукав лохмотьев просто болтался оторванным. Держался на ниточке.

— Выходи, — рявкнула Эмма. Девчушка не двигалась. Рыдала. Плакала. Тогда Эмма схватила ее и силой потащила в общую колонну.

— Ждите здесь, — сказала она и скрылась за стеной. Гвардейцы все еще лежали

беспомощные и бесчувственные. Эмма открыла светящийся портал и жестом приказала всем узникам проходить сквозь невидимую преграду. И каждый входил туда со скрипящими на запястьях цепями, и оказывался в том месте, о котором думал. Эмма решила, что свой путь они могут избрать правильно, если не будут знать о цели.

Последней была девчушка-актриса. Она нерешительно подошла к мерцающему portalу. Свечение лучилось теплом. У Эммы заканчивалась энергия. Она протянула узнице руку в знак примирения. Девчушка приняла ее, но с опаской и страхом в угольных глазенках... Эмма даром предвидения разгадала, какую долю избрала себе молоденькая актриса и бросила резкий предупредительный взгляд. Но девочка в лохмотьях шагнула в портал и превратилась в любимую дочку правителя, как и хотела. Эмма покачала головой и портал закрылся. Ее не волновала участь других арестованных, только судьба этой девчонки. Именно ее она осмелилась предать еще вчера. На площади.

В спальню Эмма успела вернуться до общей суматохи. Гвардейцы очнулись, увидели поднятые решетки, пустые камеры и побежали к господину Дюре. Они рассказали начальству о девушке в платье цветочницы, которая зашла в коридор, а после они потеряли сознание, а когда очнулись, все узники сбежали.

Господин Дюре стукнул кулаком и велел всем отправляться в общее построение. А сам побежал к правителю с докладом. В его кабинете уже находились: Милтон Джон, бледный и испуганный. И аббат, уверенный в себе и полный неких надежд. Правитель отчитывал главного советника за сына, который посмел наскучить Ее милости. А аббат поддакивал Тельману — да, нехорошо вышло, но намечается вариант более выгодный.

— Замочите, прошу, — повышал голос на духовника Тельман и аббат спешил затеряться в тени. А Милтон Джон на секунду, но получал шанс на помилование. И тогда глаза его блестели, правда, не видел никто.

Господин Дюре без доклада ворвался в кабинет Его милости и быстро поведал всем троим о случившемся в подземельях. Правитель нахмурил морщинистый лоб. Аббат воскликнул:

— Я же предупреждал, Ваша милость! Ведьма слаба, но показывает невероятную силу. Нужно остановить! Немедленно!

Он посмел выйти из тени. Иссушенные глазенки ярко горели. Аббат смотрел на Тельмана и взглядом просил позволить ему начать допросы и расследование. Но правитель рухнул в свое кресло и стал барабанить пальцами по крышке стола. Милтон Джон молчал. Не спешил лезть с предложениями и господин Дюре. Тишина воцарилась в кабинете. Первым заговорил правитель Тельман.

— И вы смеете заявлять, господин Дюре, что одна хрупкая продавщица цветов справилась с вашими лучшими бойцами в количестве тридцати трех штук? Это же смешно, — Тельман рассмеялся. — Как вы сами не понимаете! — Затем его взгляд стал более серьезным. Господин аббат показал поднятую кверху ладонь и склонил к груди голову. Тельман увидел круглую шапочку. Аббат пришил к отвороту рубиновый камень. И камень этот сверкал. Мозолил глаза. Тельман крикнул так, что и Милтон Джон, и господин Дюре вздрогнули одновременно. — Найдите мне эту девицу, за волосы притащите сюда, а я найду для нее самое жестокое наказание, вот увидите, — и ударил по подлокотнику кулаком. — Она уже посмела пробраться на мою территорию. Что ж, посмотрим кто кого.

Господин аббат улыбнулся. Дюре поклонился и покинул кабинет. А Милтон Джон взглянул на правителя. Тельман уже забыл о Чарльзе, Эмме. Он был озабочен тайной личности вредоносной цветочницы. И Его милость отпустил главного советника, а Милтон Джон увидел в случившемся некое провидение. Цветочница спасла не только узников, она спасла его и Чарльза, не догадываясь об этом.

— Позже, — отозвался правитель на просьбу господина аббата побеседовать. Он боялся думать. Как и предполагать.

— Только она могла, Ваша милость...

Правитель Тельман поднял на духовника опухшие глаза и господин аббат увидел в круглых зрачках гнев, жалость и злобу. Так же в них пряталось что-то иное, мало кому

доступное. Тайна? Печаль? Боль?

— Как пожелаете, Ваша милость, — аббат поклонился и вышел из кабинета.

Следующим посетителем стала Эвелин. Она улыбнулась мужу и заняла кресло Милтона Джона. Тельман вздохнул и приготовился выслушивать вечные жалобы. Эту женщину он выносил с трудом. И теперь больше прежнего желал вернуть в спальню страстную леди Алисию.

Эвелин развернулась в профиль, и Тельман заметил округлость ее живота. Несколько лет единственным ребенком в их семье была Эмма, и он торжественно дал себе слово, что никто место дочки не займет. Даже если Эвелин родит сына. А мальчика-наследника в замке ожидали все — разодетые в бархат вельможи и кухарки, с выпачканными мукой лицами.

— У Вашей милости срочное дело? — поинтересовался Тельман.

— Дело, Ваша милость, не терпит отлагательств. Хотела предупредить, при дворе, в кругу моих дам, а вы знаете, что они никогда не станут обсуждать беспочвенные новости, ходят слухи, что наша Эмма завела роман.

— Эмма молода для романов, — правитель усмехнулся, понимая, что и сам разгадал загадку его малышки. Как он сразу не догадался, что не сын Милтона Джона виновник скуки и печали, его дочь сама подружилась с кем-то другим!

— Бедный наш Чарльз! Эмма посмела заночевать в домике для охоты с неким посторонним, на глазах у бедных ваших подданных, Ваша милость. И супружеская чета может подтвердить мои слова. А когда я озвучу имя!.. Не желаю передавать гнусные сплетни, но как верная жена ваша, я обязана предупредить... Новый друг Эммы — Эмори Уилл, сын вашего друга-врага. И жалкий горец едет в замок, чтобы в дерзкой форме просить у вас руки нашей девочки... И это после того, как вы объявили Ее милость законной наследницей! Вы столько для нее сделали, а она подставила ваше доброе имя.

— Довольно! — рявкнул правитель Тельман. Слова его, полные гнева, посыпались на болеющую с самого утра голову Эвелин. Но она, не скрывая улыбки на вялых губах, встала, поклонилась и вышла из кабинета. План господина Жуана начинал работать.

Правитель вызвал к себе господина Дюре.

— Не спускать глаз с Ее милости, — приказал он старшему гвардейцу. — А как только моя дочка вздумает покинуть замок, или к ней кто-то придет, сразу сообщить.

Дюре поклонился. Он доложил, что лучшие его силы прочесывают город, деревни. Следы пропавших узников не удалось нащупать. И цветочницу никто не видел вот уже несколько дней, но жители города ждут ее появления на улицах.

— Она как будто знает, что мы ее выслеживаем, Ваша милость и прячется.

— Ищите лучше, — бросил Тельман куда-то вдаль. Он думал своей дочке, о том, что сказала жена. Судьба цветочницы перестала интересовать Его милость. Он мог потерять самое драгоценное в жизни, нет не трон, не империю, которую молодой выскочка, сын дерзкого горца, приберет к рукам. Нет, не сейчас, но, возможно, через пару лет. Тельман рисковал потерять свою Эмму. А белокурая девочка всегда тянула к любимому папочке крохотные ручки, когда лежала в колыбели под кружевным пологом. Его, своего папулечку, маленькая Эмма узнавала и глазки ее наполнялись смехом, если он заходил в детскую, проведать свою крошку. Тельман садился возле кровати, перебирал худенькие пальчики, после брал малышку на руки и носился с этим чудом по комнате. Он выгонял нянек, мадам Эдмон и сам читал малышке сказки и играл с ней.

А потом Эмма выросла. С каждым днем он улавливал в девочке черты внешности той, которая покинула его. Предала. Или он предал ее? Правитель Тельман смотрел, как улыбаются его дочь, а видел, перед собой тот самый изгиб губ, слышал тот самый смех. Казалось, Эмма переняла у незнакомой ей женщины и жесты, и мимику, а бедный Тиль любовался, как играет его дочка, а сам думал, что девушка с флейтой его никогда не покидала.

Позднее он занялся развитием страны. При помощи Милтона Джона удалось провести успешные реформы, завоевать новые рынки. Большая часть невероятного богатства пошла на разработку новых видов оружия и формирование крепкой и сильной армии. Тиль пустил стрелу в соседей и не прогадал. Он с мечом переступал чужие границы и города врагов падали к его ногам — каменные и деревянные, богатые и нищие. Замки рушились, как и многое другое. Семь лет он жил вдали от родных мест, а когда вернулся с долгожданной победой, Эмма встретила папочку совсем взрослой. Тиль узнал, что его дочка дружит с Чарльзом и ему очень не понравилось общение с сыном Милтона Джона. Свое маленькое сокровище Тиль делить не с кем не желал. А тем более с сыном врага. Он пообещал себе, что разберется с наглым горцем, едва Эмори Уилл переступит порог его владений.

41

Еще утром все было отлично. На примерку явился портной. Эмма сидела в любимом голубом креслице с высокой спинкой, в белой сорочке, волосы на голове были скручены в тугий узел. На круглом столике перед ней стояла ваза с фруктами, две серебряные тарелки, прикрытые кружевными салфетками и графин с ягодным напитком. Эмма не притрагивалась к еде. Она только принимала стаканы из руки Эшли и смотрела тяжелым взглядом, как работает портной. Усатый мужчина, с круглой головкой, обвешанный лоскутками, галунами, лентами и сантиметром, к которому также были приколоты булавки, порхал около манекена в платье нежно-кремового цвета с золотой отделкой.

Эмма отдала пустой стакан Эшли, встала. Эшли быстро поставила стакан на столик, а леди Ива накинула на обнаженные плечи Ее милости шелковый халат и, смутившись, отошла в сторону, поближе к Эшли.

— До этого у нее без конца ошивался в комнате господин Чарльз. Сегодня она в непристойном виде принимает портного, — шепнула леди Ива на ухо Эшли. — Может, стоит сообщить об этом Его милости? Ты знаешь, что подобные новости разлетаются по замку быстрее, чем хорошие.

— Знаю, — быстро нашлась Эшли. — Ее милость сама знает, что ей нужно. Она наследница Его милости и видимо думает, что правила для всех на нее не распространяются. — Эшли приложила руку к груди. Мысль, что когда-то давно Эмма была музой Чарльза ее расстроила, словно госпожа и сейчас крадет у нее самое заветное и ценное.

— А как же Чарли? — спросила леди Ива.

Эшли смутилась.

— Мы поженимся. Отец выгнал его из дома, и он живет в комнате при Академии. Он намеренно хотел провалить выпускные экзамены, но преподаватели видели в нем потенциал всегда. И отпустили его. О должности в замке он уже не мечтает и не пошел бы, даже если бы его стал уговаривать раскаявшийся отец. Чарльз занят реставрацией заброшенного амфитеатра. Он уже договорился с некими знатными людьми из страны горцев, к чему они пришли, я не знаю, но уверена, что среди выпускников Академии найдутся те, кто пожелает играть на сцене.

Леди Ива обратила внимание Эшли на Эмму, которая надела при помощи помощницы портного платье и теперь кружилась. Служанка распустила волосы Ее милости, а приглашенный парикмахер придумывал прическу.

— Все так запутанно, Эшли. Мне искренне тебя жаль, — леди Ива с сочувствием протянула девушке руку. — Ее милость так переменчива.

— Да, и мне страшно немного, что она в любой момент может вспомнить о Чарльзе, и он побежит за ней. Потому что все еще видит в ней музу, я это чувствую.

— Не нужно тебе было впутываться во все это. Для нее мы никто, так обслуга, которая всегда стоит по правую или по левую руку и следит за жестами этой руки. Совсем не важно, что мы чувствуем и что мы тоже иногда хотим выговориться и поплакать. О, если бы не этикет, я бы обняла тебя, как следует, а ты бы порыдала немного, иногда слезы приносят некое облегчение. Но мы можем дожждаться вечера...

— Боюсь, что освободимся мы не скоро. Сейчас примерка, потом у нее обед с отцом, потом она собиралась в город... Вечером праздник.... Не знаю, зачем ей это нужно, но она приказала сопровождать ее везде, хотя я редко слышу от нее слова благодарности, как раньше, только вызывающие жесты и приказы... Чарльз ей не нужен, так зачем мучить его, себя и меня.

— Тише, — сказала леди Ива. — Мне кажется, она нас слышит, видишь, как смотрит.

— И пусть, — шепнула Эшли. — Днем поговорю с Его милостью. И попрошу включить меня в свиту Ее милости. Его жены.

— Что? — леди Ива едва не обронила ленту.

— Его милость расположен ко мне в последнее время!

— О!

— Его милость просто помогает мне. Ничего личного. Комнаты, свита, новые платья.

— Эшли!

— Его милость шлет подарки, я их принимаю... Что в этом плохого?

— Да ничего, — леди Ива пожалала плечами. — Тебе напомнить, что случилось с леди Энн, леди Доной и леди Алисией? В замке поговаривают, что правитель замешан в их исчезновении. А после моих кошмаров, — она покачала белокурой головкой. Слеза уже выползла из голубого глазика, но леди Ива выпрямила плечи, разогнула затекшую спину и не позволила себе расслабиться, вспомнить удушающий воздух, свист над головой и трех разъяренных девиц у мозаичного окна. Волосы у них были растрепаны, пустые глазницы горели пламенем. Они кружились в сумраке и хриплыми голосочками обещали заковать правителя в цепи и душить, душить... Леди Ива сглотнула слюну, а свободной рукой схватила дрожащий локоть Эшли. Эшли не почувствовала и, казалось, не слышала вовсе ее предупреждений. Темные губы девушки шептали.

— Смотри, как Марли старается угодить Ее милости, пылинки сдувает. Новенькая, а молодая и бойкая.

— Да, ты права. Больше ласковых слов, делать все, что просят и не говорить ничего правдивого. Улыбаться, а в глазах таить ненависть и зависть...

С небывалым удовольствием Эмма кружилась возле зеркала, рассматривая на платье каждый шов и каждую складку. Это было платье для утреннего выхода в день осеннего праздника цветов. Портной на трех других манекенах готовил к примерке оставшиеся — для обеда, для выезда на улицы и на танцы, а суетливая помощница закалывала булавками лишнее и зашивала не нужные складки. Сидело платье великолепно, Эмма сама это видела, но ей захотелось покапризничать, и она с возмущением заявила, что нижняя оборка пришита криво. Помощница со смущением на квадратном личике отошла в сторону, парикмахерша выпустила из рук волосы Ее милости, а портной с сантиметром измерил по кругу юбки ширину оборки и не обнаружил неточностей, но был вынужден признать правоту Ее милости — оборка пришита неровно. Тогда Эмма раскритиковала и другие платья — обеденное ей показалось слишком узким в талии, вечернее слишком пышным, не модным, ее не устроила длина рукава, хотя месяц назад она хотела все наряды том виде, в каком их принесли на примерку. Портной ни слова не сказал в свою защиту или оправдание. Эмма тяжело выдохнула, вернулась в любимое кресло с изогнутой спинкой и приказала бедному портному переделать месячную работу за неделю, а затем прогнала всех, в том числе и Эшли. Нет, она и раньше позволяла себе капризы, но никогда ее причуды не были следствием того, чтобы придрататься к слугам, как сейчас.

Эмма дождалась, пока ее оставят в одиночестве, встала, вытащила из-под кровати тяжеленный сундук с кованой крышкой, куда ранее спрятала никогда не увядающий венок из луговых цветов, подаренный Тильдой, и платье цветочницы. Там же лежал наряд пчелки. Эмма надела платье цветочницы, подошла к зеркалу и увидела себя настоящую, ту, которая просилась наружу. И ей стало все равно, что подумают другие.

Потому что ночью опять был сон. Или видение. Или реальность? Эмма уже не понимала, когда мир перед ее глазами действительный, а когда похож на прах, призрачную россыпь. Ночью она превратилась в паучка с мохнатыми лапками, спряталась под ковриком и стала ждать появления черного облака. И оно явилось. Как только с неба упали первые капли дождя. Оно свистело, шипело, щупальцами ощупывало пустую кровать. Эмма в образе паучка прицепилась к нему на плащ, как его остальные слуги. Их было много. И все держались лапками друг за друга, пищали и шевелили усиками. Облако вздохнуло и выпорхнуло прочь. В окно. От одной мысли дождь перестал лить. Облако не стало кружиться, как перышко, оно полетело над темнеющими полями, горами, летело довольно долго, пока не приземлилось на острой вершине горы, похожей на кривой сучок засохшего деревца. Светила полная луна. Паучки один за другим сползли с плаща черного облака. И в один миг оно стало человеком. В серебряных одеждах. Лица, точнее носа у него не было, только две дырки для глаз. И глаза эти загадочно моргали. «Он» забрался на приготовленный для него престол из чистого золота. Зазвучала музыка, запели юные дивы в призрачных одеждах, закружилась в терпком воздухе мошकारа, паучки сбросили крылышки и превратились в обнаженных людей. Среди них Эмма увидела леди Энн — растрёпанная, она несла черному облаку кубок, леди Дона точила цепь за спинкой его трона, а глаза леди Алисии дрожали. Она сидела на подлокотнике и... Эмма не успела рассмотреть. Она проснулась. И сейчас поняла, что хочет лететь в город. Уж там мир точно реальный и

действительный.

Эмма закрыла глаза и переместилась на центральную площадь, где царил суеверие. Люди со всех ближних деревень собрались в городе в ожидании большого праздника цветов. Она пошла по заполненным веселыми торговцами улицам и стала прислушиваться. В каждой лавке говорили о «цветочницах».

— А когда они бывают?

— Раз в три дня.

— Говорят бросит молодая бутон, и все у тебя в жизни меняется.

Эмма улыбнулась. Они говорили о ней, а сейчас были настолько увлечены беседой, что не замечали ее, настоящую. Сегодня у нее не было лотка, голова не так сильно болела, да и помогать в плохом настроении желания не возникло.

У фонтана тоже скопился люд. Фермеры со скрипящими телегами, пахнувшим полем сеном и лошадьми.

— А здесь цветочницы бывают?

— Да, да, — крикнул толстяк в дырявой шапочке с отворотом и забрался на прохудившуюся бочку.

— Лучше бы цветочница стала Ее милостью...

Слеза покатила по щеке Эммы. Но один молодой паренек поддержал ее, настоящую дочь правителя, и назвал бедной и несчастной девочкой, а толстяк на бочке стал ругать, посчитав, что Ее милость получит по заслугам.

— А казнь актеров — комиков!

— Но их освободили!

— Говорят цветочница...

У Эммы закружилась голова. Она сбежала от гогота и рева в ближайший переулок. Закопченный. Здесь было меньше людей, не катились по булыжникам телеги, не пахло свежескошенным сеном, но что-то ударило более зловонное, слякотное. Эмма заткнула нос рукой и побежала к порту.

Там тоже было многолюдно. Отчаливали однопалубные судна, прибывали парусные. Торговцы тягали свои мешки и кованые сундуки. Один был наполнен золотом. Его тащили на повозку гвардейцы в серебряных плащах.

— Пи, пи..., - услышала Эмма слабенький писк. На ступеньках одноэтажного домика, вросшего в землю, с кривой крышей и с белым фасадом сидела девочка. С черненькими волосиками. У нее было круглое личико и налитые светом светло-синие глаза. Девчушка держала в проворной ручке шарик и пела песенку. Ее голос таял в мертвом воздухе. Он был идеален и чист. Она пела о счастье и радости и вдруг напомнила Эмме сестренку скрипача. В последний раз Эмма видела брата и сестру на празднике. Она тогда щедро наградила паренька за его работу, а вечером уговорила Чарльза пристроить талантливого музыканта в театр Академии, где ему должны были платить небольшое жалование. О судьбе тех детей Эмма больше не волновалась. Но таких были тысячи — бедных, искалеченных, которые ждали маму и папу. Эмма присела на коленки и поманила девочку. Девочка перестала петь и отпустила свой шарик. Шарик улетел в небо, а малышка подняла головку и помахала ручкой, словно добровольно проводила в дальний путь.

— Привет, — Эмма притянула ребенка к себе, поближе.

— Привет, я Мэнни, а ты кто?

— Я? — удивленно спросила Эмма. — Я Эмма и я работаю доброй феей.

— Правда?

— Правда.

— Тогда, добрая фея, сделай так, чтобы мой папа вернулся. Он уехал на небеса, — девочка прикусила ярко-алую губку. — Так говорит мой дядя.

— Все Мэнни, — сказал появившейся из-за угла подросток. У него были иссиня-чёрные волосы, которые обрамляли добродушно-наивное лицо. — Пойдем, а то тетка заметит, что мы сбежали...

— Сбежали? — переспросила Эмма.

— Нет, Дон соврал вам, добрая фея, я пою, а он собирает медняки у тех, кого разжалобит мое пение...

— Мэнни, — голос Дона становился злым, одичавшим.

— А кому деньги отдаете?

— Дяде, — правдиво ответила малышка, а Дон покачал головой. — Только это секрет... Вы же никому не скажете?

— Нет, я не выдам твой секрет, — пообещала Эмма. — А можешь меня познакомить с вашим дядей? — вдруг спросила она. — А я бы могла подумать, как вернуть твоего папу.

Мэнни улыбнулась. Ее маленькие добрые, налитые синевой глаза, блестели на солнце. Грязное платье ей совсем не шло. Она выпрямилась и запрыгала около Дона:

— Ты слышал, добрая фея вернет моего папу! Я увижу папу! Папу!

Но лицо Дона посерело. Он попросил Мэнни успокоиться, схватил Эмму за руки и крикнул:

— Зачем вы обещаете ребенку то, чего исполнить не можете? Мэнни поверила вам, поверила дяде... Нет, об этом я говорить не хочу... Уходите!

— Кто она тебе? — спросила у него Эмма, не спуская глаз с Мэнни. Малышка прыгала и была готова делиться своим счастьем с каждым прохожим. К вельможе в шляпе с широченными полями она тоже подошла, и что-то сказала. А мужчина сурово отшвырнул приставучего ребенка, и девочка вернулась к крылечку.

— Тетка велела присматривать за ней. Бить, если будет плохо работать. Но я люблю Мэнни, она стала мне сестрой, которой у меня никогда не было и о которой я забочусь.

— То есть ты тоже живешь у тетки?

— Да.

— И много вас?

— Трое родных, я и Мэнни. Иногда мы развлекаем этих. — Дон указал рукой на разодетого вельможу. Статный господин завел двух рослых сыновей в лавку со сладостями. И его дети никак не могли определиться с выбором сладостей ко дню рождения матери. Один мальчик требовал одно, другой втрое. Бедный отец даже прикрыл уши, чтобы не слышать громкий ор. Наконец он вытащил кошелек и бросил на прилавок четыре монеты, а не две...

— А... — закончила фразу паренька Эмма. И вспомнила прошлогодний праздник цветов. Аббат выстроил себе замок и пригласил всю знать отметить новоселье. Эмма и Чарльз представляли семьи правителя Тельмана и советника Милтона Джона. В тот день дети-подростки пели, танцевали, а кто-то прислуживал во время обеда... Она вспомнила и свой задорный смех, когда дети смешили ее и Чарли комичными номерами... — Я помогу вам выпутаться из этого ада, — сказала она. — А ты береги ее, она замечательная... — после Эмма пожелала, чтобы за спиной у нее появился поднос, и она одарила бутонами и Мэнни, и

Дона. — Думайте о хорошем...

— Цветочница! Держите ее! Хватайте! — крикнул толстяк на бочке. Он нашел и на пристани точно такую же. И здесь собрал фермеров вокруг себя и как мог ругал наследницу правителя...

Эмма схватилась за грудь, быстро попрощалась с детьми и устремилась в ближайший переулок. Девочка Мэнни сначала загрустила, ей понравилась добрая фея и не потому что она обещала вернуть папу. Она просто не хотела с ней расставаться так скоро. Она бы еще спела...

— Мы встретимся позже, — пообещала Эмма уже за углом дома. — А сейчас очень бежать нужно.

— Удачи вам! — крикнул Дон.

— Спасибо.

На призыв толстяка люди на пристани побросали свои дела и мигом устремились за ускользящей в переулке девушкой в платье цветочницы. Убегать было тяжело. Давно Эмма так не бегала. Вернее, вообще не бегала. Она уже не смотрела на валявшееся сено под ногами, на едущую повозку, на кричащего фермера, который из-за нее потерял шляпу и разбил банку с молоком. Бывало Эмма останавливалась, прижималась к стенам тесно поставленных домишек. У них тоже были белые фасады. Соломенные крыши. Из переулка она выскочила на мост, нашла темную нишу между кособокими хижинами и спряталась там. Дунуло зловониями, но Эмма заткнула нос и стала ждать пока пробегут на ту сторону реки ее преследователи.

— Молодая?

— Да, та, которая бутонами одаривает. Куда она подевалась?

— Всем разойтись! — это был голос гвардейца в серебристом плаще. — Велено цветочниц арестовать и бросить в темницу. Кто их видел?

— Я. Но одну.

Гвардеец махнул своему отряду.

— Все на тот берег. Она не могла далеко уйти.

Через пять минут грузный шум стих. Эмма вообразила себе другое платье, выбралась из укрытия, прислонилась к деревянным перилам моста и стала смотреть на мутную гладь воды в реке. Она искренне пожелала, чтобы ее бутоны помогли и Мэнни, и Дону. И тут ей показалось, что она видит и мальчика, и девочку. На берегу. К причалу пристало судно с флагом страны горцев. И на пристань сошел солидный мужчина. В дорогих одеждах и шляпе. В руке он держал шарик Мэнни. И Мэнни крикнула.

— Шарик! Мой шарик вернулся! Дон.

И этот вельможа не оттолкнул малышку. Он что-то сказал ей на ушко. Как и Дону. Ушли они вместе.

— Хотя бы им.

Эмма вздохнула и пошла в замок.

43

— Передайте отцу, что я не приду, — резко заявила Эмма поздним вечером, когда с нее сняли халат. Служанка откинула одеяло, а Эмма легла в кровать и ее укрыли.

— Приказ, Ваша милость, — Эшли протянула госпоже сверток, заверенный печатью Тельмана. — Мне велено вручить вам эту бумагу, если вы вдруг не захотите пойти добровольно.

Эмма, не читая, смяла послание отца и закинула в самый дальний угол. Очередной праздник. Кто бы знал, как она устала от всего этого. Свет, блеск и мишура виделись ей насквозь фальшивыми. Стоит схватить конец и все, тебя уже нет, ты растворился, пропал. Десяток пройдет по тому месту, где ты стоял. И никто не заметит исчезновения. Никто. Но она все же вылезла из постели и велела готовить платье. Самое новое, то, которое ей шили к осеннему танцу с Чарльзом. Из спрятанных за гобеленами шкапулок, Эшли вытащила самые дорогие украшения, и Эмма обсыпала себя бриллиантами, изумрудами, рубинами и жемчугом. Покрутилась перед зеркалом и оценила себя со стороны. Сегодня она походила на самую настоящую дочь своего отца.

Эмори Уилл со свитой приближался к высоченным башням из серого камня. Цветной флажок развевался на ветру в черном воздухе, и дозорный внимательно смотрел в трубу — как блестит на ясном небе призрачная луна или притаившийся среди веток, глухих улочек и соломенных крыш низеньких домишек признак вражеского отряда.

Ров, увитый плющом и грязью, поражал неприступностью и холодностью. Скрипнул подъемный механизм. Мост опустился и Эмори Уилл увидел каменистую арку. В арке просматривалась другая серая башня, а внутри ходили разряженные люди, звучала музыка и...

Жан ехал с ним в одной линии. Было темно. Десятки факелов освещали ночной парк. К замковой стене примкнули слуги в цветных одеждах и веселых шапках. Тяжелые кованые ворота сразу захлопнулись, едва на порог ступил последний человек из свиты Эмори Уилла. Хлопок был похож на стук железки в мышеловке. Жан обернулся и опустил голову. Эмори Уилл осмотрелся. Все окна в этом мертвом жилище были наполнены светом, он видел гарцующие по главному залу сумеречные тени, слышал раскатистый смех и ликующий хохот. Вышколенные гвардейцы стерегли высоченную дверь. Кто-то выкрикнул имя наглого горца и что он прибыл.

Эмори Уилл спрыгнул на землю и взял с собой только Жана. Остальных было решено оставить у ворот. Молодой правитель еще раз пожал верному слуге руку, и они одновременно оказались на территории врага. Становилось светлее. Они шагали по каменным плитам следом за серебряными плащами. Звенящая музыка, острый стук кубков, смех и пьяные разговоры становились все отчетливее. Эмори Уилл немного нервничал. Что-то затевалось. Понять бы что!

— Ваша милость! — Жуан материализовался из черной пропасти и распахнул бордовый плащ. — Вас ждет сюрприз. Прошу...

Гвардейцы распахнули внутренние двери. Громкий голос объявил о визите горца. Дамы и кавалеры тут же расступились и уступили чужестранцу дорогу к возвышению, где сидел правитель. Тельмана Эмори Уилл узнал сразу. Он даже встал, чтобы поприветствовать гостя, врага, друга дочки, он еще не знал, как относится к молодому выскочке. Музыка на балконе стихла. Жуан занял место подле Эвелин. Здесь было вполне удобно наблюдать за лицами и отца, и дочери. Эмма с полным отсутствием заинтересованности в танцах и разговорах, полулежала на своей скамеечке. Эшли обмахивала ее веером. Она услышала объявление о приходе некоего Эмори Уилла, но глянула куда-то вдаль. В темнеющее в каменной стене окно.

— Супруги уже говорили с Его милостью, они подтвердили ваши слова, — шепнул господин Жуан на ухо Эвелин. — Я их отправил на кухню, они поедят и уйдут. Они пересказали Его милости написанный текст, не упустив ни единого словечка!

— Очень хорошо, — Эвелин прикрыла глаза веером. — Пара секунд и спектакль начнется. Я хорошо знаю моего мужа, он не утерпит и устроит скандал при знати.

— Увидим, Ваша милость, увидим, — господин Жуан указал на Эмори Уилла. Горец уже достиг возвышения и остановился у специальной черты.

Тельман сбежал по ступенькам, схватил за рукав камзола и лично подвел к дочке. Эмма не меняла выражения на лице. Она походила на бледную статую, обсыпанную драгоценными камнями с ног до головы. Ее взгляд был холодным, бесчувственным, и не выражал никаких эмоций. Эмори Уилл смутился. И верного Жана не оказалось рядом... Ее глаза... нет он не мог их спутать ни с какими другими... Черты ее лица, пусть и застыли, он видел их прежними, волосы, щекочущие поясицу...

Эшли убрала веер и слегка подтолкнула Ее милость в плечо. Эмма очнулась... И увидела его. Он, в дорогих одеждах, стоял рядом с отцом. Такой далекий и такой мертвый, только потянись и он будет твоим. А рука не тянулась. Он принадлежал ей у озера, в охотничьем доме. А в этом зале он был заложником отца и всей мишуры, которую она так возненавидела. Эмма заметила, что рубаха из грубой ткани шла ему куда больше, нежели скроенный по последней моде костюм.

Ей захотелось убежать, неважно куда, просто убежать. Она чувствовала на себе сотни удивленных глаз, тяжелый взгляд отца, подавленный Эмори Уилла и любопытство мамы и ее спутника. Эшли отошла в сторону.

Тельман поочередно смотрел то на дочь, то на дерзкого горца. Он уже ненавидел эти кудряшки. Такие гордые, упертые, как рожки у барана. Но ничего не мог поделать. Он даже сердиться на наглеца не мог. И круглое личико его Эммы не загорелось от страстного желания обнять «друга», а по лицу Эмори Уилла было заметно, что ему стыдно, и если бы не гости и желание добиться мирного разрешения конфликта, он бы сбежал и как можно скорее. Того же желала и Эмма. Она просящим взглядом умоляла отца позволить ей уйти.

— За мной, — приказал Тельман и лично поднял портьеру, закрывающую проход в его кабинет. Эмма поднялась со скамеечки, подтолкнула каблучком, и скамейка как бы нечаянно покатила по ступенькам. Дамы ахнули, Эшли кинулась спасать столь важный атрибут Ее милости, а Эмма приподняла юбку и вошла в кабинет отца последней.

Эвелин тяжело выдохнула. Жуан затрясся в судороге. Дамы вернулись к обычным делам — обсуждать чужеземца и его наряд.

— Нищие, а вырядился-то!

— Гляньте!

— Золото так и сыпется из карманов!

Скрипачи на балконе взяли смычки, слуги поменяли перегоревшие свечи.

В кабинете Тельман кликнул Гастона. Слуга явился из боковой комнаты и прикрыл дверь.

— Разожги огонь! — велел правитель.

Гастон вызвал других слуг и у вспыхнувшей пламенем печки поставили три кресла. Правитель сел первым, в центральное, Эмори Уилл слева, Эмма справа.

— Вы ничего не хотите мне сказать?

— Он обманул меня, — впервые за вечер Тиль услышал голос дочки.

— Она обманула меня.

— Я думала — он фермер.

— А мне казалось — она пчелка и дочь-бесприданница. И у нее мать, а не отец. Я

собирался жертвовать землями ради нее. Жан, как всегда был прав!

Тельман напрягся. Эмори Уилл и Эмма поочередно выясняли отношения и не смотрели друг на друга. Эвелин и слуги, стерегущие охотничий дом, свидетельствовали о каком-то заговоре. Была тайна, но не заговор. Или его ввели в заблуждение, надеясь, что Эмма и молодой человек знают правду друг о друге.

Тут его малышка сорвалась на крик. Она изъяснялась так резко и требовательно, как говорил сам Тиль. Сейчас он видел в ней себя. И наглый горец не отступал.

— Прекратите, — резко остановил Тельман бесконечный спор о поиске виновного. — Пусть каждый из вас выскажет свою точку зрения, а я послушаю. Эмма, начинай.

— Хотя бы именем назвалась настоящим, — подколот Эмму Эмори Уилл.

— Ты тоже преуспел, — съязвила Эмма и отвернулась.

— И, пожалуйста, с подробностями, объясни, причем тут твоя мать..., - попросил Тельман.

Эмма сделала паузу. Был слышен треск веток в железной печке и стук двух бьющихся сердец, билось сердце Эмори Уилла, билось сердце Эммы.

— В ночь после церемонии, я не могла спать. На празднике после танца с Чарльзом, я все для себя решила. Кто для меня важнее и с кем я хочу быть. Я выбралась из замка, минуя заснувшую после пьянки охрану, которую ты ко мне приставил и побежала к озеру, не будучи уверена, что встречу его. Но он был там. О Чарльзе я уже не думала. Я отвела его в охотничий дом. И провела лучший день в своей убогой жизни. А он сказал, что вынужден уехать. Мы расстались. Я не пошла к восточным воротам, как мы условились, и стала безрассудно гулять по безлюдным улицам и переулкам. На площади я увидела спектакль. Девчонка-актриса копировала меня, и всем было смешно. Она высмеивала меня, а простой люд платил ей, чтобы увидеть продолжение. Я заметила господина Дюре с отрядом и приказала арестовать актеров, схватить за волосы и бросить в темницу...

Эмма зарыдала и позволила отцу обнять себя.

— Папочка, что мне делать?

Тельман вздохнул. Видеть «врага» в кресле он никак не мог. Наглый горец с кудряшками ухмыльнулся. Он явно догадывался, чем закончится игра. И каков будет исход.

— Не бывать этому, — подумал Тельман, а потом глянул на дрожаще-рыдающий комок у себя на плече и у самого слеза навернулась. Эмма в этот момент походила на уличного котенка. Она и была им. Он, Тиль, подобрал ее, положил в затянутую кружевным пологом колыбель и все в жизни этой девочки переменялось, потому что он захотел. Он.

Тельман крепче прижал к себе свою дочку, и про себя просил прощения, что позволял аббату думать о ней дурно. Эмма промочила солеными слезами воротник его камзола. Правитель вопросительно глянул на Эмори Уилла. Горец изнывал от духоты. Огонь пылал в этой комнате. Обдавал жаром.

— Все, что я делал, все посвящал тебе, все свои победы, все добытое золото, я строил для тебя замки, дарил платья, украшения, я позволял тебе все твои желания, я не мог допустить мысли, что ты так несчастна и можешь грустить. Сегодня, когда мать твоя рассказала мне о нем.... — Тельман закашлялся, — ... друге в охотничьем доме, я понял, насколько стало неважным для меня золото, тоннами лежащее у меня в пещере... Замок, который я строю и... его, страну, которую я намерен завоевать... Я хотел сделать тебя великой, чтобы все преклонялись перед тобой, чтобы все чтили тебя. Я думал, что каждой своей победой, каждым своим подарком приближаю тебя к себе, а ты отдалялась от меня. И

нужно сказать спасибо Эвелин, она хотела разлучить нас, а вышло, что сблизила.

— Папа, ты самый лучший, — прошептала Эмма.

— Позвольте теперь мне сказать, Ваша милость. Я торжественно клянусь, что буду оберегать и защищать Эмму, так же преданно, как это делаете вы. Мой друг Жан, свидетель, я хотел идти на любые уступки, я приехал в этот замок добиваться мирного соглашения.

— Я знаю, обо мне ходят легенды, я злой и жестокий, что ж возможно, кто — то и прав в своих суждениях и домыслах. Но согласитесь, молодой человек, сложно-то удерживать авторитет, если нет строгости. Ведь любой обитатель моей тюрьмы знал, на что идет, когда совершал преступление против меня. Я держу в страхе все свое окружение? Может быть. Только подумаете легко ли выжить в замке, который вроде принадлежит тебе, а вроде и не тебе, когда собственная жена может предать, а затем к ней присоединится Милтон Джон, начальник гвардии, аббат. Все они найдут более выгодное положение при ее режиме. И какое будущее ждет мою Эмму?

Тельман взял ладонь Эмори Уилла и вложил в руку дочери. Эмма платком вытерла слезы.

— Уступаю этот кабинет вам. А как будете готовы, жду на танцы.

Правитель Тельман вышел, и Гастон закрыл за ним резные двери. Эмори Уилл перебрался в его кресло:

— Я скучал, — сказал он. — Прости, что солгал. Хотел удивить тебя... и твою мать... правда.

— Я тоже скучала, но теперь мы друзья? Навсегда?

— Конечно.

Было жарко, душный огонь обдавал жаром. Драгоценные камни на шее, в волосах, на пальцах переливались ярким блеском. Эмори Уилл сорвал ожерелье и поочередно снял с рук каждое кольцо. Все падало на пол.

— Так лучше, — он засмеялся.

— Не ожидала от тебя, — услышал Тельман голос. Тихий шепот ласкал оттопыренное ухо дыханием и приглушенными, наспех произнесенными словами. Он узнал ее мгновенно и побоялся признать присутствие. А она была в этой комнате. Он точно знал. Возможно стояла у самой двери и ждала, когда он предложит подойти ближе. Тельман не спешил. Он решительным шагом прошел вперед и распахнул окно. Ему было душно, он связал с этим возможные явления, которые не мог объяснить.

— Это я, — вновь произнес голос. — Ты не ошибся и нечего убеждать себя, что я перестала существовать.

Тильда без приглашения уселась в его любимое кресло. Высокая спинка закрыла ее полностью. Не было видно даже косы с вплетенной в нее голубой лентой.

— Эмма не рассказывает о ваших похождениях, но ты каждый день крадешь мою дочь, — вялым голосом произнес он, не отходя от окна. — Зачем?

— Что?

— Сама знаешь...

— Это ты украл ее. Твой аббат! С вечными подозрениями...

Тильда вскочила. Ее презрительный шепот зашекотал ухо. Тиль спрятался в сумрачном углу. Там был шкаф, и он подумал, что Тильда не найдет его. Все силами он подавлял рвущееся из вздымающейся груди чувство, которое никак не мог определить...

Тильда настигла его и в укрытии. Полки не спасали от гневного взгляда неземного цвета глаза. Черные зрачки ее горели. Что она собиралась делать — было не понятно. Только сейчас Тельман заметил, что она босая. Оборка ее платья светится, а она лучится в призрачном серебре. В парке кричали, в парке хохотали. И никто не мог помочь правителю в данную минуту. Пот выступил на морщинистом лбу, руки затряслись. Он даже пискнуть не смел — Дюре и его гвардейцы вряд ли способны совладать с ней. С той, которая светилась.

— Так вот, твой аббат был прав, — Тильда захохотала, быстро взлетела к потолку, повисла в сумрачном воздухе, вытянула искрящуюся руку, коснулась плеча правителя, вытащила его из укрытия и швырнула в горящее алым пламенем кресло. Невиданная сила придавила Тельмана к раскаленной спинке и не позволяла шевелиться. Тильда все еще висела над ним в дымчатом воздухе. Теперь светилась не только оборка. Голубое платье также искрилось ярким светом. Тиль тяжело дышал. Не помогал и влетевший через распахнутое окно свежий запах цветов...

— Не я...

Послышались отголоски и грохот ритмичной музыки из танцевальной залы. Оглушительный смех, писклявый звон, пошлые шутки в адрес Эммы и кучерявого горца, кто-то даже пытался предугадать действия выставившего себя на посмешище правителя. Сад озарила яркая вспышка.

Тиль схватился за горло, которое распухло от гари и стал задыхаться в кашле. Огонь и жар мигом отступили. Тильда приземлилась на ковер и села подле его ног. А как положила голову в венке на сиденье, как посмотрела. В милых ручках не было флейты, как в тот раз, но Тиль не мог оторваться от неземного цвета глаз. В них он видел все — поляну, залитую солнечным светом, пенистую волну, сокрушенный фиолетовыми молниями парусник и

черные брызги... Холодные. Мрачные. Вдруг она обняла его и умоляла продлить ту минуту наслаждения, пока они были вместе, отрезанные от всеобщего мира... В малой гостиной было темно. Он отвел ее окну. Два темных силуэта стояли, прижавшись друг к другу. Только вспышки фейерверков озаряли их встревоженные лица...

В ту ночь лил дождь. Тиль пробирался к избушке по утопающему во мраке лесу. Копыта лошади застревали в вязкой слякоти, сам он до того вымок, что не спасала меховая накидка. С жидких волос стекала дождевая вода. Зеленые листики некогда цветущих кустов пригнулись к земле. Ветер раскачивал макушки деревьев. Ему казалось, что он сбился с пути. И лошадь его неслась в стеклянную темноту. Но он спешил. К Тильде. К его Тильде.

Он смог найти избушку... Тиль сполз с седла и привязал лошадь к дереву. Оглянулся... Одинокая пристань... Вблизи деревянного мостика... Именно там он впервые поцеловал Тильду. Лодка покачивалась на мутноватой глади воды. Они катались в ней по реке. Паж в шапочке с козырьком орудовал веслами. Тильда сидела на корме и плела из полевых цветов венки. Она украсила им его голову и попросила не присылать драгоценности.

— Вот мое золото, — она показала диадему из незабудок.

Тогда он приказал высадить вблизи избушки лучшие цветы, какие знали садовники. Тильда засмеялась, обняла его и песчаные берега эхом зашептали мелодию, ту, которую она играла на флейте, и райские птицы с разноцветными перышками сопровождали их в том путешествии по реке.

Мать узнала о его связи и осмелилась отчитать:

— Охота... Любовное приключение... — пустилась возмущаться пожилая женщина. — Любить не запрещаю, но осторожность... Эвелин вынашивает твоего наследника, Тиль. А если могущественные родственники узнают? Твоя жена не дочь Правителю Хуану, но состоит с ним в близком родстве...

45

Гвардейцы поочередно распахнули каждую из двух дверей, расположенных напротив, одна дверь вела в кабинет, другая в приемную, а уже за ней располагалась спальня. Отец ждал ее в приемной. Гастон подбрасывал в печку дрова. Едва вошла Эмма, правитель тут же прогнал слугу и взглядом велел дочери сесть. В одном из кресел Эмма заметила Тильду. Она была в том же платье с голубой оборкой, как и все дни, в которые они виделись. Золотистые волосы распущены и длинные концы касались подлокотников. Венок на голове отсутствовал.

— Думаю, что знакомить вас не имеет смысла, — сказал Тельман.

— Нет.

Эмма села рядом с Тильдой и с интересом стала смотреть, то в радостные глаза отца, то на спокойное и сдержанное лицо наставницы.

— Завтра я объявлю, что намерен жениться во второй раз. Тильда станет Ее милостью. Я давно хотел сделать так, но подлые интриги аббата и моей матери мешали мне... Мutilи разум.

— Это все? — спросила Эмма. — Если да, то я рада за вас. Только о маме не забывай, прошу. Она вынашивает твоего ребенка, отец. И о рыжей Алисии. Она тоже была беременна? Как леди Энн? Или нет?

— Эмма! — рявкнул правитель и задохнулся в сухом кашле. Тильда одновременно помогла и ему и сжимала встревоженную ручку Эммы. Крохотные пальчики дрожали, подгибались и казались безжизненными. Платье, сшитое из дорогой парчи, смялось и

потеряло вид. Это заметил и правитель, но этого не видела Эмма, а она прежде всегда следила за внешним видом и никогда бы не позволила себе выйти на люди даже в слегка примявшемся платье.

— Я всегда любил Тильду и желаю быть с ней.

— Догадывалась, — Эмма высвободила ладонь из руки Тильды. — Думаешь спасаешь ее?

Тельман кивнул.

— Хорошо, тогда ответь, папа, о чем думал ты, когда отбирал у нее ребенка? А?

Тильда подскочила. Велела Эмме замолчать. Тельман затрясся. Ушел в тень, чтобы Эмма не видела его потерянных глаз и морщинистого лба.

— Козни аббата, — как можно увереннее ответил он. — Мы с Тильдой поговорили. Она не имеет ко мне претензий.

— Не имею, — Тильда проглотила слюну. Эмма как будто не слышала их. Продолжала говорить. Мысль то теряла, то находила.

— И почему новорожденные не могут выбирать, где они хотят жить и с кем. Твой аббат решил судьбу крошки... Утопил? Закопал в грязной ямке? А! Вы думали, что спасаете малыша? Еще месяц назад я так и считала, а сейчас... мне противно...

Эмма откинулась на спинку и забросила обе ноги на подлокотник, чем удивила своего отца. Он увидел голые лодыжки.

— Немедленно извинись, — крикнул Тельман. — И опусти ноги.

— А не буду... Я тоже желаю делать, что хочу. Эмори Уилл завтра едет в горы, так вот я поеду с ним. Подальше от ваших интриг, сплетен и заговоров, — она встала, одернула юбку платья, поклонилась сначала отцу, затем Тильде.

— Стой! Ты не посмеешь! — Тельман вскочил с кресла. — До венчания, я запрещаю! Эмма!

— Поздно меня останавливать, папочка, — она сделала еще один поклон и отправилась к дверям.

— Я не отпускал тебя! — правитель вернулся на место. Тильда взяла его за руку и успокоила:

— Она просто грозит...

Тельман приложил руку Тильды к груди и тяжело вздохнул. Она подала ему стакан, и он промочил пересохшие губы.

— Я слишком многое позволяю ей. Она имела все, что желала. Я оберегал ее, как мог, и не позволял знати опорочить четное имя.

— Ты избаловал ее, я выслушала от Эммы менее приятные вещи, уж поверь, каждое ее слово ранило мне сердце.

— Так бы и надавал ей, как следует, но Эмма привыкла, что с рождения ей прощались любой каприз. Надеюсь выйдет замуж, родит своих детей и образумится. Пусть и от этого придурка горца. Возомнил себя уже верховным правителем. Только рано еще мне. Ух...

Тельман закашлял, схватился за грудь и снова попросил воды. Тильда улыбнулась и подала ему стакан...

— Как же... — Тельман не смог договорить.

— Все, успокойтесь, Ваша милость, вам нельзя волноваться... Идемте, прилягте. Давайте.

Тильда привела правителя в его спальню и положила на кровать. Пока они шли, он

бормотал, казалось через сон.

— Наше взрослое сокровище взволнует любого... Мне уже немного жалко засранца зятя. Эмма не даст ему скучать.

— Взволнует, не сомневаюсь. Только не тебя, гнида!

— Что ты сказала?

— А ничего.

Тильда захохотала, а у Тельмана сон как будто рукой сняло. Жаль встать с кровати он не мог. Тильда не позволяла ему. Как и раскаленные цепи. Он увидел их — призрачных, растрепанных. Алисию, Энн и Дону. Алисия заковала его шею, Энн плюнула в лицо, а Дона села верхом и стала душить. Тильда задрала голову к потолку, огромная люстра рухнула на пол. Взглядом потушила пламя и снова захохотала. Тиль желал услышать музыку серебряной флейты, но пелена как будто упала с глаз. Из углов полезли пауки. Алисия приставила горячий язык к раскаленному уху и шептала, как ненавидит его за унижения, Энн вынула из-за талии кинжал, а Дона давила его грудь слабенькими ручками и орала:

— Подонок, подонок!

— Позови!.. П... Г... — крикнул что есть мочи правитель. Но Тильда села в его кресло и стала раскручивать в милой ручке голубую ленточку.

— Ты забрал ее у меня, а я заберу у тебя. Она бросила тебя. Жалкого. Противного. Придурка. Гниду!

Тут она в очередной раз захохотала. Девицы пропали. Как и цепи. И люстра была на потолке. А поту Тельман скорчился от боли. Стало душно, противно. Он не знал, о чем думать, чего желать. Эмма! Но Эмма не шла. Она танцевала и нежилась в объятиях своего горца. Она пожертвовала им, любимым папочкой, ради кудрявого мелочника. А он сделал все для этой малышки, когда положил ее в колыбель наследницы. Чувствуя, что теряет сознание Тельман повалился на подушки. Руку от сердца не успел убрать.

— Теперь ты сдохнешь! Эмма получит то, чего так страстно желала я. И справедливость в этом мире восторжествует!

— Ошибаетесь, дорогуша!

Визг Тильды — последнее, что услышал Тельман. Прежде, чем закрыть глаза...

Эмма выбежала в сад. Эмори Уилл едва успевал за ней. Она расталкивала возбужденную толпу. Разряженные в бархат и шелк гости смотрели на темный небосвод и ждали коды, кульминации. Гвардейцы зажгли абсолютно все факелы и аллеи парка наполнил теплый свет. Небо озарилось множеством огоньков. Эмма радостно подняла руку и зажмурилась. От счастья, что все сложилось удачно. Где-то в толпе она заметила ругающихся Чарльза и Милтона Джона. Отец и сын отошли в сторону, к одиноко стоящей беседке. Милтон Джон жестикулировал. Эмма прислушалась. Ей стало слышно каждое слово, произнесенное главным советником. Он заявил сыну, что отказывается от него:

— Возводи амфитеатр, дорогой сынок, как и хотел. Только на нищенские деньги, которые тебе придется собирать на площади, играя свои жалкие пьески. Я лишаю тебя наследства...

Чарльз с полной покорностью принимал все оскорбления отца, и взял под руку, подбежавшую к нему Эшли. Девушка пыталась разнять их. Чарльз демонстративно поцеловал свою новую музу, актрису, а бедному советнику поцелуй был ниже удара в пояс. Милтон Джон закричал невнятно и произнес ругательные слова, от которых у Эммы заложило уши. И, переваливаясь с одной ноги на другую, исчез в глубине сада. Чарльз улыбнулся. Он повел Эшли к гостям. Эмма наблюдала за ними и крепче прижалась к плечу Эмори Уилла. После разговора Его милостью, он побеседовал с Жаном. Жан призывал не верить правителю. А Эмори Уилл отказывался слушать своего бедного друга. Он бегал по комнате и боялся вспоминать и о заветах своего отца — не связываться с Тельманом никогда. Как и с его родственниками.

— Ваша милость! — Жан пытался образумить друга, господина. — Идемте скорее к кельям господина аббата. Я получил послание... Нашел в нашей с вами комнате. Под кроватью. Связной не обманул...

Эмори Уилл быстро пришел в себя. Жан подал ему свиток. Эмори Уилл распечатал письмо.

«Жду вас до начала фейерверков. У кельи аббата. Если не придете, то бумаги свои никогда не получите. Тельман пойдет войной против вас. Станете вы мужем его дочери или не станете. В ваших же интересах — приходите».

Подписи не было. Эмори Уилл швырнул бумагу в горящую печку.

— Бред, — заключил он и повалился на подушки.

— Как угодно думать, Ваша милость, — Жан надел камзол, башмаки.

— Жан!

— Осмелюсь нарушить приказ, Ваша милость. Впервые. Ради вашей безопасности.

— Ты куда собрался?

— На встречу, Ваша милость...

Жан двинулся к дверям.

— Но...

— У меня приказ Его милости, если вы помните.

С той минуты Эмори Уилл более не видел своего слугу. Жан не вернулся в танцевальный зал. И на фейерверки не пришел.

Зато здесь была Эмма. Эмори Уилл видел ее плечи, шею, шелковистые волосы касались поясницы. Девушки из свиты окружили его Эмму, но любоваться ей никто ему не запрещал.

— Надолго к нам? — поинтересовался Чарльз.

— Переночуем с Жаном в замке, а утром домой. Эм сказала, что Его милость позволил нам остаться... Как видите.

— Эм? — обеспокоенным голосом переспросил Чарльз. — Ее милость называют «Эм» только преданные и близкие ей люди.

Эмори Уилл усмехнулся.

— Например вы, — решительно ответил он и поправил в кармашке на груди сочинителя алый платок. — Но как мне стало известно от Эм, то вы выбрали старшую служанку в спутницы, поэтому я все же осмелюсь сказать вам, до официального объявления, что около двух часов назад я просил руки Ее милости у Его милости. И мне было дано разрешение взять в жены вашу бывшую Эм, как только ей минует восемнадцать. Ваш отец оказался прав, вы потеряли самое ценное, что имели, но я поправлю господина главного советника, ценность Эммы не в этом, — Эмори Уилл показал рукой на великолепный замок и окрестности за ним, — а в этом, — он ткнул палец в грудь сочинителя. Чарльз решил, что ослышался, он убрал руку Эмори Уилла и сказал:

— И тут пришли вы, жалкий горец, и разгадали душевную загадку Эм?

Эмори Уилл похлопал Чарльза по плечу.

— Да, — ответил он. — Сам не понял вначале, какое счастье на меня упало, даже едва не совершил ошибку, как и вы, но случай все расставил на свои места. — Эмори Уилл подмигнул побледневшему Чарльзу и двинулся к замку, который через пару лет станет его первым домом. А его собственный, в горах, загородной резиденцией, или местом для приема гостей, у него еще будет время подумать.

Вспышки прекратились. Эмма запрыгала от радости. Возбужденная толпа вернулась на балкон и продолжила активно обсуждать последние новости в семье правителя, от которых их отвлекли дымчатыми залпами в саду. На смотрящую на них Эмму с неким презрением, никто внимания не обращал, каждый высказывал свою версию и все заканчивалось оглушительным хохотом. Эмори Уилл старательно удерживал невесту от решительного шага. Активнее всех высказывался господин Жуан. Человек в бордовом плаще громко выкрикивал имя Ее милости, а Эмме хотелось ударить и даму в белой шляпке, и юношу в слишком узких штанах, и девицу с нарумяненными скулами, и старушку в кружевном балахончике. Забросать их всех землей, которую она топтала каблуками и высказать все, что думает. На помощь подбежал Чарльз. Сочинитель схватил Эмму за вторую руку, а верная Эшли встала перед госпожой и загородила Ее милость от всеобщего внимания, которое спустя несколько секунд было направлено уже не на дочь правителя, а на Эвелин, на господина Жуана и на господина аббата. Вдвоем они сопровождали Ее милость из замка в сад. Десять вооруженных гвардейцев оттолкнули придворных вельмож и теперь двигались вперед, к Эмме. Аббат вышел на каменную площадку и поднял руку. Знать на балконе умолкла. Лицо Эвелин сияло. Господин Жуан целовал ей то ладошку, то пальчик.

— Его милость... — Аббат пустил слезу. — Его милость сразил удар...

— Папа! — ахнула Эмма.

Знать охнула. Теперь все смотрели на Эмму. Но она не могла бежать. Чарльз и Эмори Уилл удерживали ее.

— Его милость без сознания, но дышит. Он в своих покоях.

После господин аббат повернулся. И вынул из кармана серой туники сверток. Коричневая печать блеснула в факельном свете.

— Не та бумага, о которой все подумали, — хмыкнул аббат. — Признание. Я нашел его в комнатах Его милости. На круглом столике. Буквально десять минут назад. — Аббат развернул свиток и стал читать.

«Дамы и господа! Ваш правитель совершил ужасную ошибку, но думает, вы простите его. Это случилось в ночь, когда лил дождь. Я ехал по лесу к своей любовнице. Тильде. Женщине с серебряной флейтой. Она ведьма! Которая приворожила меня... Вашего правителя! Так вот я ехал по тропинке. Вдруг женский крик. В избушке. Я быстро вошел в дом. На столе горела единственная свеча. Гвардейцы моей матери волоком тащили мою Тильду по полу... Жену Эвелин заботили праздники и балы. Поэтому я увлекся Тильдой. Как говорил уже, Тильда играла на флейте, кормила вкусным ужином, штопала рубашки, стирала воротнички и просила катать на лодке по реке, но ровно в восемь всегда выпроваживала из избушки.

— Берегись отца, — шептала Тильда, когда я обнимал ее на мостике. — Он...

— Учитель в школе для богатых...

— Нет...

— Тиль! — Тильда подняла заплаканное лицо. Гвардейцы заметили меня. Поклонились. Бросили измученную девушку к моим ногам. Было холодно. В доме в ту ночь не топили. Я сел на колени и обнял свою Тильду. Я целовал горячий лоб ее.

— Мерзавцы ответят за подобное обращение, любимая.

— Тиль, мне плохо, — Тильда повалилась мне на руки и слабым голоском попросила отвести ее в спальню.

— Отправляйтесь искать помощь! — велел я гвардейцам.

— Дождь...

— Мне плевать!

— Деревня далеко...

— Пререкайтесь еще будут... Гвардия красных подчиняется Верховному Правителю. Ясно? Устав кто сдавал? Быстро пошли искать помощь...

Гвардейцев ветром сдуло. А я не отходил от своей Тильды. Я смог нарубить дров и затопить печку. В чугунной кастрюльке, пустой в этот вечер, вскипятил воды. Зачем, не понимал.

— Отец... Я не приготовила ужин... Эти помешали... Уходи... Беда будет, — бредила Тильда. Но я целовал влажную ладонь и просил успокоиться.

Гвардейцы привели в избушку пожилую женщину, которая тут же бросилась на помощь Тильде. Женщина рассказывала, как им повезло, она как раз шла домой в дождь из соседней деревни, где лечила ребенка. Я маялся по комнате и тут мой взгляд упал на приказ, подписанный рукой матери, в котором Тильда обвинялась в соблазнении Верховного Правителя и подвергалась казни. Приказ также завизировал господин аббат. Лицо мое нахмурилось, я смял бумагу и выбросил в окно, вынул из кармана два кошелька и велел гвардейцам доложить моей матери, что они никого не застали в избушке. Гвардейцы поклонились и тронулись в путь. И они, довольные, спрятали обжигающее руки золото.

— Вы кто?

Седой мужчина появился в избушке внезапно. Стряхнул капли с плаща и повесил его на

спинку деревянного стула. На стол положил конусообразную шляпу. По широкому лицу с высоким лбом и прямым острым носом, похожим на клюв, невозможно было определить возраст. Посиневшие от уличного холода губы сложились в трубочку. Одинокaя свеча погасла. В печке трещали поленья. Но я больше не чувствовал тепло. И глаза у старика были холодными, пустыми. Черно-серые. Незнакомец оттолкнул меня и первым заскочил в комнату, где страдала не могущая родить Тильда.

— Мерзавка, — услышал я грубый голос. А потом меня как будто ударил кого-то. Растерянная лекарша выбежала в переднюю.

— Девочка... Миленькая... Глазенки васильковые...

Я бросился к своей Тильде. Но седой не дал мне войти.

— Бредит она, забирай свой приплод и проваливай. Бедному учителю не на что содержать внучка... Ох, мерзавка... Эй, ты... вымой-ка вторую мерзавку и отдай этому, — обратился седой к лекарше. Старуха искала, во что бы завернуть малышку. Я не смотрел на нее. Я хотел видеть Тильду.

— Открой! Ты, гнида! А дочь твоя... Я осыплю ее золотом!

Седой не отвечал. И всхлипов Тильды я больше не слышал. Я напрягся. С третьего раза мне удалось выбить дверь.

— Чудеса! — кричала лекарша. — Лежала... Теперь нету... Дождь кончился. Едьте домой. Я одеяльце нашла. Вам далеко? Может, до утра подождете? Малышке нельзя на холоде...

— Нет, — рявкнул я. — Отдайте ребенка. — Я прижал дрожащий комок к груди и увидел Тильду, танцующую на солнечной поляне. — Где же ты? Ничего, папочка отыщет мамочку...

В замке моя свита праздновала в ожидании «радостного события», и никто не заметил, что я вернулся из леса «со свертком». Я отнес дочь Тильды в приготовленную для наследника детскую. Положил во вторую люльку, на мягкие перины. Дочка Тильды перестала плакать, едва я укрыл ее одеяльцем.

— Папа позаботится о тебе. А сейчас спи...

Но девочка вновь заплакала. Тогда я стал качать ее. Мы кружились по комнате, как Тильда на том лугу. Я слышал музыку серебряной флейты и понимал, что не смогу расстаться с малышкой. Никогда.

Моя жена Эвелин в ту же ночь лежала на кровати в окружении служанок и пыталась родить. Она кричала, лицо ее было искажено от боли, ужаса и мучений. Мне показалось на миг, что боль Ее милости перешла и ко мне. А потом вышла старушка в белом и шепнула на ухо. Я задумался:

— Принесите!

— Но...

— Я хочу посмотреть. Принесите. В детскую не входить, пока я не велю.

И мне принесли ребенка Эвелин. Тоже девочку. Ребенка Тильды никто не видел. И решение пришло ко мне! Как вспышка. Я завернул девочку Эвелин в лохмотья, вызвал в детскую тех самых гвардейцев и дал им еще золота.

— Избавьте меня от мусора, — сказал я им и отдал «сверток». — Делайте, что велят. И лучше вам забыть о том, что видели.

Гвардейцы поклонились. Ушли. А я переложил дочку Тильды в колыбель наследника и объявил эту девочку законнорожденной. После нужно было известить вас, дамы и господ. И

вы, «свита», перестали галдеть, едва я вошел в залитый светом зал с низкими потолками. Всюду горели свечи. Слуги в парадной форме несли тяжелые подносы и кормили вас. Красное вино рекой лилось из резных кубков.

— Дочь, — еле слышно бросил я и вдруг натолкнулся на ту самую старуху в белом. Женщина не отскочила к стене. И не было испуга в ее глазах. Она просто держала свой передничек и наблюдала за происходящим.

Я искал стражника или хотя бы пажа... Никого не было по близости. Скрипач на балконе отложил смычок. Слуги остановились с подносами в дверях. Моя мать привстала. О, «свертки» — Тильды и Эвелин... Все смешалось в моем сознании, что думать об обычаях и церемониях я не мог. В детской спала дочь Тильды. Гвардейцы избавлялись от дочери Эвелин.

Старуха осмелилась перечить мне. Что не та девочка, не та. Уже открыла рот, издала первый звук, который вышел растянутым, шипящим. Опьяневшие гости восприняли ее речь свистом. Я взглянул на женщину. Строго. Поучительно. Властно. Старуха перекрестилась и побежала прочь. Никто ее отныне не видел в замке. Эвелин стала горевать в ожидании наследника-мальчика, а я, Тиль, готовил в преемницы малышку Эмму.

Эмме быстро исполнилось пять. Я был с ней, когда мастер принес в детскую игрушечную лошадку. Дочка обняла рыжую гриву, а потом повисла на моей шее. Мы играли и смеялись.

— Папа! Идем, в парк!

— В парк?

— Ты обещал!

— У папы...

Эмма села на коврик и вдруг глянула васильковыми глазенками. Я вспомнил поляну, флейту, избушку, седого в конусообразной шапочке... Тильду...

— Идем! — зачем-то сказал я и посадил свою малышку на плечи.

В парке я стал бегать вокруг фонтана. Волосы маленькой Эммы развивались на ветру. Прозрачные брызги мочили подол ее платья, увлажняли розоватые щечки. И не видел я, что за могучим стволом прячется молодая женщина. Подойти не смеет. Только плачет и плетет венки из луговых цветов.

Потом в нашей жизни появилась девочка Эшли. Эмма подобрала ее. А недавно я увидел на безымянном пальце кольцо в виде трехзубчатой короны. Как у моей Эммы. И заволновался. Забеспокоился. Дело в том, что с таким кольцом нужно родиться, в моей семье. Я сразу понял, кто эта девушка. И теперь, когда мать Эммы явилась в мои покои, а я прогнал ее, потому что узнал — Тильда самозванка, ведьма, она пожелала родить от меня дочь и посадить на трон ведьму. Они предали меня. И малышка Эмма. И Тильда. Хотели свергнуть меня. Седой старик разыграл спектакль, а я поверил. Поэтому Эмма так часто сбегала. Мать ей дороже отца. Пусть так и будет. Хорошо, что аббат, мой верный друг, подслушал один разговор, а мисс Эшли поведала о светящейся женщине в ее камерке и о странном исчезновении Эммы и старика в конусообразной шляпе... Поэтому повелеваю... Мисс Эшли восстановить в правах наследования... М... Седого, Эмму и Тильду поймать и заточить...»

— Далее письмо обрывается, дамы и господа, — аббат ухмыльнулся. — Но мы можем понять, что делать...

Знать загудела, затопала ногами. Гвардейцы в серебряных плащах высыпали на центральную аллею по жесту господина в бордовом плаще. Вдруг все замерло. Застыл Эмори Уилл, застыла Эшли, застыл Чарльз. Был подвижен только господин Жуан, который ехидно смотрел на Эмму большими глазами и радостно хлопал в ладоши. Эмма узнала этот взгляд. Эту руку — щупальце...

— Bravo, Ваша милость, — закричал господин Жуан. — Я подозревал, что вы не обычный ребенок, а когда вы стали появляться в компании моей дорогой Тильды, подозрения развеялись. Я думал уничтожить вас магически, но ваша матушка постоянно мешала мне. Пришлось все делать человеческим способом. — Он презрительно коснулся руки Эвелин, которая не двигалась. — Как же хорошо, — вздохнул он, — что всегда можно перебросить свою вину на другого.

— Что вам нужно? Из-за вас пострадал папа?

— Папа! — господин Жуан ухмыльнулся. — Три леди сделали свое дело, — враг щелкнул пальцами и за его спиной возникли поочередно тени леди Энн, леди Алисии и леди Доны. — Слова дорогого аббата стали удивлением для меня. Теперь вы прочтете оставшиеся символы? Обещаю, поможете мне, я помогу вам. И не позволю девушкам завершить начатое. — Жуан захохотал.

— Вы врете... Только вы могли причинить зло моему папе...

— Ошибаешься, радость моя, еще как!

— Эмма! — из воздуха материализовался седой. Но Жуан одним взглядом отбросил навязчивого старика.

— Мамаша твоя, милая Эмма, поделилась силой со мной! Теперь твоя очередь, дорогуша.

— Что вы сделали с Тильдой?

— Она хотела убить твоего папочку, радость моя, а мои леди помешали ей. Так что я уже помог тебе — благодаря мне Его милость без сознания, но жив. А Тильду я ослабил, и она сама притащила меня к Белому Камню. Мы стали драться. Я проник в ее сад. И никто не выбежал к ней на помощь. Кроме седого. Она упала, а я высосал из груди силу, так что не жди помощи, как и от старика.

Тут облако снова захохотало. Седой привстал и стал говорить. Ему было трудно, Эмма слышала, что дышит он часто и сбивается.

— Эмма! Никому не говори о себе. Мы с Тильдой придем за тобой... Он врет... Не поддавайся...

После седой рухнул на землю.

— Что вам нужно! — закричала Эмма.

— Твоя сила. Только я смогу вылечить папу, дорогуша. Поделишься — обещаю, сделаю это, и ты вернешься к прежней жизни. Папочка Тиль простит малышку Эмму...

— Я сама, — Эмма оттолкнула господина Жуана. — Дайте пройти!

— Ох, как заговорила. Да кто тебя пустит в замок теперь! Гвардейцы вот-вот бросят Ее милость в темницу, к крысам. А аббат уже шест на площади приказал возводить...

— Я не позволю. Я сильнее их...

Эмма попробовала взлететь — не вышло, открыть портал — не вышло, прочитать мысли Эмори Уилла — не вышло, сдвинуть шпагу гвардейца — не вышло...

— Что происходит? — возмутилась она.

Господин Жуан захохотал.

— Без моего желанья, вы ничего не можете, Ваша милость... Тильда подарила мне самое важное! Возможность заблокировать вас. Она контролировала, а я блокирую! Весело! А теперь, прощайте. Позвольте откланяться... — пробормотал господин Жуан и растворился в воздухе, но успел прокричать, что еще вернется и получит свое. Следом исчезли и его леди.

Эмма коснулась руки Эмори Уилла и все ожило. Гвардейцы бросились вязать ее. Эмори Уилл вынул шпагу. Как и Чарльз. Только слуг господина Дюре было намного больше. Оба храбро дрались, но помочь Эмме им не было суждено. Гвардейцы связали ей руки, бросили на колени, перевернули на бок. Платье задралось выше колен. Толпа вельмож увидела ножки Ее милости... Дюре брызнул слюной:

— Теперь ты точно узнаешь, что такое крысы и темница, ведьма!

— Ведьма! Ведьма, — бросалась обвинениями зная на балконе.

— Папа! — только и смогла крикнуть обессиленная Эмма. Она звала Тильду, звала седого. За ее честь бился Эмори Уилл. Чарльз по просьбе Эшли отступил.

— Кого ты любишь? Ее или меня? — крикнула бывшая подруга и презрительно глянула на госпожу. Она всегда знала, что мерзкая девица забрала у нее не только покой, лошадку, замок, но и любовь правителя. Кольцо вело ее... И помогло открыть правду.

Эшли приложила губой к безымянному пальчику и поцеловала трехзубчатую коронку.

— Теперь все будет хорошо. Я знаю.

Стражники подняли бесчувственную Эмму, заковали ее руки в цепи и волоком потащили к восточным воротам. Эмори Уилл с окровавленной рукой взглядом встретился с женщиной, которая заменила Эмме мать. И раскосые глаза казались ненавистными, презрительными.

— Как вы можете! Вы! Нарядные игрушки! А пахнет как! Пахнет! — заорал Эмори Уилл в молчавшую на балконе толпу и воткнул свою шпагу в рыхлую землю. Он побежал за гвардейцами, но стражники отбросили юношу, Эмори Уилл ударился головой о камень и потерял сознание.

Когда Эмму увели, зная вновь оживилась. Заиграла музыка, праздник вернулся в прежний ритм. Эшли в один момент оказалась в центре внимания. Куда подевалась мерзавка Тильда — еще один вопрос. Кто-то говорил, что видел, как ведьма растворилась в воздухе, другой сделал предположение, что она успела подкупить стражника и сбежать.

— Дочь! Она предала эту ведьму!

— Никогда мне не нравилась!

— Получила по заслугам!

— Никто по сути, а гонора то! Гонора то!

— А война будет?

— Конечно. Нечего мириться с вонючими горцами...

Из южной башни выбежали девушки из свиты Эммы. Теперь они окружили Эшли. Лицо бывшей служанки светилось от счастья. Она хотела танцевать на этой поляне, залитой факельным светом. Неужели! Неужели он захотел избавиться от чувства вины. И признался! Признался!

— Дочь моя! — Эвелин подошла к Эшли и обняла ее. Девушка всхлипнула от неожиданности. Кто бы мог подумать, что она, когда-нибудь окажется в объятиях Ее милости, женщины грозной и властной.

— Ваша милость!

— Ваша милость! Позвольте сопроводить вас...

Бедная Эшли едва не потеряла сознание от ласковых слов, блеска драгоценностей на грудях женщин, улыбок на лицах мужчин. У нее кружилась голова. Если бы не локоть Чарльза, она бы повалилась на траву.

А Ее милость удивила всех. Просто вынула подушку из-под юбки и показала всем.

— Ах! — крикнула зная. — Наследника не будет?

— Так было нужно, — оправдалась Эвелин. — План господина Жуана, чтобы вывести ведьм на чистую воду. И мой муж, Его милость, поверил мне, законной жене, а не косматым злючкам!

— Ведьмы!

— Ведьмы!

— И вас, Эшли, Его милость признает и полюбит, едва поправится, — Эвелин хлопнула в ладоши. — Все в замок, праздник продолжается. По желанию Его милости...

Эшли покорно шла теперь уже впереди своих служанок и молчала всю дорогу, пока ее не привели к покоям правителя. Его милость лежал в своей кровати, без сознания. Было темно, если не считать свечения от огня в железной печке.

Эшли бывала уже в этой спальне. С каменными стенами и тремя окошками, сейчас наглухо запертыми. Она увидела руку своего отца, которая лежала поверх ватного одеяла. Лекарь в рогатой шапке находился в этой комнате постоянно.

— Как Его милость? — поинтересовалась Эвелин.

— Без изменений, Ваша милость.

— Держите меня в курсе.

— Как прикажете, Ваша милость...

В темнице было холодно и сыро. Эмму заточили в камеру с еще одной женщиной. У нее было маленькое личико, иссушенные волосенки, грязные и спутанные. От нее пахло гнилью. Сама походила на материализовавшуюся в тело слякоть. И она забрала себе всю имеющуюся солому.

Эмма села на холодный пол и прислонилась к стенке. Из черного камня. С потолка капала вода. Ритмично. Небольшое окошко с железными прутьями пропускало слабый свет призрачной луны.

— Ее милость! — женщина подняла скрюченный палец и захохотала. — Чем же папашке богачу не угодила? А?

— Заткнись, мерзавка! — рывкнула Эмма и закрыла глаза. Она пыталась уснуть. Сидя. Ложится на голый пол никак не хотелось. Хотя спина затекла.

— А гонору то! Может юбчонкой поделишься? А то жестковато.

И грязная узница снова захохотала.

— А как жрачку принесут! Вот я поржу... Но башмачки с пряжками я приберу.

Женщина расправила лохмотья. Поднялась, потянулась. Вздохнула, в два шага оказалась рядом с Эммой и стала стягивать с маленьких ножек нарядные туфельки. Эмма не реагировала. Ей было все равно. Мир для нее померк. Эмори Уилл пропал, магических сил у нее больше не было, сад захватило черное облако, а папа разлюбил.

— Папочка, — прошептала она. И горячая слеза потекла по закопченной щеке. — Я очень плохо вела себя, папочка, прости меня... Ты только поправься, слышишь? Я не для себя прошу, ты разлюбил меня... Просто поправься...

— Эй, че несешь то? Папочка... Раньше думать нужно было.

Женщина стянула с ноги Эммы второй башмак и оба спрятала под сеном.

Потом обдало ледяным ветром. Черное облако явилось. И расправило свой плащ. Пауки поползли по каменным плитам и насторожили усики. Лапки. Эмма уставилась в мягкие складки бордовой ткани и увидела маму в кресле отца. А у ее ног сидела Эшли. И роскошное платье было украшено золотой нитью и сверкало от обилия драгоценностей.

Чарльз веселился с друзьями из Академии. В глазах сочинителя блеснул огонек, который вернул его к прежней жизни. Он держал в руке кубок с вином и брезгливо глянул на отца едва Милтон Джон вошел в танцевальную залу. Эвелин освободила его от должности, но по просьбе будущего зятя позволила бывать бывшему советнику в замке.

Земля ушла из-под ног у Эммы. Казалось, она добровольно упадет в объятия черного облака, расскажет все секреты, а после из васильковых глаз хлынут горячие слезы сожаления. Обильные. Пустые. Ничего не значащие.

— Чего вы хотите?

— Того же. Идете к Белому Камню. Отдаете мне силу. Я лечу вашего папеньку. Леди снимают с его шеи раскаленные цепи. Вы свободны. Сами вы помочь ему не можете.

Господин Жуан оглянул камеру. И увидел мелькнувший хвостик крысы. Крыса копошилась в сене, где лежала старуха в лохмотьях.

— Я настаивал на более подходящих покоях, но матушка ваша... Пардон, уже не матушка, распорядилась относиться к вам поостроже. Господин аббат ее поддержал. Хорошо,

что отговорил пустить вас по рукам гвардейцев Дюре... Так что же, Ваша милость?

Жуан присел на коленки и сложил обе руки в замок. Эмма показала ему иссиня-бледное лицо. На круглых щечках не было румянца. Губы ее высохли. Золотистые волосы растрепались и потеряли блеск. Эмма хотела пить. И есть. То, что принесли в жестяной миске — помой из гнилой капусты и редьки — она вылила в окно. После, под хохот старухи, ее стошнило. Она сдернула верхнюю юбку, сделала подстилку и легла — грубо, но не сыро.

— Хорошо, — пробормотала Эмма холодным, расчетливым голосом. — Я пойду с вами. Только требую не только выздоровление отца, но и свободу Тильде и седому старику.

— Заметано! — черное облако встало.

— Загляну утречком. Чтобы решение на свежую головку далось. Казнь в полдень. Суд был, но вас забыли позвать, Ваша милость! Все желают смерти самозванке и дочери ведьмы! Все. И фермеры и знать!

После господин Жуан ушел. Стражник поднял железные прутья.

— Малышка, порезвимся? — подмигнул Эмме толстяк-гвардеец и зазвенел ключами на поясе.

Эмма бросила в него заколку.

Старуха проснулась:

— Спать то дашь, дорогуша! А что за хмырь был? Статный такой...

Эмма не ответила. Она свернулась в комочек и, обливаясь слезами, стала шептать:

— Папочка, очнись, я исправлюсь, только очнись...

49

— На выход! — Эмма ощутила, что ее пнули носком сапога. Вздрогнула и поднялась. Над ней высился гвардеец. — Шевелись, падла! — он снова пнул ее в бок. Эмма взвыла от боли, но подчинилась. Встала и босая зашагала по холодными каменным плитам.

Гвардеец не увел слишком далеко. На этаж выше. Но подъем по ступенькам винтовой лестницы дался Эмме не просто. Она цеплялась руками за выступы в каменной стене, из овальных окошек бил лунный свет. Эмма вдруг подумала о сказочном саде — как там, тот малыш с книгой, сдал он экзамен или нет, как Тильда, седой. Она захотела увидеть их, как и папу, живыми, здоровыми, румяными, полными сил.

— Шевелись! — теперь гвардеец толкнул ее в бок рукояткой шпаги и Эмма, скорчившись от боли, согнулась в пояснице.

Он привел ее в небольшую комнату. В углу пылала огнем печка. И было даже кресло. А в нем сидел Милтон Джон. Едва бывший советник увидел ее, Эмму, тут же бросился к ногам и стал целовать холодные руки. Нижняя юбка превратилось в лохмотья, волосы спутались, лицо потеряло цвет и блеск, но на нем не было царапин и синяков — глубоких, застарелых. Пальцы на руках были целы, рукава лифа платья тоже не изодраны. Явных кровоподтеков также не наблюдалось. Вот только туфли ее куда-то подевались. Было видно, что ей холодно, она переминалась с ноги на ногу.

— Благодарю! Благодарю! — закричал Милтон Джон. — Они ничего с вами не сделали существенного. А ваша матушка велела живого места на вас не оставить. Ваша милость!

Эмма молчала.

— Ваша милость, присядьте, — Милтон Джон засуетился, усадил Эмму в кресло и пододвинул поднос с едой. — Пять золотых и сразу зашевелились. Гвардеец. Обещаю, Ее милость не узнает и у вас не будет проблем. Отогрейтесь, поешьте, прошу, поговорите со мной. Батюшка ваш без сознания, а так уже устроил бы им всем.

— Зачем? — устало произнесла Эмма.

— Что зачем?

Милтон Джон заставил ее отщипнуть кусочек мяса. Но Эмма есть не стала. Был противно. Тошно. Она хотела плакать, рыдать, но только не при нем.

— Зачем вы помогаете мне?

— А как иначе? Истинная наследница Его милости... Господин аббат воспользовался ударом, зачитал письмо вашего отца. Только Его милость призывал вас простить. И ни о какой мисс Эшли речи в его признании не было. Я добыл копию... Заплатил службе аббата... Все были ошеломлены, что поверили на слово. Не было там — ведьма, ведьма! А может, печать Его милости всех успокоила. Ваша милость...

Милтон Джон снова бросился к ногам Эммы.

— Только вы достойны этого титула, Ваша милость. Вот увидите, батюшка поправится, и все будет иначе. Вашу мать считают ведьмой. Все говорят о даме в платье с голубой оборкой, но ее так и не поймали... Я заявлю, что аббат нагло соврал. И обесчестил вас из мести. Только не отчаивайтесь... Если хотите можем пройти пару испытаний — вода, отметины, вы пострадаете немного, но все поймут, что аббат солгал. Он боится назначать эти процедуры сам. Он знает, что врет...

— Отведите меня к отцу, — Эмма вцепилась холодной рукой в запястье Милтона Джона. Он обмяк.

— Что?

— Если хотите помочь, отведите меня к отцу. Хочу попрощаться с папой перед смертью. Больше мне ничего не нужно.

Милтон Джон подскочил, заметался по комнате. Она просила о невозможном. Ему еле удалось подкупить гвардейца. На этой смене. Остальные после побега актеров были непреклонны. Показываешь золото — отворачиваются, обещаешь новый чин, а ему — вы больше не советник... Не советник... Благодаря служанке-мерзавке. Не только сына украла, но и дела жизни лишила. Милтон Джон снова кинулся к ногам Эммы:

— Я попробую, Ваша милость. Только поешьте, прошу. Но ничего не могу обещать. Ждите тут. До утра вам разрешили. Пока подкупленный гвардеец не сменится.

Эмма кивнула.

— А пока будете ждать, прочтите.

Милтон Джон вынул из кармана конверт и протянул ей.

— От Эмори Уилла...

Эмма приподнялась в кресле. Хотя бы он жив и тоже не забыл о ней, даже когда узнал правду о Тильде.

— Хорошо.

Милтон Джон поклонился и оставил ее одну. Эмма вздохнула и прижала конверт к груди. Руки ее больше не дрожали. Она верила, что бывший советник отца все устроит, он придет за ней и она увидит своего папу. Ей казалось, что она уже там. В замке. В большом зале с низкими потолками звучала музыка. И слышался топот гостей, крики. Восхваления. У знати опять был праздник. И все окна были полны света...

Эмма распечатала послание Эмори Уилла.

«Гвардейцы ранили меня, но я не мог умереть, зная, что тебе нужна моя помощь. Я сговорился с Милтоном Джоном. Он вызволяет тебя из темницы, везет в лес, а там, мой отряд переправляет тебя в горы в качестве жены моего верного слуги Жана. Тебя уже ждет

сундук с нарядами и соответствующими документами. Я же с нетерпением жду тебя в своем замке. Мы планируем побег, когда тебя поведут к помосту. Мой второй отряд готов — повод к войне, но мы, горцы, теперь знаем, что победим в этой схватке и сердца наши полны отваги. Мой слуга встретился со связным, и нам известен план нападения армии Тельмана. Золота нет, мы не сможем обеспечить себе продолжительный поход, но мы будем биться. Обещаю. Как истинные горцы. До последнего. Я верну тебе империю отца. Только слушай Милтона Джона и дождись утра. Береги себя. Твой верный друг Эмори Уилл».

Эмма вздохнула и спрятала письмо в кармашке нижней юбки.

50

Утро для Эшли прошло, не как ее обычное утро. При Эмме. Церемония одевания не показ, выслушивание глупой лести насчет прекрасного платья, прекрасной прически и ее формы. Она видела в толпе бабулю, мать правителя, которая тут же сморщила и без того морщинистый нос, стоило «новоиспеченной внучке» поднять правую руку, когда по уставу утренней церемонии требовалось поднять левую.

Затем был завтрак у матери. Эшли не сказала ни слова. Эвелин в этот день никак на ее появление не прореагировала. Она была увлечена беседой с господином аббатом, а господину Жуану, сидящему рядом, без конца наступала на ногу, но он никак не реагировал, просто перекладывал еду и задумчиво наблюдал за птицами, бьющимися в окно.

— Мерзавка получила по заслугам, Ваша милость! — вещал господин аббат. — Еще по улицам проведем. Будет достойный суд. Месть получше телесных наказаний... Как думаете?

— Неплохо бы и побить... Ладно, поступайте, как вам угодно. Я верю вам, господин аббат. А муж мой раньше срока не очнется?

— Нет... — Господин аббат наклонился к Эвелин и что-то зашептал ей на ухо. Лицо Ее милости озарила улыбка. Она хотела порадовать и Эшли, что-то сказала ей, но «дочь» не услышала, она по-прежнему не выражала никаких эмоций. Теперь о душевном состоянии наследницы забеспокоился и господин Жуан. Он велел Эвелин вызвать лекаря.

— Но... — возмутилась Эвелин.

Взгляд Жуана и Ее милость подчинилась. Эшли увели в покои. И уже там девушку осмотрел лекарь в рогатой шапке, он поднимал безжизненные руки и ноги, прикладывая ухо к груди, смотрел в глаза, а затем сказал, что с медицинской точки зрения, он не обнаружил никакой болезни.

— Скорее всего любовь.

— Любовь? — удивилась Эвелин. Она махнула рукой и бывшую комнату Эммы покинули все. В том числе и господин аббат, и господин Жуан.

Эшли лежала, укрывшись одеялом. Она видела вход в свою каморку. Сейчас там никто не жил, и дверка была тщательно заперта. Она даже хотела велеть завесить ее гобеленом, чтобы ничто не напоминало о прошлой жизни, где не было колечка, не было платьев, не было отца, но было что-то другое. Привязанность Чарльза. Он не появлялся в замке два дня, зато был его друг и поведал — загулял сочинитель за счет белокурых красавиц. Теперь его вдохновляла не розовая лента и прекрасная наследница, а горячее, гнилое, пошлое, страстное. Он с головой окунулся в самое пекло и возвращаться к Эшли не собирался. Она так думала. И виной всему — мерзавка Эмма. Даже в темнице мерзкая воровка-ведьма причиняет ей неприятности.

Эшли приподнялась на локоть и встретила глазами с матерью. Эвелин просила ее прилечь.

— Вам нужно отдохнуть.

Эшли легла. А женщина, у которой ее забрали много лет, взяла за руку и стала поглаживать. Как правитель поглаживал ладошку своей Эммы.

— Его милость не пришел в себя?

— Нет, но не думайте, прошу... Пусть мерзавка получит по заслугам до его пробуждения. Вы же знаете Его милость. Иногда он может быть очень великодушен.

Эвелин вдруг представила — а если ее муж и правда выздоровеет. Нет с казнью ведьмы откладывать никак нельзя. Очнется и простит... И господин аббат говорил о том же. Нужно торопиться. Народ и так никогда не любил капризную дочку правителя, а теперь, узнав, что она и ведьма, а ее мать лишила разума Его милость — ненавидят еще больше. Правда господин Дюре докладывал ей о некоем скрипаче из Академии и о странной девочке с шариком. Как они встретились, никто из гвардейцев не мог объяснить, но что народ собирается вокруг них и прислушивается к призывам не верить в виновность самозванки и бывшей дочери правителя — это точно.

— Арестуйте.

— Вопрос времени, Ваша милость.

Тут Эшли заговорила и Эвелин очнулась. Скрипач и девица не выходили из головы уже второй день, а поймать никого не удалось. Только получают наводку, господин Дюре сунется в переулочек, а толпы нет и знать никто не знает — что было и куда все подевались...

— Я всегда буду признательна Его милости за то письмо. Он поступил правильно — сначала отказался, а потом признал.

— Не вините его.

— Не виню. Но можно я полежу тут. Одна?

— Конечно, — Эвелин встала. — Отдохните. А завтра мы с господином аббатом ждем вас. Господин Жуан тоже обещал быть.

— Я приду, — пообещала матери Эшли и Эвелин ушла.

А Эшли полежала минуту в постели, подумала, а утром пораньше встала, наспех оделась и велела гвардейцу отвезти ее в темницу. В подземелье. Она сунула ему в карман два мешочка с золотом.

В темнице было холодно и сыро. Винтовые лестницы, каменные плиты в подземельях Его милости отличались от замковых. Как и стены. Они были сырые, холодные, мрачные, пугающие. Призрачный свет рассеивался в полуосвещенном коридорчике. Гвардеец с зажжённым факелом шел впереди. Эшли казалось, они никогда не придут.

— Почему?

— Не нужно, чтобы вас здесь видели, Ваша милость. К Ее... пускать никого не велено.

Потом был другой коридор. Эшли слышала крики, стоны, как падают на каменный пол и звенят кандалы, как цепи царапают серый кирпич, как кто-то задыхается в кашле. Минута и юноша гвардеец спрятал ее в нише. Они подождали пока пройдет отряд.

— Идемте, — паренек махнул рукой. Эшли вздохнула, и они свернули в закопченный коридор. Проводник подал ей руку, осветил черноту факелом и Эшли увидела каморку со стальной решеткой. Там было тихо. Но сыро. И пищали крысы... одна, с мохнатой шейкой пробежала у ног Эшли. Она взвизгнула, но гвардеец сурово велел молчать. Ей! Ее милости! Нет, она еще разберется. С ним. После дела.

— Ее милость! — шепнул юноша с факелом тучному коллеге. — По приказу. Особому.

Потом звякнуло золото. Стражник вздохнул, потер лоб и поднял решетку. Эшли влетела

в каморку с низеньким потолком. Да, ее жилище со шкафом и кроватью — просто шикарное по сравнению с временным обиталищем той, которую она ненавидела всем сердцем. Она и сейчас пришла показать ей, что справедливость восторжествовала и чужое место мелочной ведьме и воровке отцов больше не занять. Она. Эшли, в нарядном платье. В сияющей самоцветами диадеме. Она специально надела ту самую, украшенную камнями из пера. Подарок папулечке любимой малышен...

А у мерзавки даже сена не было. Она сидела на голом полу. Опустив голову. Руки ее были закованы в кандалы. А юбка ее платья, еще с праздника, теперь служила накидкой храпящей у окна старухе. Она проснулась, едва Эшли заговорила.

— Опять гости! Я высплюсь или нет?

— Молчать! — велела узнице Эшли, и сокамерница Эммы отвернулась к стене.

Эмма подняла глаза. Налитые печалью и гневом одновременно. Эшли удивилась отсутствию синяков, царапин. Сырая камера с крысами — не достаточное мучение для той, кто украл у нее счастливое детство и любовь правителя.

— Отец всегда любил только меня. Ясно. Всегда! И все в замке знают об этом! — крикнула Эмма и в истерике захохотала. Эшли приподняла юбки платья и выбежала в коридор. Она неслась по закопченным переходам, задыхаясь, гвардеец за ней. Теперь ее не пугали и темнота, и крысы. И воздух казался другим, чем-то пропитанным.

— Прицепите ее к стене. И руки повыше, — велела она гвардейцу.

— Но...

— Выполняйте приказ.

После Эшли дернула головкой, вышла из башни и велела доставить ее в замок. В полдень с мерзавкой будет покончено. Навсегда. Она добилась своего. И уже сидя в носилках она снова поцеловала колечко в виде трехзубчатой короны.

Милтон Джон устроил ей встречу с отцом. Было рискованно, но бывший советник смог доставить Эмму в замок. Он подкупал каждого, кто мог помешать им, он боялся, когда они вдвоем шли по арочным галереям. Обитатели замка спали в своих комнатах, но сквозняк гулял, и Эмма вздрагивала от любого шороха.

Денег у Милтона Джона не взял только верный отцу Гастон.

— Ваша милость! — крикнул на радостях слуга, обнял Эмму и отвел ее в спальню черным ходом, чтобы не видели гвардейцы и другие слуги. — Его милость увидит вас и сразу поправится. Я верю!

После Эмма вошла в затемненную комнату со опущенными на окнах шторами. Горела только одна свеча. На подоконнике. Отец лежал на кровати без движения. Укрытый любимым одеялом. Только вот на голове не было колпака с кисточкой.

— Папочка! — прошептала Эмма и присела на самый краешек его кровати. Папа не зашевелился. Даже не моргнул. Рядом стоял круглый столик. А на нем графин с водой, два полотенца, сухое и смоченное в воде.

Эмма наклонилась и поцеловала отца в морщинистый лоб. Он был горячий.

— Прощай, папочка, — сказала она.

Это было ночью. На рассвете явилась Эшли, после нее — черное облако. Оно опять предложило сделку. Эмма молчала.

— Ваша милость, скажите да. Иначе я пушу в камеру роту гвардейцев и на вас живого места не останется... А леди Алисия заточила цепи с шипами. Леди Энн уже повесила их на шейку Его милости. Знали бы вы, чего мне стоит сдерживать трех разъяренных девиц. Нагло брошенных вашим папулечкой...

Эмма опять ни слова не сказала. Устало отвернулась к стене. Теперь она ждала конец. Как спасение. Больше ничто ее не держало. Только вот солнце бы увидеть... И она увидела его. В полдень. В этот день было нестерпимо жарко. Пекло в спину. Ее гнали по центральной дороге к месту казни. На улицах собралось очень много людей. Они липли к стенам низеньких домишек, они прятались в переулках, они не боялись кидать гнилые помидоры, выливать из кастрюль помой. Одной женщине в переднике удалось пробраться сквозь гвардейцев и вылить содержимое чана Эмме на голову. Болотного цвета, теплую... Маслянистую. Это прикосновение... Эмма подняла голову и увидела лучи... Они золотили ее солнце. Оно искрилось по круглому краю. И она кружилась в танце рядом с Тильдой под музыку серебряной флейты. Папа наблюдал из-за ствола за ними... В толпе раздался хохот. Хохотали торговцы, их дети, вельможи, фермеры. Истерический хохот захватил всех.

Не смеялся только господин аббат. Он восседал на трибуне, на главной площади, и мило беседовал с Ее милостью. Господин Жуан стоял рядом и тоже о чем-то думал — он никак не мог понять, почему дочка правителя не сломалась — ее не пугала возможная смерть отца по ее вине, как и неопределенное положение Тильды. Тильде тоже было не сладко. Он пытал ее в образе черного облака в подземелье, правда, не в этом мире. А в ее собственном саду. Его обитатели каждый день выходили на берег молочной реки, каждый день срывали с дерева плоды, читали сказки и тренировались в магии. И никто не слышал тихих стонов за кустарником, никто не удивлялся слезам и печали. Никто не спрашивал, где Тильда.

— Ушла в тот мир. И все. Скоро вернется.

Он внушил им, чтобы они так думали. И обитатели сада веселились. Не было даже седого. И его исчезновение не на шутку волновало черное облако. Старик мог найти свою дочь и в домике с голубой крышей, и под землей. Куда же тогда он пропал?

Эвелин засмеялась, и господин Жуан глянул на площадь. Эмму привели. Стало тихо. Даже на балконах для знати.

Один горожанин, увидев в окне мерзавку-ведьму, которую волоком тащили под конвоем гвардейцы, бросил все дела и выбежал во двор. Он бросил огарок свечи. Именно в это утро свеча никак не хотела зажигаться. А у юноши тряслись руки от переживаний и воспоминаний о странном сне. Отец, вышедший из хлева, преградил сыну дорогу. Бывшая наследница и стражники отдалялись от дома семьи юноши и молодой человек попытался выйти за калитку, но мясник, вытерев обе руки о пропитавшийся кровью передник, потряс юнца за плечи:

— Да опомнись же! Эта девица получила по заслугам, а мы еще месяцы не сможем смыть с себя позор за то, что признали когда-то ее наследницей Его милости! Когда фермер призывал поднять бунт, а торговец маслом требовать у правителя сына от Ее милости.

Тогда юноша плюнул отцу в лицо и силой оттолкнул, чего никогда не позволил себе сделать. Уже на улице он хвалил себя за смелость, что впервые смог дать ему отпор и сделать личный выбор. Дорога к спасению той, которую он не знал, но которую просил спасти в его снах седой человек в конусообразной шляпе была свободна. Только Ее милости уже не было видно, как и ее конвоиров. А люди возмущались:

— Ведьма! Ведьма!

И бросали землю. Уже в пыльную пустоту.

— Идем с нами.

На плечо юноши легла тяжелая рука в перчатке. Он обернулся и увидел затянутое тряпкой лицо человека в зеленоватой шляпе с отворотом. В переулках прятались точно такие же. Взмах стрелой и все собрались в целый отряд. Обозленные горожане кричали и возникшей суеты не заметили. А отряд уже проник в самое пекло, в самую толпу. Юноша радовался. Впервые он мог проявить свою храбрость. Только и требовалось — схватить осужденную, пока другие будут биться с гвардейцами.

Старший в отряде махнул рукой. И началось.

Люди орали:

— Ведьма! Ведьма!

Аббат привстал со скамеечки, заметив угрозу в лице чужеземцев. Лицо Эвелин побледнело. Гастон принес ей послание:

— Его милость очнулся и требует вас к себе.

А юноша ликовал. Эмма, дочь Его милости, упала ему в объятия, и он потащил ее в переулок. За ними бежал гвардеец, потом другой, но горец метко поразил стрелой сначала шею одного, потом голову второго.

— Пить, — шептала Эмма пересохшими губами.

— Сейчас, сейчас, потерпите, — умолял ее сын мясника. — Только до леса добежим.

На площади были взрывы, был хохот, скрежетали пшаги, летели стрелы, лошади горцев топтали всех, кто путался под ногами. Люди забыли о помидорах, помоях и кинулись в переулки. А юноша тащил полуживую Эмму к дороге, к лесу. У нее ныли руки, запястья кровоточили от острых колючек на кандалах. И даже на измученном лице появились синяки.

Один гвардеец осмелился ударить ее после отказа полететь с черным облаком к белому камню.

52

Он ждал ее в уютной гостиной у зажженного камина. В дорогой одежде. В шапочке с отворотом. Перед ним стояла большая ваза с фруктами и сладостями. Эмма подошла ближе и вдруг поняла, что не знает, как вести себя — ей нужно радоваться, когда папа болен, и забыть о прошлой жизни и начать новую. С Эмори Уиллом.

— Привет, — Эмори Уилл улыбнулся и протянул спелое яблоко с красноватым бочком. — Не могу поверить, что мой проворный Жан все же смог обмануть и аббата, и гвардейцев. Вы на два дня застряли в лесу, но Жан, как опытный путник, сумел вывести отряд в горы. И вот ты, здесь, рядом со мной и опасность тебе не грозит.

Его страна была очень мала. Один замок. С одной башенкой на холмистой горе. У Эммы кружилась голова, когда она смотрела туда, в пропасть. Вершины были острыми, и могли оцарапать. Его мать, закутанная в багровую накидку, вышла встречать в заросший кустарниками каменный двор, она поцеловала Эмму в мокрый лобик, также ласково, как папа и велела слугам отнести носилки в небольшую комнатку. Комнатка была меньше по площади, чем спальня Эммы, и приемная отсутствовала, но ей казалось, что она пребывает в роскоши и кроме удобной кровати, теплой печки и согревающего огонька свечи ей больше ничего не нужно.

— Ты рискнул всем ради меня? — Эмма села рядом.

— Да, Милтон Джон отсыпал некоторым личностям в твоей стране золота побольше, и операция прошла великолепно. Правда есть жертвы среди собравшихся поглазеть на казнь. Они погибли в давке. Жаль война разорит нас, но это так, мелочи.

— Не разорит. Я знаю, где спрятан клад. И верну вам все, что ты уже потратил и потратишь.

— Эмма! — Эмори Уилл засмеялся. Он был рад, что она постепенно, но приходит в себя.

— Что Эмма! Я не вру. Это тайна. Поэтому я пойду одна. Дай мне лучше воды.

Эмори Уилл протянул ей кубок.

— Стой, — вдруг сказала Эмма и убрала его руку.

— Что не так? — удивленно спросил он.

— Там, на улице, в полной темноте, голодают и мерзнут люди...

— И что? — удивился Эмори Уилл. — Какие-нибудь воры или нищие. И с чего ты взяла, что это так?

— Неважно, — Эмма снова отстранила его руку и тихо спросила. — Сколько золота ты намерен тратить на меня?

— Станный вопрос, — Эмори Уилл почесал затылок. — Но если тебе так важно знать, клятвенно обещаю, что твой образ жизни, к которому ты привыкла у отца, не изменится. Я приложу все усилия, чтобы у тебя было только лучшее. Самые лучшие ткани, самые лучшие украшения и самые преданные слуги.

Эмма опустила голову. Она хотела услышать от него другой ответ.

— Я сказал что-то не так? — поинтересовался он.

— Нет, все в порядке, — ответила Эмма, хотя сделать это было довольно трудно.

— Мое богатство несоизмеримо с казной твоего отца, но, как я уже сказал, у тебя будет только лучшее.

Горячая слеза покатила по щеке Эммы. Ей хотелось говорить с ним, как в первую встречу у озера или в охотничьем доме. Она вдруг представила свою жизнь с ним — Эмори Уилл не устоит и отнимет последнее у бедняков, он обеспечит ей привычную обстановку, перестроит свой замок, расширит, на стены в комнатах навесит гобелены и обставит мебелью с золотыми подлокотниками. Сотня слуг будет готова выполнить ее желание, она даже пошевелиться сама не сможет, потому что найдется кто-нибудь один ловкий и поймает на руки. После свадьбы Эмори Уилл не оставит живого места на ее теле от поцелуев, думая, что все это сделает ее счастливой. Через три года она родит красивого мальчика. Сына у нее заберут и отдадут на воспитание его личной сотне слуг. Но несколько счастливых дней на берегу озера останутся в ее памяти навечно, как сказка или быль, как реальность или большая заветная мечта, исполнения которой она будет ждать. И не будет в этой жизни одного — не будет папы. Не важно — победят горцы или потерпят поражение. Папа ее не простит. Что бы ни говорил Милтон Джон.

Эмма встала.

— Что такое? — забеспокоился Эмори Уилл.

— Почему ты им не поверил? На свитке была печать отца. Вряд ли аббат соврал. Моя мать ведьма! Слышишь?

Она оттолкнула его и упала в кресло. Ей хотелось в камеру. И зачем он освободил ее. Платье? Что для нее это платье сейчас. Как и диадема. И руки без синяков и царапин. Она заревела. У него на глазах. Пусть видит. Но он обнял ее.

— Эмма, ты дорога мне. Я тебе друг, помнишь? Я обещал Его милости оберегать тебя, я женюсь через три года на тебе, как он хотел. Связной пишет, что Его милость пришел в себя...

И не навестил меня... Не написал горцам... Готовит свою армию... Он не простил... Не простил...

Эмма зарыдала еще сильнее. Эмори Уилл вызвал служанку Лейлу и женщина в переднике отвела гостью их замка в спальню.

Потом был сон. Или ей казалось. Нет, она лежала в повозке, укрытая старым одеялом. От него странно пахло, но ей было все равно. Самое главное она видела солнце, видела, как косые лучи проникают сквозь ветки деревьев. Ей казалось, что и папа где-то совсем рядом. Просто сейчас он не может подойти и поцеловать своего ребенка с васильковыми глазками и золотыми кудряшками. И Тильда тоже рядом. Ласковое прикосновение и запястья больше не будут ныть, и ссадины заживут. Потом голос. Совсем рядом. Где-то справа.

— Господин Жан, послание об удачном исходе операции уже отправили Его милости. Связной рекомендует перейти границу на севере. На востоке нас уже ждут.

— Благодарю. Сворачиваем! Сворачиваем! — крикнул Жан.

Колеса повозки закрипели. Эмма закрыла глаза, а проснулась только вечером. Ей снился танец. Она кружилась в большом зале с Эмори Уиллом, а папа хлопал в ладоши. И целовал Тильду. Он был счастлив, и все вокруг тоже были счастливы.

— Ваша милость! — Жан склонился над очнувшейся Эммой. — Вам нужно переодеться. Срочно. Мы у границы. И сесть. Сможете? Лейла вам поможет и будет рядом. Только молчите, прошу. Они ищут нас. Они знают. Все.

Эмма кивнула. И попробовала подняться. Боль ударила в виски. Говорить не было сил, как и мычать. Последние три дня она запомнит на всю жизнь.

— А папа? — вдруг спросила она. — Что с папой?

Жан пожал плечами.

— Мы ждем доклад от связного только утром. Пока состояние Его милости неизменно.

— Оно и его леди убивают его! Медленно! Душат невидимыми цепями! — Эмма опять сделала попытку приподняться, но Жан не позволил. — Я должна помочь...

— Мы вместе поможем. Война уже объявлена. Ими. И мы готовы биться. А сейчас лежите. Отдыхайте. Нужно обмануть их. Лейла!

Он вызвал их всех. Аббата. Господина Жуана. Эвелин и Эшли. Все жались к стеночке и следили за его рукой. Перстень сверкал на безымянном пальце. Рядом с ним стоял Гастон и при одном желании сразу подавал господину воды. Немного подальше мялся Милтон Джон. Именно он поведал обо всех мучениях его Эммы.

— Господин аббат, вы принесли тот свиток? Прошу дать его мне.

— Конечно.

Аббат первым отделился от стены. Уже день прошел со дня казни, а на улицах только о побеге и говорят. Теперь даже торговцы были готовы идти в поход против наглых горцев. Только вот очнувшийся правитель откладывал начало войны. Наступления требовали все, давили на него — советники, зная, вооруженные до зубов отряды. А он медлил. Дочку-ведьму спасти решил.

— Ложь! — крикнул Тельман и бросил бумагу в печь. — Эмма — моя единственная дочь. Так было, так и будет. И если я узнаю, что она пострадала при побеге, тогда берегитесь. Свободны.

— Пострадала, Ваша милость, — Милтон Джон тут же возник у уха правителя. — Я бы их сразу, в темницу. Всех.

— Ограничимся высылкой. Пока что.

— Добреете?

— Я?

— А кто? Таких давить нужно, давить. Еще бы неплохо народец успокоить. Взволнован. Последними событиями.

— Я выйду на балкон. Соберите людей и побольше. Женщину в платье с голубой оборкой с той ночи не видели?

— Нет, Ваша милость.

— Странно, — Тельман задумался. Куда же она пропала? Его Тильда. Эти глаза. Неземного цвета. Навсегда останутся у него в памяти, а прикосновение к руке, как она тащила его на себе в спальню и говорила гадости. А он не слышал. Не хотел. Не желал. Он видел цепи призрачной леди Энн и как душит его леди Дона. Леди Алисия этой ночью освободила от раскаленных, удушливых пут, срубила мечом головы обоим подругам, и они пропали, а сама обожгла его морщинистой лоб слезой, прошипела — прощай и вознеслась куда-то в воздух. Его милость даже мерцающий огонек не увидел. О! Если бы он проснулся пораньше. Малышка Эмма была бы сейчас дома.

— Пошлите гонца к горцам. Напишите, что я жду свою дочь. И что войны не будет.

— Вы уверены?

— Да. И смените начальника гвардии. В эти дни я бы хотел ощущать себя в безопасности.

— Как прикажете, Ваша милость. Речь желаете зачитать после обеда? А господин лекарь позволит?

— Позволит.

Милтон Джон ушел, а правитель Тельман закрыл глаза. Все три окна в его спальне были заперты. Наглухо. Он не желал слышать мерзких криков — не позволим спасти ведьму.

Ведьма!

Его дочь ведьма.

— Нет... Тильда точно не обычная. Сильная. А может было видение? Как со спасающей его от жара и духоты леди Алисией?

Тельман встал, походил по своей спальне и снова упал без сил в кресло. Ноги одеялом укрыть не получилось. Голова разрывалась от дум — что же он видел. Была Тильда в ту ночь с ним или ему привиделось? И как письмо-признание попало к аббату?

— Зачем я написал его? Нет, я не мог. В бреду что-ли? Да нет! Тогда кто? Только Тильда знала правду. И... — Тельман снова привстал. Он увидел седого. Человек в конусообразной шляпе материализовался из воздуха и сел рядом.

— Вы настоящий? — спросил Тиль и прикрыл лицо руками.

— Самый.

— Зачем вы дали аббату письмо?

— Так было нужно. Я не давал. Господин аббат сам нашел его. В своей келье. А ваша печать убедила его в правдивости. Только леди Эшли не ваша дочь. Скажем так, я приукрасил правду.

Седой улыбнулся.

Тут Тельман затрясся в своем кресле. И огонь. В каменной печке. Он обдавал жаром. Тиль вспотел и стал сдергивать с себя халат, только ткань, казалось прилипла к разгоряченному телу. Седой все сидел напротив. По его желанию тени танцевали на стенах.

— Вы спасли мою дочь от гвардейцев вашей матери, премного благодарен, но отняли у нее малышку Эмму. Не я отдал вам ребенка, а вы сами ее забрали, силой выхватили из рук матери, уверяя, что у вас девочке будет лучше. Вы уехали. И вернулись утром. За Тильдой. Но ее не было в избушке. Мы улетели в сад... Так было?

Правитель Тельман кивнул.

В ту ночь лил дождь, и я задушил своего ребенка от Эвелин. Крошку принесли. Завернутую в одеяльце. Что на меня нашло — я не знаю, но я не мог смотреть на черные, казавшиеся пустыми глазницы, и странную усмешку. И взгляд мне показался косым. Угрюмым. И носик был острым, острым, как клюв у птицы. А потом Эмма... Она шевелила ножками, кричала и просилась на руки. Чтобы ее покачали.

— Сейчас, малышка, папа сейчас придет.

Я взял подушку с кровати и прижал к лицу ребенка Эвелин. Ребенок перестал дышать. Тогда я завернул его в одеяльце и понес к озеру, к белому камню. Прямо там и зарыл. Не было никаких гвардейцев со свертком. Я сам закопал его. Мотыгой. Лил дождь. Ливнем. Стеной. Халат прилип к телу. Уже мокрым я вернулся в комнаты. Гастон отпоил чаем и сказал:

— Все ждут. Можно заходить в детскую?

Я кивнул.

Знать увидела Эмму. Потому что я захотел. Сам. Не по ворожбе Тильды и не под влиянием музыки флейты. Я сам сделал дочь Тильды наследницей.

— А сейчас вы обо всем забудете, — седой моргнул. — Доверьтесь мне, прошу. В ту ночь, когда вам стало плохо, вы не видели Тильду. Пропавших леди. Они не причинили вам зла.

— Не причинили, — повторил замороженный голосом седого Тельман. Глаза у него слипались, а мелодия... Эта мелодия... Его убаюкивала.

— Вы всем сообщите сегодня на площади, что леди Эшли не ваша дочь.

— Не моя дочь.

— Вы снимете с ее руки кольцо, и все поймут.

— Поймут.

— Кольцо леди Эшли дал господин Жуан.

— Господин Жуан.

— Эмма не дочь ведьмы. Ее оболгали.

— Оболгали.

— Вот и славно.

Седой встал. Открыл портал и исчез. Тиль очнулся. В печке пылал огонь, а за окном стало тихо. Очень тихо. И думалось легче. Он даже удивился, что потерял какую-то важную мысль.

— Этого никогда не было, — произнес правитель Тельман и велел Гастону пригласить леди Эшли.

54

Она явилась. В нарядном платье. Только пепельные волосы не блестели, а маленькие ручки тряслись, и она прятала от взгляда правителя безымянный палец. Но он встал, вернее Гастон помог ему подняться, потому что он пытел, и дышать было трудно. Правитель горой возвысился над служанкой дочери и его черная тень накрыла Эшли. Она покачнулась на мягких каблучках. Губы задрожали, а он схватил ее за руку и с не бывалой лёгкостью стянул колечко в виде трехзубчатой коронки.

— Ваш разум смутили, мисс. У моих наследников ключ не снимается. Видите? Кольца нет, только коронка.

Правитель показал ей свою руку. Железно-жилистую, немного окоченевшую от долгого лежания.

Эшли зарыдала, бросилась в ноги и умоляла помиловать.

— Он сказал мне, что никто не узнает! Никто! Я так хотела получить вашу любовь, что и сама поверила. Он дал мне кольцо, он! Друг Ее милости.

— Знаю, — правитель велел Гастону снова его усадить. — Именно это ты и скажешь сегодня днем на балконе. А взамен получишь замок в союзной стране и земли. И чтобы я больше о тебе не слышал. Ясно?

— Благодарю, Ваша милость.

Эшли поднялась с колен, вытерла слезы и побежала прочь из его комнаты.

— А ручки Ее милости пострадали по вине мисс Эшли, — Гастон подал голос и принес жестяную чашу с теплой водой. Он стал брить своего господина.

— Милтон Джон доложил уже. Пока ограничимся высылкой, а потом видно будет.

— Как будет угодно Вашей милости.

Гастон подготовил правителя и на балконе, под рев толпы, требующей немедленного наступления на горцев, он снял с пальца Эшли кольцо и заговорил громким басом:

— Леди Эшли ввел в заблуждение тот, кто подарил ей это кольцо на удачу. Только у ребенка, рожденного от меня, снять его невозможно.

Толпа умолкла. Эшли стояла смиренно. Ей обещали прощение, если она сделает все, как прикажут. И Эшли терпеливо молчала. Лучше так, чем темница с сырыми стенами, сеном, крысами и звенящими кандалами.

— Это был мужчина, — крикнула она. — Я не помню его лица. У него был бордовый

плащ. Он поймал меня на кухне, а в коридоре подарил это кольцо. Он сказал, что оно принесет мне удачу и я поверила... Поверила...

— Мы прощаем леди Эшли, — теперь слово взял правитель Тельман. — И найдем виновного.

Толпа опять загудела. Прилавки из пересохшего дерева в этот час пустовали. Безбрежно-широкие поля тоже. На площадь высыпали и фермеры в синих шапках, и торговцы маслом, мясом, мукой.

— Ведьма! Ведьма! — скандировали они.

Очередная ложь. И ложь текла по рядам, касалась остроконечных шапок, кисточек на передниках, квадратных каблучков. Ложь пропитывала выпачканные копотью или песком губы, ложь пряталась в лучах полуденного солнца, ослепляла. Правитель Тельман поднес безжизненную руку к воспаленным глазам. Даже на его ладони бороздили морщины, как на поле лучшего фермера, который сейчас забрался на бочку у одного из домов с железной крышей и закричал, что есть мочи:

— Ведьма! Ведьма! Не пустим ведьму!

И люди поверили тому, кто катил по утрам повозку и пел в ней песню. И песня летела на непокорном ветру, листья шептали свою музыку, а он слышал этот шепот и пел. Пел так, что песня цепляла остальных. Дочь в платочке останавливалась и подавала отцу кувшин с теплым молоком, сосед желал доброго дня, а заботливая жена встречала поздним вечером у деревянной калитки...

— Ведьма! Ведьма! Убейте ведьму!

— Моя дочь Эмма не ведьма! — правитель Тельман поднял руку и собравшиеся на площади умолкли. Гвардейцы в серебряных плащах кинулись к тумбе с прохуdivшимся боком вязать руки фермеру вещуну, но характерный жест Его милости и отряд вернулся в строй.

— Запомните! Эмма — моя единственная дочь. И рождена от моей законной жены Эвелин. По состоянию здоровья Ее милость не может присутствовать, но вот бумага от лекаря. В этом документе Ее милость удостоверяет, что леди Эмма ее дочь, а сама она была введена в заблуждение человеком в бордовом плаще...

Его ласковые слова и шепот обольстили меня... Леди Эмма — моя дочь.

Молчок. Тельман выдохнул. Эти лица. Он столько раз видел их. Абсолютно разные. Белые, в муке, в грязи, с крошками на щеках, с глазами-точками, усиками и с бородкой. Вроде поверили. Фермер-ворчун спрыгнул со своей бочки. А может нет? Нет, главное он сам верит. И быстрее бы вернулась Эмма. Его малышка.

55

— Эмма, вставай!

Кто-то звал ее во сне. Эмма проснулась. В спальне было тихо. И свеча не горела. Служанка Лейла мирно спала в кресле и оберегала сон госпожи. Потом ветер. Время застыло. Седой! Он пришел за ней. От радости Эмма откинула одеяло и бросилась обнимать старика в конусообразной шляпе. От силы, с которой на него накинулась на него Эмма, седой потерял свою реликвию, но характерный жест иссушенным пальцем и шляпа снова покрыла седую голову.

— Тильда? Где Тильда? С ней все в порядке?

— Идем, Эмма. Пришло время.

— Какое?

— Разбудить твою силу. Скорее. Белый Камень ждет.

Седой открыл портал, и Эмма зажмурилась от мерцающего во мраке света. Она поняла, что скучает по полетам, по искрящейся каемке, ее тело затекло и в темнице, и в кровати в замке Эмори Уилла. Сейчас же, когда она снова проносилась лучистым облачком над блестяще-желтой поляной в саду Тильды, лёгкость питала ее требуемой энергией. Седой даже не держал ее за руку. Она летела сама по себе, кувыркалась в вольном воздухе — папа, папа простил ее и Эмори Уилл уже завтра обещал отвезти ее домой.

— Приземляйся! — велел седой, и Эмма опустилась на холодную землю. Да! Она скучала по сочным листикам, по приземистым домикам, по ярко горящим на солнце крышам и даже по убаюкивающему чириканию птиц в малиновых кустах.

Поляна у Белого Камня пустовала. И обитатели сада пропали с лужаек. Эмма спросила у седого, почему.

— Они спят, — пояснил седой. — Черное облако заколдовало их. Оно сейчас явиться сюда.

— Я уже здесь! — властный голос, подобно грому, оглушил Эмму. — Эта сила моя! Моя!

Сильный ветер раскачал деревья. Вековые стволы закрипели. Черное облако выло. Гулкие тучи собирались на некогда ясном небе.

— Нет! — Эмма вложила руку в отпечаток, но невидимая сила отбросила ее и подальше. Седой поднял воспитанницу на руки и понес снова к камню. На полпути упал. Эмма лежала без сознания.

— Ну же, девочка, очнись! Открой глазки. Надо. Иначе оно победит. Давай. Борись.

Ветер стал дуть сильнее. Одна туча поглотила другую, где-то справа засвистели, зашипели. Седой поднес ладошку Эммы к отпечатку, и сверкающая сила потекла в ее безжизненную ручку. Эмма открыла глаза. Если слышно стала нашептывать огненные символы. Черное облако взвыло и надулось, как шарик. Оно пыталось помешать, но седой в упорной атаке отражал проникновение его щупалец на территорию Эмма-камень. Его ранили. Шляпа слетела. Только он не чувствовал боли. Мысль о спасении Тильды подпитывала его, наполняла энергией. Казалось, дочь помогала ему через траву, песок, землю...

Эмма перестала шептать. Она стала выше. По росту. Седой упал. А Эмма пустила огромный огненный шар. Первый улетел, второй растворился в воздухе, а третий попал в врага. Черное облако зашипело, закрутилось. Собственные тучи проглотили его. Облако раздулось до немыслимых размеров, а сильный голос загрохотал:

— Я найду тебя, дорогуша!

После враг превратился в мелкую точку и пропал. Дождь закончился и деревья встали смиренно. Голубые крыши снова заблестели, зажурчала вода в молочной реке, птицы расправили хвосты, розоватые бутончики подняли стебельки и зеленые листики потянулись к свету. С веток стали падать спелые фрукты... Листики зашелестели, зашептали свою мелодию, в воздухе пролетела серебряная флейта и очаровала всех неземной музыкой. Где-то топали каблучками. Говорили... Мальчик с книжкой... Он бежал по желтой дорожке и радовался, что сдал еще один экзамен.

— Тильда там, — только и сумела сказать Эмма. — В пещере. Спасите ее.

Седой кивнул, передал Эмму заботам женщине в белой тунике, а сам полетел искать свою дочь.

Эпилог

Бутоны... Красные, розовые, белые. Они шли по улицам города и одаривали цветами всех желающих. Только теперь никто не знал, что это за подарок — его мог поймать только тот, то на самом деле чего-то хотел. Сегодня усатый продавец, завтра мальчик-скрипач, через неделю вельможа, убитый горем после смерти жены, еще через месяц девочка-подросток, не могущая найти контакта с родителями. Людей было много. Некоторых Эмма запоминала, некоторые исчезали из ее памяти. Но ее бутон... И бутон Тильды... Это было их время. Послеобеденное. Время цветочниц.

— Ты не хочешь помириться с отцом? — спросила Эмма, когда они присели на скамейку. Передохнуть после продолжительной прогулки.

— Он только забыл меня. Отец ему помог. Избавиться от душевных ран. К тому же нам удобнее, чтобы тебя считали дочерью Эвелин. Меня же, к сожалению, все запомнили жалкой ведьмой-соблазнительницей. Пусть так и будет. К тому же не уверена, что сдержусь и не наброшусь на него... Я два раза пыталась убить его... Во второй — просто помешали...

— Но, — возмутилась Эмма.

— Не спорь.

— Он опять спрашивает, где я бываю. Теперь еще и Эмори Уилл... А если леди Софья признается, что нет никакого обучения с детками...

— Она не скажет, будь спокойна.

— Тильда, все повторяется.

— Так надо, Эмма.

Эмма согласилась с наставницей. Называть ее матерью — не получалось, она привыкла жить с мыслью, что в ее жизни есть только папа. И он всегда будет самым родным. Даже Эмори Уилл немного был обеспокоен привязанностью невесты к своему отцу.

— Цветочницы, хватайте их! — крикнул выскочивший из переулка гвардеец.

Тильда среагировала первой. Следом Эмма. Ежедневный побег уже стал сценарием. Лавочка, гвардейцы, тесные закопченные переулки, ниша, передышка, прощание. Эмма едет в замок, а там ее обнимает отец, целует Эмори Уилл. Эмма садится на диван в ставшем общим для папы и ее жениха кабинете и оба начинают показывать план захвата цветочниц. Если бы не Тильда, она бы уже призналась и одному, и другому. Что ловить никого не нужно. И защищать. Если только ее саму от себя. Сила росла в ней с каждым днем. Она летала по спальне каждое утро. Могла проснуться в воздухе. Или в бальном зале начинала светиться. Это сейчас, а что будет через год, когда она станет женой Эмори Уилла. Тильда успокаивала:

— Не думай. Ты видишь, а они нет...

— Малышка, не нужно плакать.

Это папа. Он сядет справа.

— Милая, мы поймем мерзавок. Никто у нашей девочки наследство и любовь народа не отберет.

Эмори Уилл сядет слева.

Эмма рыдала. Сначала на плече одного, потом на плече другого.

— Проблема, которая тебя волновать не должна.

— Не должна.

— Цветочницы получают по заслугам.

— По заслугам...

— Папа, Эмори Уилл...

— Что?

— Ничего. Делайте, что нужно. Я верю вам.

После они обнимали ее. Папа и Эмори Уилл. А Эмма плакала так, чтобы не видел ни один, ни другой. Только Тильда знала о слезах. Еще седой старик. Он забавлял своей прыгающей шляпой, и Эмма переставала грустить.

Больше книг на сайте - Knigolub.net